Секретные
миссии

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгах «Охотник за шпионами» и «Друг или враг?» О. Пинто рассказывает о своем многолетнем опыте работы в органах английской, голландской и бельгийской контрразведок. В ряде ярких и запоминающихся эпизодов автор раскрывает тесную взаимосвязь, существующую между разведывательными и контрразведывательными органами капиталистических государств, рисует картину борьбы английской контрразведки против гитлеровского шпионажа во время второй мировой войны.

- О. Пинто
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

О. Пинто
Охотник за шпионами

Глава 1.
ВСТУПЛЕНИЕ

Всю свою жизнь я охотился за шпионами. Во время минувшей войны я имел прямое отношение к казни нескольких шпионов и к осуждению на длительные сроки тюремного заключения многих других. Я говорю об этом не из тщеславия или желания похвастаться — просто мне хочется сказать, что я имею право написать книгу о шпионах.

Во время многочисленных лекций, которые я прочел, многие мужчины и женщины, пожилые и молодые, часто спрашивали меня, как стать контрразведчиками. Почти все они, начитавшись детективной литературы, мечтали выслеживать шпионов в барах и роскошных отелях, пользуясь тайными сигналами и паролями; с умопомрачительной скоростью преследовать их на машинах и, наконец, эффективно защелкивать наручники на руках своей жертвы, настигнутой где-нибудь в канализационных трубах какой-нибудь экзотической иностранной столицы.

В действительности же охотник за шпионами то и дело рискует жизнью. Его работа, как и солдатская служба на фронте, — скучное, утомительное ожидание. В развлекательных кинофильмах работа контрразведчика выглядит иначе. Все внимание в них сосредоточено на самых острых моментах; долгие же часы скучных для зрителя расследований, сопоставления отдельных фактов и соединения их в единое целое на экране показать невозможно.

Охотник за шпионами должен обладать десятью качествами. С семью из них надо родиться, а три остальных можно приобрести. Почти все начинающие контрразведчики на первых порах испытывают большие трудности. Ниже я перечислю эти качества в порядке их важности с моей точки зрения.

Феноменальная память. Охотник за шпионами должен не только обладать способностью запоминать лица, события, места, в которых ему случалось бывать много лет назад, но и уметь без протокола вести допрос, продолжающийся несколько дней. Во 2-й главе я подробнее расскажу о допросах, а сейчас замечу только, что самое важное для следователя — завоевать доверие подозреваемого и, если возможно, внушить ему чувство ложного самоуспокоения. Если во время допроса следователь будет отрываться, чтобы вести запись показаний, ему не удастся превратить эту процедуру в неофициальную беседу, и подозреваемый, естественно, будет настороже, успеет собраться с

мыслями и обдумать убедительные ответы на дальнейшие вопросы. С кажущейся беззаботностью откидываясь на спинку кресла, следователь своими спокойными доброжелательными манерами заставляет подозреваемого считать, что допрос — это только неизбежная официальная процедура. Допрашиваемый успокаивается и в таком состоянии обычно выдает себя.

Бог, а может быть дьявол, наградил меня поразительной памятью. Например, я могу вспомнить, какие подарки преподнесли мне в день рождения, когда мне исполнилось всего три года, и даже кто их подарил и в какое время дня. Я помню себя с шести месяцев и до сих пор не забыл своей кроватки и цвета украшавших ее ленточек. Мой отец одним из первых в Голландии установил у себя дома телефон. Некоторые телефонные номера были записаны на клочке бумаги, висевшем у аппарата. И хотя прошло уже более пятидесяти лет, я все еще хорошо помню каждый из них. Феноменальная память — врожденное качество, без которого нельзя стать охотником за шпионами.

Большая выдержка и внимание к деталям. О значении этого качества говорится в 6-й главе, здесь же только упомянем, что на допросе шпион проявляет максимум терпения — от этого зависит его жизнь. Значит, следователь должен быть еще терпеливее, если он хочет добиться своего. Опытный шпион хорошо помнит основные моменты своей вымышленной биографии, так называемой «легенды», и следователю трудно уличить его во лжи. Лишь в мелких деталях опытный шпион может допустить неточность. Внимание к деталям в сочетании с безграничным терпением — немаловажное оружие в руках следователя.

Способность к изучению иностранных языков. Возможности следователя, безусловно, ограничены, если он допрашивает подозреваемого через переводчика. В этом случае он не в состоянии, например, определить, является ли задержанный, который выдает себя за шведского бизнесмена, шведом, или немцем, или норвежцем, блестяще знающим шведский язык. При осмотре личных вещей подозреваемого самый лучший детектив в мире будет беспомощен, если он не знает языка, на котором написаны письма, дневники и официальные документы, принадлежащие этому лицу.

Знание практической психологии. Агент контрразведки должен знать характер подозреваемого, чтобы заранее определить, какой метод допроса применить. Встречаются люди, на которых угрозы и устрашающий тон оказывают действие, обратное желаемому, — укрепляют их стойкость. В то же время

малейшее проявление сочувствия помогает сломить их упорство. Других можно заставить разговориться, умело играя на их тщеславии. Для этого достаточно вовремя похвалить человека. Следователь, который с самого начала допроса не может определить характер подозреваемого, похож на боксера, идущего на ринг с завязанными глазами.

Храбрость. Читателям может показаться, что следователю требуется не так уж много храбрости. Некоторые скажут мне, что храбрость больше необходима подозреваемому, борющемуся за свою жизнь. Это правильно. Ни одного шпиона, как бы неразумны ни были его поступки, нельзя упрекнуть в трусости. Его заранее готовят рисковать жизнью в чужой стране, где он одинок и не может рассчитывать на поддержку товарищей. Но уже из этих нескольких страниц ясно, что охотник за шпионами — двойник шпиона, он должен обладать всеми качествами тайного агента и, кроме того, иметь более острый ум, чтобы перехитрить своего противника. Тот, кто слушал дебаты в парламенте или присутствовал на заседании суда, где разбиралось важное дело и где свидетели подвергались перекрестному допросу, знает, что существует качество, которое можно назвать моральным превосходством. Оно не обязательно принадлежит прокурору — его может иметь и защита. Моральное превосходство обычно сопутствует смелым людям. Следователь контрразведки не достигает своей цели грубым обращением с подозреваемым, он должен подавлять его глубокой верой в свою правоту. Если следователь выигрывает эту молчаливую битву, он непременно достигает своего. А для этого он должен обладать огромной силой воли.

Знание столиц и крупных городов Европы. Охотник за шпионами должен знать не только главные улицы и важнейшие здания, но и переулки, рестораны, гостиницы, расстояния между ними и даже, как лучше добраться от одного места до другого. Для этого ему необходима отличная память. В подтверждение я хочу рассказать об одном случае.

Это произошло в марте 1942 года… Ганса ввели в мой кабинет для допроса. Он не был предан суду, поэтому я не могу назвать его настоящую фамилию. Когда он усаживался передо мной, я откинулся на спинку кресла и внимательно наблюдал за ним. Ганс был высоким, худощавым, но сильным человеком. Видимо, он умел владеть собой. Коротко остриженные белокурые волосы, голубые глаза, широкие скулы и впалые щеки, не говоря уж о шраме на правой щеке, который, напоминая о дуэли, раскрывал некоторые черты его характера, выдавали в нем немца. Я знал, что были и хорошие и плохие немцы. Но каким был Ганс?

Его рассказ показался мне простым и откровенным. Не успел он произнести и нескольких слов, как я понял, что передо мной высокообразованный, умный человек, готовый постоять за себя. Ганс чистосердечно признался, что он немец. Как я узнал из его рассказа, в 1936 году он бежал в Данию, так как несогласие с нацистским режимом поставило под угрозу его жизнь. В Копенгагене он работал адвокатом, что давало ему средства к существованию. В 1940 году фашисты захватили Данию, и Ганс понял, что оказался в еще большей опасности, чем прежде. Решив уйти в подполье, он тайно вернулся в Германию, оттуда бежал в Швейцарию, из Швейцарии — в Южную Францию и через испанскую границу — в Барселону. Это была испытанная дорога к спасению.

Меня заинтересовало начало его рассказа. В Копенгагене он прожил несколько лет и город знал прекрасно. В его речи проскальзывали юридические словечки, и можно было поверить, что Ганс действительно когда-то работал адвокатом. Не оставляло ни малейшего сомнения и то, что он хорошо знал маршрут побега. Он упоминал о таких деталях, которые мог помнить только человек, проделавший этот путь.

Я закурил сигарету.

— В какое время дня вы прибыли в Барселону? — спросил я его по-немецки.

— Поздно вечером. Насколько я помню, было около десяти часов.

— Где вы провели ночь?

— В гостинице «Континенталь».

— Да, «Континенталь»… А вы не помните, на каком этаже находится ресторан? — спросил я.

Последовала короткая пауза, и затем он улыбнулся.

— Боюсь, что не помню. Видите ли, время было позднее, около десяти часов. Мне сказали, что ресторан закрыт, и я поужинал в номере.

Ганс умело избежал прямого ответа на мой вопрос.

— А что вы делали на следующее утро?

— Я позавтракал в номере и отправился в английское паспортное бюро.

— Как вы добрались туда, на такси или пешком?

— Пешком, — ответил он.

— Сколько времени потребовалось вам, чтобы пешком добраться от гостиницы «Континенталь» до английского паспортного бюро?

— Около двадцати минут, — ответил он.

Наступила короткая пауза. Я взял сигарету, постучал ею по

пачке, прикурил и глубоко затянулся.

— Мой друг, — спокойно произнес я, — вы лжец, хитрый лжец, и, может быть, даже шпион.

Ганс покраснел и как ужаленный вскочил со стула.

— Вы не имеете права оскорблять меня! — закричал он.

— Сядьте и успокойтесь. Мне все ясно. И не устраивайте сцен.

Я наклонился над столом.

— Два факта против вас. Ресторан в «Континентале» находится не на первом, как во всех гостиницах Европы, а на втором этаже. Вы почувствовали ловушку и умно обошли мой вопрос, заявив, что в десять часов вечера ресторан якобы был закрыт. Так могло случиться в Берлине, Лондоне или в Копенгагене. Но вы не знаете, мой друг, что в Испании, как и в большинстве средиземноморских стран, ночная жизнь начинается значительно позже, чем в странах Северной Европы. Вы слышали о сиесте — послеполуденном отдыхе? Во всех жарких странах после обеда отдыхают. Самое прохладное время суток, когда люди наслаждаются жизнью, — поздняя ночь. Кинотеатры и театры в Испании открываются в одиннадцать часов вечера. Итак, как вы сами видите, ресторан в гостинице «Континенталь» не мог быть закрыт в десять часов. В это время веселье там в самом разгаре. Вывод напрашивается сам собой — вы никогда не были в этой гостинице…

Он попытался перебить меня, но я продолжал.

— Даже если не вменять вам в вину эту ошибку, вы, голубчик, все равно попались.

Я взял карандаш и лист бумаги.

— Смотрите сюда. Поскольку вы не знаете Барселоны, я начерчу небольшой план. Вот здесь, на улице Рамбла де Каталуна, находится гостиница «Континенталь». Чуть подальше — площадь Плаза де Каталуна. От нее идет улица Пассо де Грасиа, на которой и находится паспортное бюро. От гостиницы до бюро меньше пяти минут ходу. А вы говорите, что вам потребовалось двадцать. Такой высокий, подвижной человек, как вы, не может ходить так медленно.

Я нажал кнопку звонка, чтобы часовые увели его.

— Между прочим, — добавил я, — если бы вы действительно останавливались в гостинице «Континенталь», вы могли бы увидеть паспортное бюро из окна своего номера. Чиновники бюро подтверждают, что вы действительно были там, но для меня остается загадкой, как вы туда добрались. Может быть, на заднем сиденье закрытой машины, принадлежавшей немецкой разведывательной службе?

Легко заподозрить человека, но гораздо труднее получить доказательства его виновности. Ганса не предали суду, но я убежден, что он был опасным шпионом. В целях предосторожности его интернировали до конца войны.

Этот случай говорит о том, что человек умнее меня мог потратить на допрос Ганса много часов, но не зная иностранных городов, в данном случае Барселоны, он не обнаружил бы двух незначительных ошибок в его довольно убедительном рассказе.

Знание международного права. Каждый подозреваемый, независимо от его национальности, имеет определенные права и привилегии, которые дают ему международное право. Например, его нельзя задерживать дольше определенного времени, а в период задержания необходимо соблюдать установленные правила. Международное право ограждает пленных и подозреваемых от грубого обращения. Ловкий шпион, хорошо знающий Гаагскую конвенцию, может поставить следователя в затруднительное положение, требуя бóльших привилегий, чем это определено международным правом. Поэтому следователь не должен допустить, чтобы подозреваемый перехитрил его.

Охотник за шпионами должен быть прирожденным актером. Он должен уметь скрывать гнев, нетерпение или сострадание — словом, обязан владеть собой. Изучив характер подозреваемого и выбрав наиболее подходящий метод допроса, следователь начинает играть свою роль. Нельзя говорить повышенным тоном, когда с лица еще не сошла улыбка, а в голосе проскальзывают сочувственные нотки. Следователь очень скоро потерпит неудачу, если примет тактику сочувствия, но не избавится от пронизывающего взгляда и раздражительного тона. Опытный шпион обычно прекрасно разбирается в сильных и слабых сторонах следователя. Он чувствует фальшивые нотки в голосе и видит искусственную улыбку. Охотник за шпионами должен уметь скрывать свои истинные чувства. Подозреваемый может незаметно для себя допустить незначительную оплошность. Следователь немедленно замечает ее, но не подает виду. Если блеск глаз или возбуждение выдадут внутреннее волнение следователя, подозреваемый будет настороже. Нередко допросы крайне изнурительны — упрямый подозреваемый изо дня в день повторяет одно и тоже. Это может вывести следователя из себя, но он должен держать себя в руках и оставаться спокойным. Плохо, если выражение лица или какой-нибудь неосторожный жест выдадут его истинные чувства.

Охотник за шпионами должен обладать **большой проницательностью, интуицией и наблюдательно** Под этим я понимаю способность выявлять причины, оценивать

каждое звено в цепи показаний подозреваемого и логически мыслить. Только следователь, способный на допросе раскрыть сокровенные тайны человека, может преуспеть в борьбе с хитрым шпионом. При этом важную роль играет фактор времени. Было бы идеально, если бы подозреваемый мог дать отчет о каждой минуте того периода, которым интересуется следователь. Испытывая вполне понятное волнение, честный человек может не дать исчерпывающих ответов на вопросы следователя. При первой даче показаний он обычно смущается и потому забывает важные детали и события. Любой полицейский скажет вам, что очень немногие со всеми подробностями могут рассказать о недавнем событии. Если человек не имеет опыта в даче показаний, он опускает важные факты, повторяется, говорит сбивчиво, непоследовательно. Два свидетеля несчастного случая, происшедшего на улице, подчас дают совершенно различные показания. Помня об этом, следователь не должен удивляться, если рассказ беженца, испытавшего на своем пути немало лишений и наконец обретшего свободу, окажется запутанным и нелогичным. Если опасное путешествие продолжалось несколько дней, недель или даже месяцев, беженец может забыть, какого числа и в какое время дня он пересек границу или прибыл в тот или иной город. Офицер контрразведывательной службы должен отличать правду ото лжи, делать скидку на допустимую потерю памяти и не забывать о способности людей преувеличивать вследствие переутомления.

До сих пор мои замечания касались в основном устного допроса подозреваемого. В следующей главе я подробнее расскажу о методах допроса, а также об осмотре личных вещей подозреваемого. Здесь я только замечу, что все вещи, принадлежащие подследственному, начиная с одежды и кончая ручным багажом, очень важны для установления его личности. Только опытный следователь, зная, какие улики он ищет, может получить нужные сведения при осмотре писем, книг, одежды и даже отдельных частей тела подозреваемого. Редкий шпион доверит своей памяти коды, шифры, иностранные адреса, по которым он должен посылать добытые сведения. Некоторые полагаются на различные пометки. Зная, какие данные ему нужны, следователь не станет разбрасываться, а будет искать их в определенных местах. Как раз об этом говорит случай с Дронкерсом, о котором речь будет ниже.

Знание старых хитростей и уловок. Существуют хорошо известные способы тайнописи и сокрытия важных улик. Один из самых существенных недостатков немецкой разведки в период обеих мировых войн — это строгое следование шаблонным

правилам и боязнь инициативы. Если какой-нибудь секретный код становился известен иностранным разведкам, его немедленно заменяли новым, но нередко немцы вновь использовали коды, раскрытые много лет назад, и, таким образом, без всякой нужды рисковали своими агентами. Я приведу здесь два примера — один из второй мировой войны, а другой — из первой.

Во время первой мировой войны, когда боевые действия велись на территории европейского континента, шпиону трудно было не столько добывать разведывательные сведения, сколько передавать их. В годы второй мировой войны, наоборот, стало труднее добывать информацию, а передача ее перестала быть проблемой благодаря двум изобретениям — беспроволочному телеграфу и микрофотографии. Мощный радиопередатчик устанавливали в каком-нибудь глухом месте, скажем, в Эссексе; после передачи сведений радиопередатчик разбирали и перевозили в другое место, в нескольких километрах от первого, прежде чем контрразведка успевала определить точное местонахождение радиостанции. Еще более совершенное изобретение — микрокамера. Я видел немецкий фотоаппарат не длиннее авторучки и всего в три раза толще ее. Он легко помещается во внутреннем кармане пиджака и даже в кармашке жилета. Этот аппарат использовался для фотографирования документов. Негатив можно было уменьшить буквально до величины булавочной головки. Шпион помещал негатив под почтовой маркой на конверте и посылал письмо за границу. Содержание письма бывало, конечно, самым безобидным. В военное время цензура обычно перегружена работой, и далеко не каждая марка отрывается от конвертов деловых писем, адресованных, скажем, в Лиссабон. Но были случаи, когда немецкие агенты продолжали посылать письма по адресу, попавшему под подозрение. Такие письма исследовались особенно тщательно. В конце концов этот хитрый способ был раскрыт.

Второй пример относится к периоду первой мировой войны.

…Это произошло в 1916 году на французском фронте, на реке Сомме. Случилось так, что одна половина деревни находилась в нейтральной зоне, а другая — за линией обороны французских войск. В боях наступило затишье, и обитатели деревни с флегматичностью, свойственной сельским жителям, начали восстанавливать нити так грубо нарушенной мирной жизни. Одна крестьянка жила в той части деревни, которую занимали немцы. Она каждый день навещала брата, дом которого находился за линией французских войск. Когда она попадала в расположение французов ее по заведенному обычаю обыскивал и

допрашивал офицер контрразведки. Как и другие жители деревни, то и дело переходившие из одной зоны в другую, она не вызывала подозрений. Однажды эта женщина возвращалась от брата с небольшой корзинкой. В ней она несла свой ужин — вареные яйца, хлеб и масло. Офицер контрразведки хорошо знал крестьянку и дружески приветствовал ее. Задавая ей обычные вопросы, он машинально осмотрел содержимое корзинки. Затем взял одно яйцо и стал с ним играть — подбрасывать в воздух и ловить на лету. Случайно он оглянулся и, к своему изумлению, увидел испуг на покрасневшем лице женщины. Офицер продолжал подбрасывать яйцо и вскоре заметил, что чем выше кидал он его, тем сильнее волновалась крестьянка. Тогда он внимательно осмотрел яйцо, но не нашел на его скорлупе ни единой метки или пятнышка — яйцо было самое обыкновенное. Но теперь офицер стал подозревать что-то недоброе. Тогда он разбил яйцо о край корзинки и стал снимать скорлупу. На белке он увидел микроскопические слова и знаки коричневого цвета. После увеличения и расшифровки их выяснилось, что это был план французской обороны с обозначением дивизий и бригад. Крестьянка предстала перед военным трибуналом и была казнена как шпионка.

В данном случае немцы использовали свойства уксусной кислоты. Если этой кислотой написать что-нибудь на скорлупе яйца, дать ей просохнуть, а затем сварить яйцо, произойдет следующее: пройдя через скорлупу, кислота осядет на белке. После этого даже под сильным микроскопом на скорлупе не удастся обнаружить никаких следов. Чистая случайность помогла французской контрразведке раскрыть этот хитрый прием, чистая случайность плюс знание офицером-контрразведчиком психологии человека.

Прием был раскрыт, и немцы, казалось бы, должны были немедленно забыть о нем, несмотря на все его остроумие. Но шаблон пересилил опасность, и немцы, несмотря на неудачи, еще долго пользовались этим приемом. Я знаю три случая, когда немецкие шпионы во время второй мировой войны прибегали к нему, и каждый раз неудачно. Верность начальников немецкой разведки шаблонным приемам стоила жизни не одному агенту.

Таковы десять качеств, которыми должен обладать охотник за шпионами. Как мы видим, одного энтузиазма недостаточно. Пусть теперь читатель, мечтающий о работе в контрразведке, сам определит свои достоинства. Мне бы только хотелось предупредить его, что потребуется не менее пяти лет напряженной работы, прежде чем он станет хорошим контрразведчиком.

Я не ставлю себе целью рассматривать борьбу со шпионажем в широком плане. Мне хочется лишь заметить, что, когда разразится война, будет поздно думать о создании или расширении эффективной организации охотников за шпионами. Найти подходящих людей и подготовить их не так-то легко. Для этого требуется время.

Теперь я подхожу к одному из самых спорных вопросов — о роли женщины в контрразведывательной работе. Читатели, вероятно, заметили, что до сих пор под охотниками за шпионами я подразумевал мужчин. С моей точки зрения (об этом говорит и тридцатилетний опыт работы), женщины — плохие шпионы и плохие охотники за шпионами. Я не женоненавистник, но считаю, что, кроме «фрейлейн Доктор», не было женщины-шпионки или женщины — охотника за шпионами, которая могла бы сравниться с выдающимся шпионом мужчиной. Мата Хари, безусловно, завоевала громкую славу. В глазах публики она стала олицетворением очаровательной женщины-шпионки. Но Мата Хари была глупым экспансивным созданием. Если бы ее не казнили, она не прослыла бы мученицей и никто бы даже не слышал о ней. Позвольте мне пояснить свою мысль.

В минувшей войне я как-то помогал готовить разведчиков, которых предполагалось выбросить с парашютами на территории оккупированной Европы. Несколько голландских женщин, бежавших из Голландии, пришли ко мне и стали просить дать им возможность заниматься этой опасной работой. Не было сомнений, что они делали это искренне, из патриотических побуждений. Каждую из них я спрашивал: «Чем вы готовы пожертвовать?» И все они просто, без ложного героизма отвечали: «Своей жизнью». «Это как раз самое последнее, чего мы требуем от своих агентов. Но готовы ли вы жить и пожертвовать своей честью?» — задавать такой вопрос заставлял сам характер нашей службы.

Большинство женщин страдает тремя недостатками, мешающими разведывательной и контрразведывательной работе. Во-первых, они не имеют необходимых технических знаний. Например, если надо узнать устройство секретного двигателя, создаваемого противником, то у механика гаража больше шансов на успех, чем у самой образованной женщины. Уже по своей прежней работе он знаком с некоторыми основами техники, а женщине приходится начинать с азов. Что же касается военных секретов, то лишь немногие женщины знают воинские звания, а также разницу между подразделениями, частями, соединениями и т. д., то есть все то, что составляет современную армию. Такие знания, конечно, можно приобрести. Но на это требуется время.

Во-вторых, в необычной обстановке женщины заметнее мужчин. Мужчина в одежде рабочего может несколько часов ходить возле военного объекта, не вызывая подозрений, а женщина, особенно молодая и красивая, сразу привлечет к себе внимание. Одевшись попроще, мужчина может войти в бар в морском порту, и никто не обратит на него внимания. Но женщине этого делать нельзя. Она — женщина, и уже одно это ограничивает ее возможности и, таким образом, снижает ценность ее как агента.

В-третьих — и это самое главное, — женщины не умеют владеть своими чувствами, как мужчины. По-видимому, я рискую навлечь на себя гнев своих читательниц, но это подтверждается опытом. Я знаю два или три случая, когда женщина — немка, англичанка или француженка — должна была завоевать любовь, допустим, старшего офицера противника. С этой задачей она справлялась успешно, но затем сама влюблялась в свою жертву и портила все дело. Нетрудно догадаться, что следовало дальше. Она переходила на сторону противника и выдавала все, какие знала, секреты разведывательной службы своей страны. Я знаю, что шпионы мужчины тоже подчас становились предателями, но по другим причинам.

Мне кажется, единственное, на что способны женщины-шпионки, — это добывать разведывательные сведения. Обычно это делается так. Женщина завоевывает любовь какого-нибудь офицера или чиновника противника, кое-что узнает, а затем шантажирует его, угрожая рассказать обо всем начальнику или, что еще хуже, жене. Угроза действует, и шпионка получает исчерпывающие разведывательные сведения. Вот почему я спрашивал голландских женщин, которые хотели стать тайными агентами, готовы ли они пожертвовать своей честью. Порядочная женщина не пойдет на это. Женщина, способная провести ночь с незнакомым мужчиной, нередко физически отталкивающим, чтобы получить нужные сведения, должна иметь душу проститутки. А проститутки, как известно, неблагонадежны. Итак, я не могу высоко ставить женщин-шпионок. Не получается из них и хороших охотников за шпионами. Многие мужчины, которые, поздно возвращаясь домой, боятся допроса жены, будут горячо возражать мне. Однако за всю свою тридцатилетнюю практику, когда мне приходилось иметь дело с талантливыми разведчиками и контрразведчиками Европы и Америки, я не встречал женщины, кроме разве «фрейлейн Доктор», которая проявила бы себя как хорошая шпионка или хороший охотник за шпионами.

Глава 2.
МЕТОДЫ ДОПРОСА

Существует несколько путей получения показаний от подозреваемого. Прежде чем рассмотреть методы, которыми пользовался я сам, мне хотелось бы коротко остановиться на методах, применяемых в Англии и других странах.

В фашистской Германии были широко распространены пытки. Там методы допроса в зависимости от изобретательности следователя варьировались от избиения хлыстом до сжимания большого пальца руки специальным приспособлением, вырывания ногтей, перелома конечностей или медленного сдавливания головы человека металлическим обручем. Сверление зубов бормашиной, особенно когда бор доходит до чувствительного нерва, тоже считалось довольно эффективным средством.

В Соединенных Штатах также используются самые различные методы — от допроса «третьей степени», при котором подозреваемого допрашивают много часов подряд под лучами мощных электрических ламп, до применения таких предположительно надежных научных средств, как «наркотик правды» и «обнаружитель лжи». Я подчеркиваю: предположительно надежных, потому что не верю в эти средства. «Наркотик правды», или пентазол, затуманивает сознание человека, и он, сам того не ведая, начинает говорить правду. К такому выводу приходят сторонники этого средства. Проделав ряд опытов, я установил, что человек может привыкнуть к наркотикам, и они не будут оказывать на него никакого действия. «Обнаружитель лжи» — остроумное приспособление, призванное показывать, как под влиянием различных чувств изменяется состояние организма человека. Сторонники «обнаружителя лжи» идут дальше. Они заявляют, что с его помощью можно определить, говорит ли подозреваемый правду или ложь. Я допускаю такую возможность, но не уверен, что этот «обнаружитель» эффективен на сто процентов. Я убедился на личном опыте, что хладнокровные люди способны легко перехитрить «обнаружитель лжи».

Применяемые в фашистской Германии и Соединенных Штатах методы допроса «третьей степени» в значительной мере предусматривают телесные пытки. Безусловно, телесные пытки способны сломить самого волевого и физически сильного человека. Я знал одного мужчину поразительной силы воли, у которого гестаповцы вырвали все ногти, а затем сломали ногу, но

он не вымолвил ни единого слова. Позже этот человек признался, что его терпение истощилось как раз в тот момент, когда мучители прекратили пытки, но, если бы они продолжали пытать его, он наверняка не выдержал бы и во всем признался.

Ни один человек не может вынести пытки с применением воды: капли воды падают на голову человека с интервалами в несколько секунд. Я уверен, что любой человек через несколько минут перестанет молчать, а через час — сойдет с ума.

Но телесные пытки имеют один серьезный недостаток. Под их воздействием очень часто невиновный признается в преступлениях, которых он никогда не совершал, и только для того, чтобы получить передышку. Зверские пытки могут заставить невиновного «сознаться» в преступлении, за которое полагается смертная казнь. В таких случаях человек считает, что быстрая смерть легче нечеловеческих страданий. Телесные пытки в конце концов заставляют говорить любого человека, но не обязательно правду.

Во время войны агентам, посылаемым на задание, выдают три вида таблеток, которые они всегда носят при себе. Первый вид — «нокаутирующие таблетки». Проглотив такую таблетку, человек теряет сознание на двадцать четыре часа. Другой вид — «бензидриновые таблетки». Они утомленного человека на время делают энергичным. Третий вид — «таблетки для самоубийства», содержащие соль цианистой кислоты или какой-нибудь другой мгновенно действующий яд. Последний вид таблеток предназначен для агентов, которые чувствуют, что их вот-вот должны поймать, и знают, что не выдержат предстоящих пыток. Нужно быть поистине смелым человеком, чтобы сознательно носить с собой свою смерть.

Вот все, что я хотел сказать о телесных пытках. Такие методы, как правило, эффективны, но слишком уж отвратительны. Кроме того, они свидетельствуют о слабости следователя: он приходит к выводу, что подозреваемый умнее его и что перехитрить его путем допроса невозможно.

Второе бюро (Deuxième Bureau), французский эквивалент нашей военной контрразведки (MI-5), где я начал свою служебную карьеру и приобрел некоторый опыт, применяло весьма остроумный метод, который обычно давал хорошие результаты. К подозреваемому прикрепляются два следователя. Один из них играет, роль грубияна — кричит, угрожает и стучит кулаком по столу. Другой же, спокойный, симпатичный человек, якобы защищает подозреваемого и делает все, чтобы угомонить своего неистовствующего коллегу. Напряжение достигает наивысшей точки, когда «грубияна», выкрикивающего

оскорбления и самые ужасные угрозы, неожиданно куда-то вызывают. Допрос продолжает вести «симпатичный» следователь. Он дружественным тоном успокаивает подозреваемого и предлагает ему сигарету. Резкая перемена обстановки обычно дает хорошие результаты — подозреваемый во всем признается.

Скотланд Ярд[1] обычно пользуется мягкими методами, которые заключаются в том, что следователь будто бы сочувствует подозреваемому. Детективы Скотланд Ярда вежливы, дружественно настроены и довольно быстро добиваются необходимых признаний. Они мастерски окольными путями умеют внушить подозреваемому, что всем людям свойственно ошибаться. Как голландец, проживший много лет в Англии, я, пожалуй, могу отбросить присущую англичанам излишнюю скромность и сказать, что эти мягкие методы проистекают из желания дать подозреваемому последний рискованный шанс спасти жизнь.

В отличие от многих судебных систем обвиняемый в английском суде имеет одно очень ценное преимущество — его виновность должно доказать обвинение, причем это характерно для всех стадий, от ареста до суда. В Англии запрещается прибегать к физическому насилию над пленным или подозреваемым (до суда) и получать сведения путем угроз. Многие читатели, наверно, помнят случай, который произошел с одним полковником во время войны в одном из южных городов Англии. Фашистский летчик подверг город пулеметному обстрелу. Его сбили. На допросе он вел себя вызывающе. Полковник, до предела возмущенный поведением летчика, к тому же он не мог забыть, что фашист только что стрелял в беззащитных женщин и детей, ударил его тростью. Полковника судил военный трибунал — и он был снят с должности. Казалось бы, это слишком суровая кара, но за ней скрывается один из важнейших принципов английского судопроизводства.

Еще более интересный случай произошел со мной в 1941 году. Я допрашивал подозреваемого (как потом выяснилось, он оказался шпионом) и в порыве возмущения назвал его лжецом. Об этом узнало высшее начальство. Один из ответственных чиновников министерства внутренних дел вызвал меня к себе и прочел лекцию о чудовищности оскорбления, которое я нанес подозреваемому. Дело в том, что допрос происходил в одном из зданий министерства внутренних дел, а в этом министерстве строго придерживались правила не называть подозреваемого лжецом. В крайнем случае, следователь может выразить ту же мысль другими словами, например: «Я полагаю, что ваш ответ на мой последний вопрос содержит некоторые неточности», — но он

не имеет права оскорблять «бедную жертву» и играть на ее нервах. В то время это и забавляло и злило меня, потому что моя «жертва» бессовестно лгала и была на редкость отвратительной. Теперь я признаю это правило справедливым, хотя считаю, что в некоторых случаях из него следует делать исключения.

После освобождения Голландии я готовил молодых соотечественников для работы в контрразведке. Тезисы одной из серий моих лекций — о методах допроса — приведены в конце главы, поэтому сейчас я остановлюсь только на одном вопросе.

При перекрестных допросах я преследовал одну цель — как можно быстрее сломить волю подозреваемого. Сделать это не так уж трудно. Перекрестный допрос — битва умов, в которой каждая сторона стремится захватить инициативу и удерживать ее до конца. Естественно, с самого начала преимущества на стороне следователя. Ему нечего бояться, кроме, разве, неудачи, да и она не окажется для него роковой. Он может вести допрос где и когда ему заблагорассудится и в любую минуту прекратить его. Но если следователь не использует своих преимуществ, то есть не получит от подозреваемого необходимых сведений, он потеряет их. Если следователь будет вести себя так, что подозреваемый выйдет из себя или испугается вопросов, ему придется пройти долгий путь, прежде чем он добьется успеха. Чтобы основываться в своей работе на чувствах подозреваемого, надо быть психологом.

Офицеры контрразведки никогда не прибегали к телесным пыткам, но в некоторых случаях старались создавать подозреваемым различные неудобства, чтобы вытянуть из них необходимые сведения. Так, они сажали подозреваемых на жесткий стул или заставляли их стоять по стойке «смирно» в течение всего допроса. Вспоминается один трюк армейских разведчиков. Перед допросом они заставляли старших офицеров противника пить много чаю или кофе, а затем следователи допрашивали их до тех пор, пока естественные потребности зачастую не вынуждали офицеров сообщать важнейшие сведения. Лично я против таких «методов». Их, правда, нельзя отнести к категории телесных пыток, но нередко они граничат с ними.

Может быть, это донкихотство, но я всегда начинал разговор с подозреваемым как равный с равным. Он садится в удобное кресло, откидывается на спинку или сидит развалясь — как ему захочется. Допрос не должен быть слишком продолжительным, чтобы не утомлять подозреваемого. Он может длиться с 9 утра до 6 вечера с часовым перерывом на обед. Я предпочитаю вести весь допрос сам и не полагаться на замену. Во время перекрестного допроса я не делаю никаких заметок и стараюсь создать непринужденную атмосферу, если, конечно, не чувствую, что на

подозреваемого гораздо лучше подействует строгость. Я всегда стараюсь захватить инициативу в свои руки путем воздействия на чувства подозреваемого. Если испытанные приемы не дают никаких результатов, а мне кажется, что сидящий передо мной — шпион, то, хотя рассказ его и убедителен, я заставляю его повторять этот рассказ снова и снова и каждый раз без пропуска деталей. Это может длиться неделю и явиться серьезным испытанием терпения и памяти обеих сторон. Рано или поздно подозреваемый, если он не тот, за кого себя выдает, споткнется о какую-нибудь незначительную деталь — и путь к его разоблачению окажется открытым.

Теперь я хотел бы вкратце обрисовать обстановку, в которой велись допросы во время второй мировой войны. Тогдашние условия были гораздо сложнее тех, которые существовали в первую мировую войну. Благодаря счастливой случайности, а также тонкому чутью английской контрразведки все немецкие шпионы, засланные в Англию, были арестованы в течение двадцати четырех часов после начала войны — в августе 1914 года. Карла Лоди, первого немецкого шпиона, который должен был прибыть вскоре после начала войны, агенты Скотланд Ярда уже ждали, и поймать его не представляло особого труда. Этот случай широко известен, поэтому здесь я расскажу о нем лишь в общих чертах.

В 1911 году, во время пребывания немецкого императора в Лондоне, у немецкого военного атташе вошло в привычку посещать парикмахерскую на улице Каледониан Роуд. Эта парикмахерская была неподходящим заведением для старших прусских офицеров, поэтому поведение атташе вызвало подозрение у контрразведки. За парикмахерской установили слежку, а вся корреспонденция офицера тщательно просматривалась. Вскоре контрразведка пришла к выводу, что парикмахерская являлась «почтовым ящиком» для немецких шпионов в Англии. Власти сочли нужным не принимать решительных мер. Они лишь установили наблюдение за парикмахерской и стали регистрировать все события, связанные с этим заведением. С объявлением войны они одним ударом ликвидировали систему шпионажа, которую немцы создавали более трех лет. Этот удар оказался настолько сильным, что в течение последующих нескольких лет войны немецкая разведка так и не смогла оправиться. А ведь все произошло из-за того, что старший немецкий офицер выбрал неаристократическую парикмахерскую.

Вторая мировая война усложнила условия работы английской контрразведки. Обычно в Лондоне и других крупных городах

Англии живет множество иностранцев, которые могут находиться в дружественных отношениях с противниками Англии. Начиная с тридцатых годов прошлого столетия, эта категория жителей росла за счет беженцев из Германии и Италии. Многие из них боролись с ненавистным режимом Гитлера и Муссолини, а затем, чтобы избежать репрессий, бежали в другие страны. Нацисты и фашисты использовали эту благоприятную обстановку для засылки шпионов, которые маскировались под беженцев. Были англичане, которые сочувствовали нацистам и верили, что Англия, став союзником Гитлера, может избежать войны.

С начала второй мировой войны нужно было «просеять» тысячи немецких беженцев, которые прибывали в Англию в течение нескольких лет. Это была большая и сложная работа. После Дюнкерка, спустя всего лишь несколько месяцев, в страну прибыло еще 150 000 беженцев из Дании, Голландии, Норвегии, Франции и даже из Чехословакии и Польши. Проблема беженцев была очень сложной, к тому же необходимо было заниматься эвакуацией английских экспедиционных войск из Франции и решать вопросы, связанные с предотвращением вторжения немецких войск на Британские острова. Начались налеты немецкой авиации, а приток беженцев не уменьшался, что еще более усложнило стоящие перед Англией задачи. Англичанам теперь приходилось заниматься устройством и беженцев и своих бездомных соотечественников.

Для приемки беженцев была наскоро разработана система, которая сводилась к следующему. В Лондоне было создано пять приемных центров — на улицах Фулэм Роуд, Бальгау, Буши Парк, Кристал Пэлис и в Норвуде[2]. Эти центры, созданные советом лондонского графства, функционировали по образцу работного или исправительного дома и управлялись специальными наставниками. Меня, как офицера службы безопасности, прикомандировали к центру в Норвуде, который я знал лучше остальных. Раньше здесь размещался госпиталь. Все здания были двухэтажными и не имели ни подвалов, ни бомбоубежищ. Вокруг зданий, которые мы занимали, быстро воздвигли проволочную изгородь. Нас охраняли солдаты.

Навести порядок в темноте в толпе незнакомых людей — нелегкая задача. Однако так или иначе это удавалось. Беженцы регистрировались с указанием их фамилий и национальности. После этого им давали глоток чего-нибудь горячего и немного еды, а затем перед нами вставала проблема найти одеяла и место, где они могли бы провести остаток ночи. Это подобие порядка, наведенного с таким большим трудом, часто нарушалось паникой, вызванной очередным воздушным налетом. Казалось,

немецкие бомбардировщики избрали «аллею бомбежек», которая проходила через Норвуд и Кристал Пэлис, и какой-нибудь из этих центров при каждом налете обязательно получал свою долю бомб. Работники центра и я всю ночь проводили на ногах, и на рассвете у нас слипались глаза. Но именно теперь начиналась настоящая работа. Беженцев подвергали санобработке, а затем их осматривал врач. Беженцы с инфекционными болезнями — оспой, чесоткой и прочими — изолировались. Многим другим после долгого и трудного путешествия требовалась медицинская помощь.

Затем к работе приступала контрразведка. Вещи, принадлежавшие, пожалуй, семистам беженцам, надо было рассортировать и тщательно осмотреть — каждый клочок бумаги, каждую страницу книги, одежду, включая подкладку и швы, чемоданы, сумки. Это была не поверхностная, формальная проверка, как во время таможенного досмотра. Многие беженцы, стремясь хоть чем-нибудь помочь стране, которая явилась для них убежищем, привезли с собой карты, фотографии и чертежи, содержавшие сведения о немецких оккупационных силах, и все эти документы нужно было изучить.

Как только эта работа завершалась, начинался устный допрос. От подлинных беженцев отделяли подозрительных лиц, которых задерживали.

Весь этот процесс изоляции беженцев от внешнего мира занимал приблизительно неделю. Им не разрешалось получать письма и поддерживать связь с внешним миром до официального разрешения контрразведки. Затем беженцев направляли к чиновнику, ведающему иммиграционными вопросами, и лишь после того как он выдавал им документы и удостоверения личности, они получали официальное разрешение «поселиться» в Англии. Все сомнительные беженцы — в их числе иногда оказывались честные люди, которые не могли доказать свою невиновность, — находились под охраной. В Англии было создано центральное регистрационное бюро, функционировавшее, кстати сказать, довольно эффективно, где собирались все сведения о каждом беженце. Часто можно было проверить рассказ беженца через центральное регистрационное бюро или найти прибывшего ранее беженца, который мог рассказать всю правду о беженце, вызвавшем подозрения.

Этим несовершенным методом пользовались до апреля 1941 года, когда моему коллеге и мне поручили создать специальный центр, известный под названием Королевская викторианская патриотическая школа (Royal Victoria Patriotic School). Она находилась в Клафаме.

Опираясь на свой опыт работы во временном центре для беженцев, где я напряженно трудился в течение многих дней и ночей, я вместе с моими коллегами разработал эффективную систему, благодаря которой все беженцы проходили процедуру проверки с наименьшими для них неудобствами, а мы тем временем могли заниматься вопросами безопасности. Приток беженцев к этому времени уменьшился, а число следователей значительно увеличилось, и мы, таким образом, могли уделять больше внимания каждому беженцу. Начиная с апреля 1941 года и кончая октябрем 1942 года, когда меня перевели на службу в голландскую контрразведку, я исполнял в этом заведении обязанности руководителя следователей. За этот период число следователей увеличилось с пяти до тридцати двух.

За шесть первых месяцев нашей лихорадочной работы, особенно после эвакуации Дюнкерка, несколько шпионов определенно могли ускользнуть от нас. При тогдашнем беспорядке и без достаточного количества опытных следователей было невозможно выявить всех подозрительных беженцев. Количество прибывающих беженцев было огромным, а время, которым мы располагали для их изучения, — слишком коротким, чтобы можно было добиться желаемых результатов.

Проверка беженцев в Лондоне не была единственным поручением, которое мне пришлось выполнять в дни Дюнкерка. После падения Франции немцы контролировали все побережье Западной Европы, кроме, пожалуй, Португалии. Лиссабон оказался единственным портом, откуда можно было официально выехать в Англию. Корабли из Лиссабона регулярно прибывали в Ливерпуль и Глазго, гидропланы — два раза в неделю в Пул, возле Борнемута, а самолеты аэродромного базирования — в Уитчёрч, возле Бристоля. Помимо работы в Лондоне я должен был еще с группой следователей выезжать в эти четыре пункта для проверки всех прибывающих, как англичан, так и иностранцев. Эти поездки занимали очень много времени. Мне кажется, из агентов контрразведки только я оставался на этой работе, пока не оказался в клафамской школе, куда для проверки направлялись все прибывающие самолетом и пароходом.

Такова была обстановка того времени. На ее почве родились мои рассказы, взятые из самой жизни. Условия работы контрразведки в период второй мировой войны были намного сложнее тех, которые создались во время войны 1914 года, когда без особого труда выловили всех немецких шпионов и когда ни одному «беженцу» не удалось улизнуть.

Английские экспедиционные войска в мае 1940 года не были готовы оказать противодействие немецкому наступлению, не

чувствовала себя сильной и контрразведка. Она должна была учесть горький опыт прошлых лет, ибо теперь каждая ошибка могла оказаться роковой.

Приложение к главе 2

(Памятка следователю)

I. Осмотр имущества.

Мы никогда не задумываемся над тем, какую важную роль играет тщательный осмотр вещей подследственных, и не уделяем этому должного внимания.

Прежде чем встретиться с подследственным, надо тщательно осмотреть его имущество, причем особое внимание должно уделяться содержанию записных книжек, дневников и вообще каждому клочку бумаги, на котором что-нибудь написано.

Любой обрывок бумаги, даже папиросной, следует тщательно изучить.

Все бумаги, содержащие загадочные записи, надо отложить, а в конце первого же допроса потребовать от подследственного объяснения.

Все адреса нужно взять на заметку и также потребовать объяснения при допросе.

Если среди вещей имеются книги, особое внимание необходимо уделять форзацам. Если книги обернуты бумагой, обертки надо снять. Если уголок страницы загнут, ее следует внимательно осмотреть — на ней могут быть знаки или наколы.

Если вы найдете словари, перелистайте страницы, на которых начинается новая буква, и посмотрите, нет ли под этой буквой или над ней каких-нибудь знаков.

Необходимо осмотреть внутреннюю часть спичечных коробок, предварительно высыпав из них спички.

Любые химические вещества, даже патентованные лекарства в таблетках или порошках, не должны оставаться без внимания следователя.

Обращайте особое внимание на вату, деревянные зубочистки и палочки из апельсинового дерева в записных книжках.

Особенно тщательно осматривайте использованные листы копировальной и промокательной бумаги; может случиться так, что именно благодаря им вы получите важные сведения.

II. Первый допрос.

а) Общие положения.

Первый допрос подследственного не должен иметь форму

допроса. Его следует попросить как можно подробнее рассказать о себе и о путешествии, которое он совершил.

Следователь должен быть вежливым и не выражать словом или своим поведением сомнения, удивления и т. д., кроме, пожалуй, восхищения.

Явную ложь и хвастливость надо поощрять.

Не следует обращать внимания допрашиваемого на противоречия в его рассказе.

Если показания допрашиваемого и людей, с которыми он был задержан, расходятся, никогда не указывайте ему на это во время первого допроса.

Чем больше противоречий в рассказе допрашиваемого, тем искуснее следователь должен делать вид, что безгранично верит ему. Следователь не должен задавать вопросы или делать замечания, которые могли бы заставить допрашиваемого насторожиться и дать ему понять, что ему не верят. Если к концу рассказа допрашиваемого вам станет ясно, что показания его искренни и что дело более или менее обычное, вы можете начать перекрестный допрос и задать этому лицу любой вопрос, какой сочтете нужным. Если вы убедитесь, что допрашиваемый — человек порядочный и что во втором допросе необходимости нет, вы можете освободить его. Если же какой-нибудь пункт рассказа допрашиваемого вызывает у вас сомнение, конец его рассказа должен явиться концом первого допроса.

б) Отчет.

В начале отчета кроме обычных данных, о которых говорилось выше, следует указывать:

1. Вероисповедание допрашиваемого.

2. Принадлежал ли он к какой-нибудь политической партии (или профсоюзу) и, если да, — к какой именно.

3. Знает ли подозреваемый иностранные языки и, если да, — в какой степени.

Никогда не начинайте своих отчетов фразой, что данный человек производит на вас хорошее (или плохое) впечатление.

Впечатление — вещь обманчивая.

Как правило, ловкий шпион произведет на вас самое благоприятное впечатление.

Один всемирно известный криминалист однажды признался, что самое хорошее впечатление на него произвела женщина, которая, желая получить деньги по страховому полису, отравила своих детей, и самое невыгодное — знаменитый филантроп и реформатор.

Если вы не удовлетворены рассказом допрашиваемого, не делайте окончательных выводов.

Определите свои сомнения, возражения и изложите ваше мнение. Если вы можете дать логическое объяснение всем фактам, сделайте это как можно подробнее и рекомендуйте задержать подозреваемого для дальнейших допросов. Если не в ваших силах дать такое объяснение, попросите другого следователя высказать свое мнение по интересующему вас вопросу.

После первого же допроса за подозреваемым необходимо установить наблюдение. Важно не тратить на это много времени, так как результаты наблюдения оказывают большую помощь следователю, если они представляются ко второму допросу.

III. Второй допрос.

Перед вторым допросом, если первый вел другой следователь, изучите отчет о первом допросе.

Помните, что вы должны быть начеку, чтобы не попасть под влияние предположений, как преднамеренных, так и сделанных бессознательно.

Когда у следователя складывается мнение о данном деле, он обычно выражает его в форме выводов или заключений.

Факты, которые показались первому следователю важными, освещались им подробно, в то время как другие, на его взгляд, малозначительные или совсем незначительные, игнорировались.

Оценка фактов, данная первым следователем, не должна приниматься вторым как нечто неоспоримое.

Все факты, касающиеся данного дела, перед вторым допросом необходимо рассмотреть вновь, причем каждый факт следует оценить отдельно, и вы можете обнаружить, что самый существенный тот, на который первый следователь не обратил внимания.

Иногда есть смысл делать вид, что вы сильно раздражены; однако на самом деле никогда не выходите из себя.

Самые важные вопросы ставьте прямо.

Неожиданный вопрос дает такой же результат, как нападение из засады.

По возможности эта атака должна представлять собой не вопрос, а утверждение.

Если, например, вы уверены, что данное лицо поддерживало связь с немецким консулом в определенном городе, не спрашивайте его: «Вы когда-нибудь ходили к немецкому консулу в таком-то городе?» Вместо этого спросите: «Когда вы в последний раз были у немецкого консула в таком-то городе?»

Такие вопросы следует ставить неожиданно, вне зависимости от предыдущего разговора; при этом наблюдайте за кадыком и веками допрашиваемого.

Если в рассказе допрашиваемого имеются сомнительные или важные места, не разбирайте их в порядке очередности, а немедленно приступайте к перекрестному допросу, перескакивая с одной темы на другую.

Прежде чем приступить к перекрестному допросу, установите, что за человек допрашиваемый, и поступайте с ним соответствующим образом.

Некоторых людей можно взять грубостью.

Поэтому заранее определите, каким методом лучше воздействовать на данного подозреваемого — грубостью, сарказмом, вежливым обращением или же путем выражения сочувствия.

Легенда внутри легенды.

В отчете о первом допросе следователь может предложить задержать данного человека до тех пор, пока определенный факт или факты в его рассказе, которые показались следователю либо странными либо вымышленными, не будут выяснены.

В таких случаях вы должны быть особенно начеку: вы можете услышать так называемую «легенду внутри легенды», которую агент выучивает «на всякий случай».

Объяснить, что я подразумеваю под этим, легче на примере.

Допрашивается моряк. Он рассказывает, как бежал с оккупированной территории, где в течение восьми месяцев ничего не делал, потому что не хотел работать на нацистов, и как он все время пытался связаться с какой-нибудь подпольной организацией и т. д. Наконец побег удался, и он добрался сюда через Испанию и Португалию.

Рассказ кажется правдоподобным. Моряк говорит уверенно, владеет собой и производит «хорошее впечатление».

Однако вызывает подозрение тот факт (и он — причина второго допроса), что этот «безработный» прибыл с пятьюдесятью английскими фунтами стерлингов и двумястами американскими долларами.

Откуда у безработного такие деньги?

Вначале он ответил, что это его сбережения.

Первый следователь вполне законно не поверил этому и порекомендовал задержать моряка до выяснения сомнительного факта.

Затем моряк начинает рассказывать вторую легенду.

Под большим давлением и после долгих колебаний он, наконец, заявляет: «Сэр, я вижу, что нет смысла больше обманывать вас. Я скажу вам всю правду. Я вор».

И он начинает со всеми подробностями рассказывать, как он ограбил женщину, которая приютила его на ночь, как украл у нее

бриллианты и потом продал их на черном рынке.

Обычно все мы склонны верить любому заявлению, которое не в пользу рассказывающего. Это психологический фактор.

Если следователь поверит второй легенде, то сомнительный факт в первом отчете окажется выясненным, а поскольку мы интересуемся только вопросами безопасности, данное дело прекратится, как не вызывающее интереса, и человека выпустят на свободу.

Сочинитель легенд никогда не делает своего героя блестящим во всех отношениях.

Внутри одной легенды обычно оказывается другая, которая явно не в его пользу, тогда у него больше шансов, что ему поверят, поэтому он и выдает себя за вора, убийцу, сутенера и так далее.

К такой легенде внутри легенды надо относиться с недоверием. Вам может показаться, что вы достигли успеха в разоблачении человека и что он говорит правду, но не всегда это так. Чаще такого человека следует считать явно подозреваемым.

Глава 3.
ШПИОН, КОТОРЫЙ БЫЛ СЛИШКОМ СКРУПУЛЕЗНЫМ

I

Большинству немцев свойственна «Gründlichkeit», что можно перевести как «скрупулезность», или, более свободно, «привычка делать все самым лучшим образом». Многие утверждают, что это почти равнозначно гениальности, но в моей практике были случаи, когда скрупулезность, если она проявлялась чересчур сильно, приводила человека к смерти. Мне известен случай, когда у шпионов, пойманных на пустынном берегу, нашли настоящие английские деньги и английскую одежду, которая имела даже этикетку портного. Это как раз тот случай, когда скрупулезность зашла слишком далеко.

Альфонс Льюис Юджин Тиммерманс — бельгиец. Ему тридцать семь лет, он не женат. Он плавал на торговых судах и был настоящим морским волком. Тиммерманс — грубоватый, прямой и добродушный человек с голубыми глазами и красивыми непокорными волосами. Он всегда чисто одет, что называется, на все руки мастер, большим умом не отличается, но у него достаточно здравого ума. Вы можете встретить сотни таких моряков в любом порту мира.

Для того времени его рассказ был не более необычным, чем его внешность. После того как немцы оккупировали Бельгию, он решил бежать в Англию и поступить в свободный бельгийский торговый флот, базировавшийся в то время на порт Брикетам. Он прошел через оккупированную Францию в зону, контролируемую правительством Виши, и, продвигаясь в южном направлении, достиг Пиренеев. Тиммерманс сумел перебраться через горный барьер в Испанию, где попал в тюрьму. Несколько месяцев он провел в сырой камере в Барселоне, пока бельгийский консул не добился его освобождения. Из Барселоны Тиммерманса отправили в Лиссабон, и там, в Португалии, благодаря стараниям консула его фамилия оказалась в длинном списке беженцев, ожидавших отправки в Англию. Молодой, сильный человек, способный выполнять задания государственного значения, Тиммерманс получил некоторые привилегии. В апреле 1942 года он прибыл в Англию и был направлен в Королевскую

викторианскую патриотическую школу в Клафаме для чисто формального прохождения процедуры проверки.

Тиммерманс был бельгийцем, и дело его казалось ясным. Проверку его, которая носила формальный характер, возложили на бельгийского офицера безопасности, который, как выяснилось позже, был одним из моих учеников. До этого времени я не имел отношения к делу Тиммерманса. Я занимался одним упрямым испанским фалангистом, который доставил мне массу хлопот. Бельгийский офицер безопасности был проницательным, умным и трудолюбивым человеком и блестяще справлялся с подобными поручениями.

Как мы уже знаем, в Королевской викторианской патриотической школе имущество беженцев осматривалось очень тщательно. Даже невиновный человек иногда привозит с собой, неизвестно зачем, почтовые открытки с рисунками или фотографиями, газеты и клочки бумаги, которые могут привлечь внимание опытного осмотрщика. Виновные же, прибывшие с целью шпионажа, обычно привозят с собой средства для передачи добытой информации. Конечно, шпион никогда открыто не повезет радиопередатчик, но он может спрятать, например, микрокамеру. Немногие шпионы обладают хорошей памятью и запоминают имена и адреса, часто на незнакомом языке, по которым им придется передавать добытую информацию. Таким образом, имущество беженцев необходимо осматривать со всей тщательностью. Это обычно делается после предварительного и до подробного допроса, во время которого следователь основывается на уликах, полученных в результате осмотра вещей беженца.

В школе имелась большая комната, в которой не было никакой мебели, кроме длинного стола со стульями по обеим сторонам. Мы называли ее чуланом. Каждое утро осмотрщики садились за этот стол, заваленный вещами их «клиентов». Они очень тщательно осматривали, иногда с помощью сильной лупы, чемоданы, портфели, сумки, саквояжи, записные книжки, кисеты для табака, портсигары, связки ключей и другие нехитрые пожитки беженцев, причем осмотренные вещи откладывались в сторону. Вся эта процедура напоминала таможенный досмотр или дешевую распродажу на благотворительном базаре.

В то ясное апрельское утро, когда солнце бросало свои лучи на яркие цветы нашего сада, колышущиеся от легкого ветерка, я сидел за длинным столом рядом с бельгийским офицером безопасности, который вел дело Тиммерманса. Я задумался, рассматривая личные вещи моего упрямого испанца. Вдруг бельгиец повернулся ко мне и спросил:

— Что делать с этим, сэр?

Я был недоволен, что он перебил ход моих мыслей, но поднял голову и посмотрел на него. В одном из отделений потрепанного черного саквояжа он обнаружил небольшой конвертик. В нем оказалась белая пудра. Я был раздражен и резко ответил ему:

— Откуда я знаю? Я не лаборатория. Пошлите ее на исследование и потребуйте, чтобы вам как можно скорее прислали заключение.

Я снова занялся работой. Через минуту или две бельгийский офицер робко спросил:

— Сэр, могу ли я еще раз оторвать вас от работы?

Я хотел было прочесть нотацию этому неопытному молодому человеку, который не справляется с работой и мешает начальнику, но тут увидел у него в руках небольшую связку палочек из апельсинового дерева, которые женщины используют при маникюре.

— Боже мой! — воскликнул я.

— Что такое, сэр?

— Что такое, что такое — ничего. Продолжайте поиски, ищите вату.

— Вату?

Теперь настала его очередь удивляться. Взгляд бельгийского офицера выдал его подозрение, что один из нас внезапно сошел с ума и что этим человеком был не он. Тем не менее он выполнил приказ и покорно засунул руку в соседнее отделение саквояжа. Через несколько секунд он вытащил кусок ваты величиной около восьми квадратных сантиметров. И это решило судьбу немецкого шпиона.

II

Я приказал бельгийскому офицеру передать дело Тиммерманса мне и переключиться на другую работу. Присев на минуту, я стал размышлять о немецкой скрупулезности, которая подвела Тиммерманса. Тот, кто инструктировал его перед поездкой в Англию, учел каждую мелочь и тем самым выдал новичка английской контрразведке. Этот инструктор, как мы узнали позже, жил в Лиссабоне в хорошо известном пансионе «Тетя Сили». Он снабдил Тиммерманса тремя необходимыми вещами для невидимого письма: пирамидоновым порошком, который растворяют в смеси воды и спирта, апельсиновыми палочками — пишущим средством и ватой — для обертки

кончиков палочек, чтобы таким образом избежать предательских царапин на бумаге. Беда Тиммерманса состояла в том, что он мог приобрести все эти вещи или некоторые из них в любой аптеке Англии, и никто никогда не спросил бы его, зачем он это делает. Теперь же, поскольку его наставник оказался слишком скрупулезным человеком, он должен был ответить мне на некоторые вопросы.

III

Я знал, однако, что одно дело убедиться в виновности человека, а другое — заставить его признать себя виновным. Нужны такие доказательства, которые можно предъявить в суде. Петлю уже накинули на шею Тиммерманса, но еще не затянули.

Вернувшись в свой кабинет, я вызвал секретаршу и попросил ее напечатать перечень всех вещей Тиммерманса, не пропуская ни одной, какой бы незначительной она ни казалась. Вскоре список лежал у меня на столе. В числе вещей, принадлежавших Тиммермансу, были и три самые важные: конверт с пудрой, связка палочек из апельсинового дерева и кусок ваты.

Я послал за Тиммермансом, чтобы он подтвердил, что эти вещи принадлежат ему. Мне вспоминается происшедший со мной случай — а они довольно часты в нашей практике, — когда виновный на суде под присягой показал, что представленные вещественные доказательства ему подложили следователи. Поскольку обвинение не могло доказать обратного, судья поддержал подсудимого, и его оправдали. Это послужило мне хорошим уроком.

Тиммерманс вошел в комнату слегка покачиваясь. Я пригласил его сесть. Он смотрел мне прямо в глаза и застенчиво улыбался. Я тоже улыбнулся и протянул ему открытый портсигар. Он взял сигарету и, глубоко затянувшись, откинулся на спинку кресла.

— Ну, Тиммерманс, — обратился к нему я по-фламандски, — вам повезло. Никаких осложнений. Мы навели справки о вас и нашли, что все в порядке.

Он улыбнулся.

— Мне известно, что вы хотите поступить в свободный бельгийский торговый флот и принять участие в борьбе с нацистами, — продолжал я.

— Это верно, сэр.

На его губах снова появилась улыбка.

— Рад слышать это. Бельгийскому торговому флоту нужны

такие люди, как вы, — сказал я, продолжая просматривать документы. — Ну что же, нет необходимости задерживать вас. Все в порядке, скоро вы увидитесь с земляками. Я попрошу офицера, ведающего иммиграционными делами, сразу же оформить ваши документы. Если вы управитесь с делами, то сегодня же вечером можете сесть на поезд, который идет в Брикстам. Как вы на это смотрите?

— Это было бы прекрасно, сэр. Большое спасибо.

Он широко улыбнулся.

— Одно только… — добавил я. — Пустая формальность. Вот ваши личные вещи, — я показал на стол, где они были разложены, — и вот их перечень. Проверьте, пожалуйста, по этому списку, все ли вещи целы, и, если найдете, что все в порядке, распишитесь в их получении. Затем вы можете забрать их и ехать.

Он взял список и, быстро пробежав его глазами, сказал:

— Все в порядке, сэр.

Я достал из кармана авторучку и протянул ее ему через весь стол. В комнате стояла мертвая тишина, слышно было только, как поскрипывало перо, когда Тиммерманс подписывал свой смертный приговор.

Он встал и отодвинул стул.

— Это все, сэр? — спросил он.

— Не совсем.

Я открыл саквояж Тиммерманса и, внимательно наблюдая за ним, стал медленно доставать порошок, апельсиновые палочки и вату. Все это я положил на стопку чистой бумаги. Улыбка моментально исчезла с его губ, лицо стало мертвенно бледным, веко задергалось.

— Прежде чем уйти, вы, может быть, все-таки объясните, почему эти вещи оказались в вашем саквояже? Ведь они ваши? Вы полминуты назад подписали этот документ. Не так ли?

Он судорожно проглотил слюну и посмотрел на документ, на котором стояла его подпись, так, как будто измерял расстояние между нами, ища возможность вырвать у меня этот проклятый лист бумаги. Вдруг он успокоился, и жалкая улыбка скривила его губы.

— Конечно, сэр. На какой-то момент вы озадачили меня, но сейчас я все вспомнил. Когда я сидел в барселонской тюрьме, вам, наверно, говорили об этом, со мной в камере находился один испанский коммунист. Однажды рано утром его должны были увести куда-то. Когда в коридоре раздались шаги, он отдал мне эти вещи, сказав, что если их найдут у него, его расстреляют. Он попросил меня хранить их до его возвращения.

Пожав плечами, он продолжал:

— Но он так и не вернулся. Я положил эти вещи в саквояж и совершенно забыл о них. Честное слово.

Его находчивость восхитила меня. Оставался только один путь заставить Тиммерманса признаться. Я решил испробовать его. Как человек, умеющий оценить хорошую шутку, я начал улыбаться. Мои плечи стали вздрагивать от сдерживаемого смеха. Откинув голову, я так захохотал, что лицо у меня покраснело, а на глазах выступили слезы. Казалось никогда в жизни я так не смеялся, как над этой нехитрой шуткой.

Тиммерманс сидел неподвижно, стиснув зубы. Вены на его лбу вздулись, а суставы сжатых в кулаки пальцев побелели. Он начал дрожать, а я тем временем продолжал истерически хохотать. Наконец Тиммерманс не выдержал. Он схватился за голову, вскочил и, крича и ругаясь, стал просить меня прекратить этот сумасшедший смех.

— Я расскажу вам все, — закричал он, — но ради бога перестаньте смеяться!

Я предупредил Тиммерманса, что все сказанное им будет записано и что он не сможет отказаться от своих слов. Через два часа его признание, напечатанное на машинке и подписанное им, лежало передо мной.

Тиммерманс — жертва немецкой скрупулезности — был повешен в Вандсвортской тюрьме 7 июля 1942 года.

Глава 4.
МНИМЫЕ БЕЖЕНЦЫ

I

Все началось в Сохо, в этом необычном районе, расположенном северо-восточнее Пикадилли Серкус[3], который славится своими кабаками и отъявленными преступниками. Однажды поздно вечером двое полицейских, патрулировавших в этом районе, задержали трех странно выглядевших мужчин, которые просили милостыню. Как это было принято в военное время, полицейские потребовали у них документы. Таковых они не имели. Попрошайки могли говорить только по-французски, полицейские же — только по-английски. С подчеркнутой вежливостью, свойственной англичанам, находящимся на государственной службе, полицейские предложили им следовать за ними в полицейский участок на улице Кэннон Роу. Они «повиновались без каких-либо возражений».

Полицейский инспектор немного говорил по-французски и кое-как допросил этих людей. То, что он понял из разговора с ними, взволновало его.

Стояла ранняя весна 1941 года, и хотя операция «Морской лев» — план Гитлера, предусматривавший вторжение в Англию годом раньше, — не состоялась, опасность еще не миновала. За время короткой передышки на побережье Англии была создана мощная система обороны. На отлогих песчаных берегах появились проволочные заграждения, а все побережье ощетинилось дотами и дзотами. Были заминированы все вероятные места высадки. На дорогах, по которым могли проходить танки, виднелись железобетонные заграждения и всевозможные противотанковые препятствия. Генерал Монтгомери, которому в недалеком будущем предстояло одержать ряд крупных побед и который уже прославился своими незаурядными личными качествами и спартанскими методами боевой подготовки войск, командовал 12-м корпусом на юго-востоке Англии, где, как ожидалось, немецкие, войска должны были нанести первый удар. По всему побережью Англии войска днем и ночью находились в состоянии полной боевой готовности. Патрули и дозоры на берегу и в море зорко всматривались в даль, ожидая появления противника.

Нет ничего удивительного в том, что полицейского

инспектора взволновал рассказ этих трех мужчин. Всего лишь несколько дней назад они на лодке бежали из Франции и днем, не замеченные патрулями, высадились на юго-восточном побережье Англии. Затем на попутных машинах, миновав несколько запретных зон, они добрались до Лондона. Никто не задерживал их на контрольных постах, и никто не проверял у них документы.

В голове инспектора возникло два предположения, и оба одинаково тревожили его. Если рассказ этих людей достоверен, то это означало бы, что система обороны Англии не способна помешать высадке немецких войск. Если же их рассказ — выдумка, тогда что же это за люди? Тайные агенты, прибывшие раньше своих войск для передачи немцам разведывательных сведений, распространения всевозможных слухов и создания беспорядков, как только раздастся орудийная канонада? Во всяком случае дело было очень серьезным, и инспектор решил сам заняться им. Он поднял трубку телефона…

Его сообщение быстро долетело до высших властей. Об этом случае узнали министр внутренних дел, все члены кабинета и даже премьер-министр Уинстон Черчилль. Вскоре пришел приказ: проверить, в каком состоянии находится оборона страны, и установить, как могло случиться, что люди, которые не знали английского языка, беспрепятственно высадились на территории Англии и добрались до Лондона, причем никто не обратил на них внимания и не задал им никаких вопросов. Пятый отдел управления военной разведки получил приказ тщательно расследовать дело этих трех человек.

Этим делом стал заниматься я.

II

Тем временем задержанных из полицейского участка на улице Кэннон Роу перевели в Королевскую викторианскую патриотическую школу, которая находилась в Клафаме на улице Тринити Роуд. Нет сомнений, что полицейский инспектор с облегчением вздохнул, увидев спины этих трех странных субъектов, покидавших его участок: теперь он мог заняться более знакомой работой — лондонскими преступниками.

Прежде чем начать допрос, я детально изучил этих людей. Это была разношерстная группа. Первому, который показался мне самым слабохарактерным, было не более восемнадцати-девятнадцати лет. Обращали на себя внимание его полные румяные щеки и потупленный взгляд. Он все время покусывал

нижнюю губу, словно хотел сдержать слезы, которые вот-вот должны были хлынуть из его глаз. Второй был полной противоположностью первому — коренастый, с квадратными плечами и телосложением борца. Он имел смуглый цвет лица, казался физически сильным, но не обладал достаточно гибким умом. Его глаза непрерывно бегали по комнате, беспокойно перепрыгивая с одного предмета на другой. На мой взгляд, это был ловкий, хитрый, коварный, но недостаточно инициативный человек.

Третий, по всей вероятности, возглавлял эту группу. С первого же взгляда он напомнил мне — охотнику за крупной дичью, к тому же владельцу небольшого домашнего зоопарка в те далекие, как теперь кажется, времена — обитателей джунглей. Плавные, гибкие движения; настороженный, угрожающий вид; изуродованное шрамами лицо; безобразно вывернутая верхняя губа; проплешины на голове — результат ударов ножом или бутылкой во время кровавых драк. Таким запомнился мне этот человек. Поймав его холодный взгляд, я подумал, что он имеет власть над своими товарищами. Они явно боялись этого страшного человека. Нетрудно было заметить, что один только его взгляд действовал на них сильнее, чем могущество официальной власти, которую в данном случае представлял я. Да, мосье Мажи, так он назвался полицейскому инспектору, был человеком, за которым следовало понаблюдать. Он коротко рассказал мне историю их побега из Франции, которую его товарищи слушали с видом совершенного безразличия. Придя к выводу, что заставить их говорить в присутствии главаря не удастся, я решил прекратить этот разговор и допросить каждого в отдельности.

III

Я сразу же послал за «ребенком», молодым человеком, который пока еще не вымолвил ни одного слова. Он явно нервничал, когда входил в комнату, поэтому, пока он усаживался на стул, я, стараясь успокоить его, начал говорить о разных мелочах. Он нервно крутил пальцы и все время оглядывался, словно ждал, что его вот-вот ударит мосье Мажи. Однако через некоторое время он немного успокоился.

— Так вот, — начал я. Мы говорили по-французски: он знал только этот язык. — Конечно, это чистая формальность, но я должен задать вам несколько вопросов. Нас восхитил ваш смелый побег, и мы хотели бы знать о нем подробнее. Например, в какое

время дня вы сошли на берег? Утром, в полдень или ночью?

— Мне кажется, тогда было около двух часов дня, сэр.

— Так. На какой лодке вы плыли? Парусной? Или весельной? Или, может быть, вам удалось раздобыть моторную лодку?

— Мы плыли на парусной лодке, сэр. Но на ней были и весла — на случай, если спадет ветер.

— Так. Каким было место, где вы высадились? Гористым или, может быть, это был песчаный пляж?

— Песчаный пологий берег.

— Ну что же, вам было легче, не правда ли? Никакого риска разбить лодку о скалу! Между прочим, какого цвета была лодка?

Он заколебался.

— Серого, сэр.

— Вот все, что я хотел узнать. Ничего страшного в этом нет, не так ли?

— Да, сэр.

Он робко улыбнулся и вышел из комнаты. Я задумался и через несколько секунд послал за коренастым сильным человеком с бегающими глазами.

IV

Следующий разговор продолжался в том же духе. Успокоив вошедшего и извинившись за то, что мне придется задать ему несколько вопросов, я небрежно сказал:

— Ну, старина, помните, когда ваша троица высадилась на берег?

Задумавшись, он обхватил челюсть ручищей. В это время выражение его некрасивого лица было крайне сосредоточенным. Вдруг он вспомнил — и лицо его просветлело.

— Это было… Это было, дай бог памяти, около девяти часов утра, сэр, судя, конечно, по солнцу. Единственные часы, которые были у нас, разбились.

— Благодарю вас. Теперь расскажите о бензине для мотора. Если вы нашли новый метод обманывать гестапо, это очень важно. Его могут использовать другие люди, стремящиеся бежать от нацистов в Англию. Поэтому расскажите обо всем этом подробнее.

— Конечно, сэр. Рад помочь. Все это не так уж сложно. В Бретани[4] живет один мой друг — рыбак. Он разрешил нам закопать в его саду несколько канистр с бензином.

— Очень умно. Теперь что вы можете сказать о береге, на который вы высадились? Были ли там камни или скалы, или это

был обыкновенный пляж?

— Не совсем пляж, сэр. Вокруг песчаные дюны. Берег оказался довольно крутым, и, взбираясь на него, мы хватались за деревья и кустарники.

— Что случилось с лодкой?

— О, ее пришлось бросить. Не было никакой возможности вытащить ее на берег или привязать.

— Ну, вот и все. Да, между прочим, какого цвета была ваша лодка?

— Коричневого, сэр.

Я поблагодарил его наклоном головы, и он гордо вышел из комнаты. Я приказал поместить этих людей в разные комнаты, чтобы они не могли договориться, как вести себя при разговоре со мной.

V

— Входите, мосье Мажи, — сказал я. — Садитесь и чувствуйте себя как дома.

Он воспользовался моим предложением — откинулся в кресле, положил ногу на ногу и стал начальственно смотреть вокруг.

— Я должен задать вам несколько вопросов, — сказал я. — Чистая формальность. Вы, конечно, знаете, что такое канцелярщина. Приходится составлять докладные, писать отчеты и тому подобное и пересылать их.

Мажи кивнул. Он знал, что такое канцелярщина.

— Скажите, пожалуйста, в какое время вы высадились в Англии? Мне это надо указать в отчете.

— Конечно, скажу. — Мажи коснулся указательным пальцем одного из своих многочисленных шрамов на щеке. — Было около шести часов вечера… Да, примерно в это время, — немного подумав, добавил он.

— Благодарю вас. Вы, наверно, высадились в самой неудобной части побережья. Скалы, камни… Вам, вероятно, стоило больших трудов выбраться на берег? — спросил я.

— Да. Был момент, когда я потерял всякую надежду. Казалось, лодка вот-вот разобьется о скалы, но…

— Но тут вы заметили ручей?

Мажи с удивлением посмотрел на меня.

— Да. Нам, слава богу, повезло. В том месте море было спокойным, и нам каким-то образом удалось войти в этот ручей. Мы с большим трудом выбрались на берег, но наша лодка… — он

пожал плечами.

— Стоит ли жалеть о ней? Покажите, пожалуйста, ваши руки.

— Мои руки?

Но он все-таки протянул их ладонями вверх,. Я покачал головой.

— Никак не могу понять. Ваши товарищи говорят, что на лодке не было ни паруса, ни мотора, только пара весел. Вы гребли четверо суток, но на ваших руках нет ни единого мозоля или волдыря. Трудно что-либо понять.

Мажи ловко вывернулся.

— Вам может показаться странным, сэр, но это нетрудно объяснить. Потрогайте мои руки. Они очень твердые, как видите. У меня редко бывают мозоли, какую бы тяжелую работу я ни делал. К тому же вы, конечно, понимаете, что я греб не один? Мы гребли по очереди. И, конечно, никто из нас не греб до полного изнеможения, кроме того, большую часть времени мы не гребли: плыли по течению. Теперь вам все ясно, сэр?

Я пожал плечами.

— Этому можно поверить. Но мне непонятно, почему вы не изменили цвета лодки. Разве вас не волновало, что немцы могли заметить вас за несколько миль? Ваша ярко-красная лодка должна была бросаться в глаза, как кровоточащая рана.

— Конечно, это было рискованно, — согласился мосье Мажи. — Но у нас не было другого выхода. Мы не располагали временем. И где бы мы могли достать столько краски за такое короткое время?

— Не знаю. Я никогда не был маляром.

— Есть ли у вас ко мне еще какие-нибудь вопросы, сэр? Всегда рад услужить вам.

— Спасибо, Мажи. Я вам очень признателен за это. Но пока кончим. Сейчас я приглашу ваших друзей. Мне хотелось бы поговорить со всеми вами вместе.

Через несколько минут ввели сообщников Мажи. Предложив им сесть, я стал по очереди наблюдать за всеми тремя. «Ребенок» устремил свой взгляд в пол и не осмеливался поднять глаз. Тот, что походил на борца, также избегал смотреть мне в глаза. Только Мажи выдержал мой взгляд.

— Итак, — начал я, — передо мной три лгуна, тупых и бестолковых. Даже школьники, прогулявшие уроки, согласовывают свои оправдания. А вы, взрослые мужчины, делаете детские ошибки. Вы, — я указал на самого молодого из них, — сказали, что высадились в Англии в два часа. Но когда очередь дошла до вас, — я посмотрел на человека с бегающими глазами, — это время чудом передвинулось на девять часов утра.

Вы же, Мажи, сошли на берег в шесть часов вечера. Что же получается: одна и та же лодка прибыла в Англию в разное время. Эта удивительная лодка имеет еще одно магическое свойство — она, оказывается, подобно хамелеону, может менять свой цвет. Сначала она была серая, затем стала коричневой, а когда я подсказал вам, Мажи, что она была ярко-красной, вы не поправили меня. Еще удивительнее то, что лодка легко изменяла способ движения. Сначала она была с парусом, но вдруг в открытом море нашелся мотор — как раз для того, чтобы вы смогли использовать бензин, который хранился в саду вашего приятеля, бретонского рыбака. Вы же, Мажи, все время гребли, но на ваших руках нет ни одного мозоля или волдыря. Если всем вам верить, то морское побережье изменялось каждый раз, когда кто-нибудь из вас ступал на берег. Одно время оно было песчаным и пологим. Через некоторое время на нем вдруг появились песчаные дюны и деревья, а когда очередь дошла до вас, Мажи, то на нем выросли скалы. Уж не принимаете ли вы меня, джентльмены, за круглого дурака?

Ответа не последовало. Все трое тупо смотрели на меня.

— Всему этому можно дать только одно объяснение, — продолжал я, — никакой лодки не было. Однако вы находитесь в Англии, и это единственное, в чем я уверен. Но добрались вы иным путем. Теперь я хочу слышать от вас всю правду. Как вы сюда попали?

Воцарилась мертвая тишина. Я продолжал по очереди смотреть на каждого из них, но они избегали смотреть мне в глаза. Вдруг Мажи нарушил гробовую тишину и имел неосторожность сказать, что его рассказ правдив до мелочей. Все, что он говорил, было правдой, только правдой и ничем иным. Я мог верить ему или не верить. Его это не интересовало.

— В этом как раз и заключается ваша ошибка, мой друг, — заметил я. — Несмотря на ваши утверждения, вы лжете. Я прекрасно понимаю, что вы лжете, и вы знаете это. Если вы действительно честный человек, беженец, то зачем вам понадобилось нести чушь? Я подозреваю, что вы не беженец. А если так, то зачем вы здесь? Ответ простой: вы — шпионы. Вы знаете, что мы делаем со шпионами, которых нам удается поймать? Рано утром, после того как они хорошо позавтракают, если только они смогут сделать это, мы ведем их на эшафот, накидываем на их шеи петли — и вешаем.

Я снова пристально посмотрел на всех троих. Никто из них не вымолвил ни одного слова. Двое украдкой посмотрели на Мажи, и один раз «ребенок» облизал губы. Они, как видно, больше страшились Мажи, чем перспективы быть повешенными. Решив

дать им возможность подумать, я кивнул часовым, чтобы они увели их.

VI

О боксерах говорят, что, чем больше их вес, тем сильнее они ударяются при падении. В нашей практике часто случается так: чем труднее кажется человек, тем легче следователю разоблачить его. Внешняя оболочка человека, кажущегося сильным, часто оказывается более хрупкой, чем мягкая податливость человека, кажущегося слабым. Поэтому я и решил заняться мосье Мажи. Я приказал перевести его из нашей школы в военное учреждение с более жестким режимом, которое находилось в Челси. Там его допрашивали снова и снова. Ему все время напоминали о той участи, которая постигла шпионов, пойманных в военное время. Но ни один мускул не дрогнул на его изуродованном шрамами лице. Изо дня в день он повторял, что всегда говорил только правду. «Что я могу поделать, если мне никто не верит?» — говорил Мажи. Он даже утверждал, что мы слишком придирчивы. Что же касается того факта, что показания друзей несколько отличались одно от другого, то это он объяснял так. Его друзья — набитые дураки. И это очень легко заметить. Горя желанием помочь выяснению некоторых обстоятельств, они стали выдумывать то, чего не было на самом деле. И таких глупцов не так уж трудно заманить в ловушку. Он уверял меня, что теперь, когда его друзья имели время подумать, их надо допросить еще раз. Мажи не сомневался, что их мысли просветлели.

Решив сделать так, как говорил Мажи, я снова лично допросил его друзей. Они до мельчайших подробностей подтвердили показания Мажи и отказались от своих прежних слов. И «ребенок» и его друг уверяли меня, что с дороги они были очень уставшими и сильно нервничали. Теперь же они имели время все вспомнить и понять, что Мажи говорил правду. Берег, конечно, был скалистый, а лодка красной, и на ней, безусловно, никогда не было ни паруса, ни мотора.

Итак, последний допрос окончательно убедил меня в том, что и «ребенок» и его друг смертельно боялись Мажи. Они решили соглашаться с его фантастическими бреднями, даже если это грозило бы им тюрьмой. В то же время я убедился, что эти два человека не были шпионами. За время своей тридцатилетней работы в контрразведке я видел самых различных шпионов, но эти двое не напоминали мне ни одного из них. Немцы вряд ли могли ошибиться: в этой области они профессионалы. С какой

стати станут они в такое напряженное время забрасывать двух жалких агентов в страну, в которую они предполагали вторгнуться? Первое, что делают профессиональные шпионы, это согласовывают детали их легенды и затем строго придерживаются ее. Мажи, по всей вероятности, — профессиональный шпион, но его компаньоны — я готов поставить на карту свою репутацию — нечто иное. Но как могло случиться, что три человека, которые не знают английского языка, составили одну компанию? И для какой цели?

Время шло, а высшие власти нетерпеливо ждали результатов. Я испробовал все известные методы, но все они потерпели неудачу. Мажи был главарем этой злополучной шайки, я не сомневался в этом и чувствовал, что поступил правильно, сосредоточив все свой усилия именно на нем. Канарейка была уже в моих руках, но как заставить ее петь?

Вдруг меня осенила интересная мысль. Это был единственный способ заставить Мажи говорить. Он исключал пытки, что я считаю отвратительным и никогда не применяю. Но мне нужна была помощь офицеров. Представитель управления военной разведки в нашей школе ухватился за мою мысль. Своим энтузиазмом он заразил многих офицеров и даже начальника школы, который, правда, очень неохотно, но все же дал свое согласие на проведение этого оригинального плана в жизнь.

Прежде всего надо было перевести Мажи в темную одиночную камеру. Там он провел одни сутки. На следующий день его под конвоем привели в большую комнату, в центре которой стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном. За ним сидели офицеры школы в парадной форме. Перед каждым из них лежал пистолет. Я как председатель «военного трибунала» сидел в центре.

Все это должно было сильно подействовать на человека, который в течение двадцати четырех часов оставался наедине со своими мыслями. Мажи стоял перед столом между двумя часовыми, державшими наперевес винтовки с примкнутыми штыками. Один или два раза он на несколько мгновений закрыл глаза. Минуту или две в комнате стояла мертвая тишина — за это время он наверняка прочувствовал всю торжественность происходящего. Его дерзкой самоуверенности как не бывало.

— Подсудимый, — обратился я к нему по-французски, — вы знаете, где вы провели последние двадцать четыре часа?

— Да, сэр. В темной камере.

— Вы знаете, что это за камера?

— Н-нет, сэр.

Последний вопрос озадачил и взволновал его.

— Это камера обреченных. Люди, которые попадают в нее, обречены на смерть.

Я сделал паузу. В комнате было так тихо, что слышалось дыхание подсудимого. Оно заметно участилось.

— Подсудимый, — продолжал я, — вы были арестованы в Лондоне, и вам неоднократно предлагали сказать военным властям всю правду. Вы упрямо продолжаете рассказывать всякие небылицы — об этом говорят показания ваших же товарищей. Несмотря на улики, которые явно против вас, вы продолжаете настаивать на правдивости своих показаний. И объяснить это можно только так: вы шпион. В военное время за подобные преступления выносят смертный приговор.

— Итак, вы находитесь сейчас на заседании военного трибунала. Решение может быть только одно — вас признают виновным. А в таких случаях выносят только один приговор — «смертная казнь через повешение». Вы бесстыдно лгали до последнего дня, но мы все-таки решили дать вам последний шанс спасти свою жизнь.

Я достал из кармана часы и положил их перед собой.

— Вам дается две минуты. За это время вы должны решить, скажете ли вы нам правду или отправитесь на виселицу. Советую вам хорошенько подумать. Больше такой возможности вам не представится.

В комнате не было слышно ни единого звука, кроме мерного тиканья часов. Секунды одна за другой приближали Мажи к роковому концу. Устремив свой взгляд в пол, он дышал очень тихо, словно преднамеренно сдерживал дыхание. В окна с улицы врывались нетерпеливые гудки машин, напоминая о том, что шумная трудовая жизнь Лондона идет своим чередом. Секундная стрелка сделала один оборот. Мажи, опустив голову, стоял на том же месте. Ничто не говорило о том, что он перестал владеть собой. Один из часовых переступил с ноги на ногу, и в абсолютной тишине этот звук прозвучал как пистолетный выстрел.

Две минуты истекли. Я положил часы в карман и внимательно посмотрел на Мажи.

— Подсудимый, вы хотите что-нибудь сказать?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Ничего.

— Это ваше последнее слово.

Я стал медленно подыматься со стула.

— Вы сами виноваты в своей смерти. Сейчас я объявлю приговор.

Покрыв голову черным шелком, я произнес слова, которые в английском суде слышит каждый приговоренный к смерти:

— Суд постановил, что отсюда вас отправят в тюрьму и оттуда — на место казни; вы приговорены к смертной казни через повешение; ваше тело будет погребено на кладбище тюрьмы, где вы будете находиться перед казнью… да простит господь грехи ваши.

Я сел и стал внимательно смотреть на подсудимого. Несколько секунд я ждал, что Мажи сдастся, но он не шевельнулся и продолжал смотреть в пол. Я кивнул часовым, чтобы они увели его. В этот момент у меня в голове мелькнула мысль: а вдруг Мажи догадался, что весь этот спектакль был разыгран для него. Едва за ним закрылась дверь, как в комнате послышались вздохи облегчения. Офицеры зашевелились, и напряжение ослабло.

Но все чувствовали себя неловко. Взгляды всех находящихся в комнате были устремлены на меня. Наконец начальник школы, прокашлявшись, пробормотал то, о чем думали все.

— Что же нам теперь делать?

Краска смущения залила мое лицо. Оригинальный план провалился с треском. Ничего не испугавшись, подсудимый в недоумении только пожал плечами. Хорошо еще, что он не засмеялся, это было единственным утешением. Все мы остались в дураках и в первую очередь я — выдумщик этой глупой идеи. Собравшись с мыслями, я ответил:

— Джентльмены, давайте подождем еще минуту, две. Может быть, заключенный одумается и…

Мой голос стал падать, и я стал чувствовать скептические улыбки.

В это время кто-то постучал в дверь. Через минуту она раскрылась, и мы увидели часового, который конвоировал Мажи.

— Сэр, — сказал он, отдавая честь, — заключенный спрашивает, можно ли ему поговорить с вами.

Едва сдерживая улыбку и стараясь избегнуть самодовольного тона,я ответил:

— Введите его.

И снова я увидел перед собой Мажи.

— Что вы хотите? — отрывисто спросил я его.

Уродливо поднятая верхняя губа Мажи искривила его лицо в вечной полуулыбке. Сейчас же он широко улыбался.

— Сэр, я хочу рассказать всю правду, — сказал он по-английски.

От неожиданности я откинулся назад. Мажи говорил на языке, которого, как предполагалось, он не знал, к тому же его

акцент и манера обращения выдавали в нем иностранца.

— Да, — ответил я, — вам лучше во всем признаться. — Вы канадец?

— Да, сэр, канадский француз.

Итак, одна задача была решена. Мажи и его друзья дезертировали из частей канадской армии, дислоцированных в Англии. Но это было только начало, и в дальнейшем мне предстояло распутать этот огромный клубок лжи.

Не успел Мажи прийти в себя, как я засыпал его вопросами. Прежде всего мне хотелось выяснить два вопроса: во-первых, почему он так упорно не желал говорить правду, и, во-вторых, где его военная форма и солдатская расчетная книжка. С момента побега из армии до ареста Мажи и его товарищи должны были как-то существовать, но где они доставали деньги?

Ответ на первый вопрос показался мне правдоподобным. Мажи дезертировал уже восемь раз. В последний раз его предупредили, что еще одно такое преступление — и он заработает по меньшей мере два года тюремного заключения в «оранжерее» Альдершота. (Так называли военную тюрьму, которой солдаты боялись больше всего и говорили о ней шепотом.) Чтобы не попасть в эту тюрьму, Мажи и выдумал историю с лодкой и упорно придерживался ее, пока не увидел, что ему угрожает нечто худшее.

Мажи рассказал, что расчетную книжку он сжег, после того как убежал из лагеря. История же с формой выглядела так. В Сохо один незнакомец в обмен на его поношенную форму дал ему довольно приличный гражданский костюм и немного денег. Мажи не знал имени своего спасителя и сам не понимал, почему этот человек совершил донкихотский поступок.

Но я не верил, что Мажи сжег свою расчетную книжку, — в этом не было необходимости. Дезертир мог выбросить ее, хотя в обоих случаях ему трудно доказать, кто он, если его задержат. Мажи и его друзья скорее всего продали книжки вместе с формой. Причем таким Дон-Кихотом вероятнее всего мог оказаться организатор пятой колонны, но не скупщик поношенной одежды. Гитлер в любой день мог начать долгожданное вторжение в Англию. Методы его действий уже известны на примере Франции, Бельгии и Голландии. Налеты пикирующих бомбардировщиков вызовут панику среди населения и беспорядки. Беженцы заполнят дороги и парализуют войска. Пятая колонна усилит панику и беспорядки путем распространения ложных слухов и создания новых препятствий для передвижения войск. В самые напряженные моменты два или три человека в военной форме могут стоять на перекрестке и направлять колонны войск по

ложному пути. Они также могут убедить жителей или просто приказать им покинуть дома и таким образом усилить беспорядки. Основная масса канадских войск располагалась на юго-востоке Англии — в наиболее вероятном районе вторжения. Может быть, именно поэтому канадская полевая форма и имела такой спрос? Но кто был покупателем?

Я допросил двух других дезертиров. Подробности, которые я теперь знал, дали им основания полагать, что Мажи во всем сознался, но ничего нового они мне не сказали. Мажи, как видно, был главарем, которому и «ребенок» и его сообщник слепо повиновались. Они, однако, сознались, что расчетные книжки не сожгли, а отдали вместе с формой. В дальнейшем ни тот, ни другой дезертир не интересовали меня, и благодаря моим стараниям обоих передали их властям, а Мажи был задержан для дальнейшего расследования. Канадские военные власти согласились с этим. Министерству внутренних дел направили объяснение относительно так называемой «незамеченной высадки на английском побережье», о которой много говорили в высших инстанциях.

Если пятая колонна уже действовала, ее необходимо было как можно скорее ликвидировать. Но это была уже не моя область деятельности. Я отправился в Скотланд Ярд и там беседовал с начальником Особого отдела. Он пытался было усомниться в компетентности дилетантов из пятого отдела управления военной разведки, вторгающихся в сферу его деятельности, тогда мне пришлось затронуть его профессиональную гордость. Я сказал, что подобные вещи происходят в Сохо — центре лондонского преступного мира, а он смотрит на них сквозь пальцы. К концу нашей довольно продолжительной беседы офицер размяк и обещал выделить в мое распоряжение на три недели две полицейские машины и группу отборных полицейских. Цель — ночная операция в Сохо.

VII

Когда во время одного из допросов я рассказал Мажи, какие показания дали его компаньоны, он быстро, сознался, что вторично солгал мне: он вовсе не сжигал выплатной книжки. Он стал податливее. Теперь Мажи помогал нам, зная, что за это ему сократят срок заключения. Он рассказал мне, что всего один или два раза встречался с посредником, который покупал у него и его компаньонов военную форму. Тогда на улицах было темно. В кабаках Сохо сидели подозрительные личности. И нет ничего

удивительного в том, что он может не опознать посредника.

Как ни странно, но этот хладнокровный человек, похожий на головореза и умеющий классически врать, стал мне нравиться: он был не лишен чувства юмора, которое я очень ценю в людях. Время шло, а допросы не давали желаемых результатов. Вскоре я убедился, что ничего нового Мажи мне не скажет, и решил действовать иначе.

Мажи, как видно, угадал мои намерения и решил позабавить меня. Во время очередного допроса он достал из кармана старое лезвие для безопасной бритвы, спокойно положил его в рот, пожевал и проглотил. Желая убедить меня, что никакого обмана нет, Мажи открыл рот. Затем он достал из того же кармана бутылочный осколок, разгрыз его и проглотил. Я слышал о глотателях стекла и лезвий, но никогда не видел их так близко. Каждую секунду я ожидал, что увижу кровь на губах Мажи, но он спокойно жевал эти «лакомства» и проглатывал их с явным наслаждением.

— Какого черта вы мне показываете здесь эти штуки? — недовольным голосом спросил я Мажи.

Он обиделся.

— Я просто хотел показать вам, как мне приходилось зарабатывать на жизнь, — робко ответил Мажи.

— На жизнь? — повторил я. — Именно таким способом?

— Да. В Канаде и Соединенных Штатах нет цирка, где бы я не выступал. Люди хохотали до упаду. Вот так мы зарабатывали деньги в Лондоне после побега из армии.

Я засмеялся. Мажи мог здорово помочь мне! План довольно прост. Мажи и я в качестве его помощника будем по ночам ходить по барам Сохо и давать представления. Группа переодетых в штатское полицейских будет следовать за нами на некотором расстоянии, чтобы их не узнали и не увидели вместе с нами. И рано или поздно мы натолкнемся на «друзей» Мажи.

Я изложил ему свой план и спросил:

— Ну, вы согласны?

— Конечно. Мне так хочется подышать свежим воздухом. А кто будет платить за наши выпивки?

— Правительство его королевского величества. Но не подумайте что-нибудь. Это только в интересах дела. И не вздумайте мешать мне. Одно неосторожное движение — и вы очутитесь в «оранжерее». Вы понимаете меня?

Мажи все понял.

VIII

Первую ночь мы потратили впустую. Едва мы попали в Сохо, как начали завывать сирены, предупреждая о воздушном налете. Несколько минут спустя зарокотали бомбардировщики. По небу забегали лучи прожекторов. Стрельба зениток слилась со свистом падающих бомб. Послышались взрывы. На улицы, словно капли железного дождя, падали осколки снарядов зенитных орудий. Узкие улички Сохо опустели: и преступники и честные люди скрылись в убежищах.

На следующую ночь нам снова не повезло, но, к счастью, налет оказался непродолжительным. Сохо был погружен в глубокую темноту. Идя на ощупь, мы заходили во все бары, которые встречались на нашем пути. Пробирались к стойке и требовали пива. Со всех сторон слышался разноязычный гомон. Мажи осторожно смотрел поверх кружки, выискивая среди этой разношерстной публики своего «друга». Но вот он слегка покачивал головой, и мы, перебросившись несколькими словами, пробирались к выходу. Выйдя из бара, мы давали полицейскому в штатском время догнать нас. Он все время шел следом за нами. Затем все повторялось.

Наши поиски оказались безуспешными, и я начал терять терпение. От духоты у меня разболелась голова. Хотелось вернуться домой и лечь в постель. Я уже хотел отказаться от этой бессмысленной охоты, как вдруг нам повезло. В баре на Шарлотта-стрит было не так многолюдно, как в других барах. Мы направились к стойке. Вдруг я увидел, как Мажи переглянулся со смуглым молодым человеком, который стоял, облокотившись на прилавок. Он не спеша допил пиво и, не глядя в сторону Мажи, направился к выходу. Я кивнул полицейскому. Тот бросился за смуглым человеком. Отведя Мажи в сторону, я спросил его:

— Это ваш «друг». Не так ли?

Мажи кивнул.

— Так какого же черта вы сразу не сказали мне об этом? Уж не хотите ли вы надуть меня?

Впервые за время нашего знакомства Мажи смутился. Он что-то пробормотал о доносчиках, и я понял, как сильно давили на него законы преступного мира.

Теперь я уже не верил Мажи.

IX

Но та случайная встреча во многом помогла нам. В ту ночь полицейский вернулся с ценными сведениями. Посредник оказался учеником портного и был не англичанином, а

французом. Неблаговидных поступков за ним не водилось. Но интересное совпадение: мы разыскивали одежду, а он зарабатывал себе на жизнь тем, что шил ее. Молодого человека арестовали. На допросе он назвал имя сообщника и сказал его адрес. Им оказался инструктор по физкультуре. Его показания не имели никакого отношения к области физкультуры и оказались очень ценными. Он дал нам один адрес: Сохо, Ромили-стрит… При этом сыщик, хорошо знавший этот район, многозначительно посмотрел на меня. Человек, который жил по этому адресу, был известен как Страшилище Сохо. Он имел более тридцати судимостей за самые различные преступления, от торговли наркотиками до ограбления со взломом. Наконец-то мы напали на след!

Была ночь, когда мы подошли к двери квартиры на третьем этаже в доме на улице Ромили-стрит. Я позвонил. Никто не ответил. Мы стали стучать. Никакого ответа. Мы подергали дверь. Она была заперта.

— Ломайте! — сказал я. — Другого выхода нет.

Сильным и опытным полицейским это не стоило большого труда! Они налегли на дверь мощными спинами и плечами — и через несколько секунд она сорвалась с петель. Мы влетели в квартиру. В гостиной было тихо. В спальне на широкой кровати спала женщина. Ее тяжелое хриплое дыхание говорило о том, что ей, видимо, дали слишком большую дозу наркотика. В таком бессознательном состоянии она могла пролежать несколько часов. Один из полицейских пробормотал:

— Я видел ее раньше. Она любовница Страшилища, известная всему городу кокаинистка.

Подушка рядом с ее головой была помята. Я просунул руку под одеяло и ощупал место рядом с ее безжизненным телом. Оно было теплым. По всей вероятности, Страшилище лежал здесь несколько минут назад. На цыпочках мы поднялись на чердак. Он был грязным и пустым. Оставалась крыша.

Страшилище прятался за трубой. Дрожащий, в тонкой пижаме, он имел жалкий вид. При первом же предупреждении он покорно сдался. Страшилище, как и многие преступники его типа, больше испугался сам, чем напугал представителей власти.

Пока Страшилище одевался, мы осмотрели квартиру. Нам удалось обнаружить много кокаина и массу бульварной литературы. Но не было никаких следов военной формы и расчетных книжек.

…И вот Страшилище у меня в кабинете. Когда его предупредили, что улик более чем достаточно, чтобы засадить его за решетку на много лет, если он не будет помогать нам, он

рассказал всю правду. Законы преступного мира для него не существовали. Важные сведения полились бурным потоком, и я понял, что это так называемая крупная фигура в преступном мире ради спасения своей шкуры, не задумываясь, продаст родную мать. Страшилище назвал имена главарей, сказал, где их можно найти, и назвал адреса складов, где хранилась военная одежда. Я сообщил о случившемся по телефону в Скотланд Ярд — и к утру все главари оказались в руках полиции. Незаконная торговля военной одеждой моментально прекратилась.

Вскоре я узнал цель этой странной торговли. Оказывается, никакой пятой колонны за этим не скрывалось. Средний преступник Сохо думал только о своем благополучии. Он не был фанатиком и тем более патриотом этого узкого мирка — второй родины преступников — и без долгих размышлений предал своих сообщников. Скупка и продажа военной формы — хитроумная затея. Сохо — это своего рода деревня внутри громадного города. Улицы Сохо всегда кишат народом. Здесь часто можно встретить гражданских полицейских и очень редко — военную полицию. Стремясь избежать призыва в армию, многие молодые мужчины призывного возраста за большие деньги покупали военную форму и документы, принадлежащие другим лицам. Таким образом они оказывались «призванными в армию»: без присяги, медицинского осмотра и муштры. Риск был небольшим. Полиция, как правило, ищет дезертиров среди гражданских лиц, а молодые люди, уклонившиеся от службы в армии, во время своего «заслуженного» отпуска в чужой военной форме беспрепятственно разгуливают по городу. Нередко они даже выдают себя за героев, надевая ордена и медали. Когда банда, занимавшаяся скупкой и продажей военной одежды и расчетных книжек, была разоблачена, начались аресты многих сотен дезертиров. Эта охота, проводимая специальным отделом Скотланд Ярда совместно с военной полицией, продолжалась несколько месяцев и оказалась довольно успешной.

После того как Мажи передали канадским военным властям, я так и не видел его. Если ему довелось участвовать в боевых действиях после отбывания срока наказания, я уверен, что он отличился. Мажи был храбрым, изобретательным человеком и хорошим товарищем. Что же касается Страшилища, то он очень помог мне, причем это не требовало от него проявления храбрости. Выдав своих товарищей, он стал моим платным осведомителем и иногда давал интересные сведения. Тропа добродетели оказалась для него слишком узкой. Когда в последний раз я услышал о Страшилище, он отбывал четырехгодичный срок каторжных работ за грабеж со взломом.

Глава 5.
ОХОТНИК ЗА ШПИОНАМИ ПОМОГАЕТ ШПИОНАМ

Во время первой мировой войны часто случалось, что здорового на вид молодого человека в гражданском платье на улице останавливала женщина и вручала ему белое гусиное перо. Это был откровенный намек. Почему вы не на фронте? Вы боитесь? Иногда и военнослужащие, приехавшие домой в отпуск и сбросившие на время военную форму, или молодые мужчины, болезнь которых внешне ни в чем не проявлялась, например порок сердца, подвергались публичному унижению.

К счастью, этот варварский обычай был забыт в годы второй мировой войны. В этой войне участвовали все — и гражданские и военные. Во время воздушных налетов и обстрелов управляемыми снарядами все одинаково подвергались смертельной опасности. Как ни странно, мирное население Лондона и других крупных городов находилось даже в большей опасности, чем солдаты, служившие на Среднем Востоке или в других местах, где не было военных действий. Но от старых обычаев отказываются с трудом, и матери, чьи сыновья, находясь на фронте, ежеминутно рисковали жизнью, не могли спокойно смотреть на дюжих молодых парней из лондонского Уэст-Энда[5], которые купались в роскоши и, видимо, не собирались даже пальцем шевельнуть, чтобы помочь своей стране. Конечно, некоторые пытались уклониться от военной службы или дезертировали, как это показано в предыдущей главе, но таких людей было сравнительно немного. Нередко молодые люди, которые, казалось бы, жили в роскоши и бездельничали, а потом вдруг таинственно исчезали, иногда безвозвратно, оказывались тайными агентами.

Эти люди вызывают у меня восхищение. В самом деле, любой тайный агент, работает ли он на свою страну или против нее, заслуживает уважения хотя бы за одну только храбрость. В коллективе смелым быть нетрудно, а в одиночестве, когда приходится опасаться каждого прохожего, каждого знакомого, когда даже во сне нужно следить за собой, чтобы не заговорить на родном языке, — это очень тяжело. Кто никогда не был разведчиком и лично не знает тайных агентов, тот не поймет, в каком непрерывном нервном напряжении живет разведчик. Он не может предугадать, с какими намерениями подходит к нему сзади человек: то ли он хочет дружески похлопать по плечу, то

ли, тяжело опустив руку, произнесет: «Вы арестованы».

Тайные агенты английского правительства, проводившие свою жизнь в кажущейся роскоши и потому вызывавшие косые взгляды тех, кто не был посвящен в государственную тайну, были, как правило, молодыми людьми и обладали отличным здоровьем. Места назначения им обычно приходилось достигать с помощью парашюта, а после сорока лет мышцы у человека теряют упругость, необходимую для ночного парашютного прыжка, к тому же зачастую на неровную каменистую поверхность, — тут легко пострадать при приземлении. Многие тайные агенты были иностранцами. Их выбрасывали с парашютами на родной земле, иногда возле того города или деревни, где они родились и где живут их родные и близкие. Некоторым из них пришлось перенести пластическую операцию, чтобы их не опознали друзья и родственники. Английские же шпионы так тщательно изучали страны континента и один из иностранных языков, что их можно было принять за местных жителей.

Долгие месяцы перед выброской на континент эти люди проходили тщательную подготовку. Их учили обращаться с парашютом и с взрывчатыми веществами, необходимыми для различных диверсий. Обучение они проходили в специальной школе для шпионов, расположенной в глубине страны. Программа включала искусство маскировки, различные методы бесшумного убийства человека, использование личного оружия и радио, знание тайнописи, фотографирование и доскональное изучение местности, на которой предполагалась выброска. К обучаемым предъявлялись исключительно высокие требования в умственном и в физическом отношении. Приступать к выполнению боевых заданий разрешалось только тем, кто успешно выдерживал всевозможные испытания. Дисциплина поддерживалась спартанская. Будущим тайным агентам не рекомендовалось много пить и без разбора менять женщин. Любовь почти всегда становилась роковой для разведчика — свои чувства он должен держать под контролем.

Затем эти молодые люди, блестяще подготовленные во всех отношениях, направлялись на выполнение боевых заданий. И все-таки, несмотря на тщательную подготовку, процент их провалов был тревожно высок. При проведении операции под названием «Английская игра» много отважных молодых датчан было схвачено гестапо, несмотря на все меры предосторожности, так как в группу агентов проник предатель. В других случаях, по сведениям нашей разведки, английские агенты попадали в руки гестаповцев из-за своих собственных ошибок, а это уже никуда не годится. Многие месяцы подготовки пропадали даром, ценная

информация о наших методах работы становилась достоянием противника, да и власти задумывались над тем, стоит ли вообще заниматься этим делом. Можно позволить себе рискнуть смелым человеком, когда знаешь, что один провал приходится на десять удач, — тут почти каждый имеет шансы остаться в живых. Но когда это соотношение — сто к одному или даже сто к нулю, никто не возьмет на себя смелость обречь на самоубийство храброго, умного человека, который может принести столько пользы своей стране.

И вот кому-то в разведке пришла в голову такая мысль: а не привлечь ли контрразведчиков, накопивших богатый опыт вылавливания шпионов, к последней проверке наших тайных агентов перед их опасным путешествием? Если тайный агент выдержит сложнейшие испытания, которым подвергнут его эксперты по ловле шпионов, он может быть уверен, что при выполнении задания ему удастся обмануть гестапо. Если он провалится на экзаменах, этот первый провал не станет для него роковым, а предостережет от повторения ошибок в будущей работе. Когда это разумное решение было принято, меня пригласили проэкзаменовать группу тайных агентов, которые вскоре должны были покинуть Англию. Меня попросили подвергнуть их самому строгому и всестороннему испытанию, исключая, разумеется, пытки. Я должен был при этом использовать методы, близкие к тем, которые практиковались в гестапо.

И вот через несколько дней ко мне в кабинет вошли три молодых человека. Они горели желанием работать агентами и были готовы отправиться на выполнение любого задания.

Их сопровождал офицер, видимо уверенный в своих протеже и явно гордившийся ими.

— Когда они отправляются на задание? — обратился я к нему.

— Послезавтра.

— Так, как есть?

— Да, как есть.

Я опять посмотрел на молодых людей. Одеты они были очень аккуратно, но их костюмы — не старые, и не новые — не бросались в глаза. Словом, их вполне можно было принять за деловых людей, под видом которых им предстояло работать в Бельгии. Я подошел к одному из них и, засунув руку за его жилет, вытащил галстук. На изнанке галстука красовалась этикетка магазина: «Селфридж, Оксфорд-стрит. Лондон».

— Уведите их, — сказал я смутившемуся офицеру. — Какой смысл теперь разговаривать с ними?

Они ушли, а я сел в кресло и закурил сигарету. Если допускаются такие нелепые промахи, разве удивительно, что ежедневно гибнут отважные, отлично подготовленные разведчики? Казалось просто невероятным, что при такой совершенной системе всесторонней подготовки могут допускаться настолько грубые ошибки. Я с досадой думал о напрасно потерянных времени, деньгах и человеческих жизнях.

Через шесть дней мне пришлось экзаменовать другого молодого человека, которому вскоре предстояло выброситься с парашютом в Бельгии. На этот раз мое первое замечание учли — ни одна нитка одежды не могла выдать его.

Я попросил будущего разведчика рассказать мне легенду, которую он приготовил, чтобы в случае необходимости объяснить гестапо причину изменения своего местопребывания и поездок по стране. Вот что он рассказал. После оккупации немцами Бельгии он бежал на юг Франции. В Ницце он нашел работу на цветочных плантациях. Там он проработал простым рабочим восемь месяцев, но затем услышал, что при нацистах в Бельгии стало лучше, чем он ожидал, и решил вернуться в Брюссель. Так он снова оказался в Бельгии.

— Кем же вы работали на цветочной плантации? — спросил я его по-фламандски.

— Рабочим, сэр.

— Покажите руки.

Он протянул их. Руки у него были белые, мягкие, на ладонях — ни малейших признаков мозолей, ногти аккуратно подстрижены, ни один из них не поломался и не потемнел. Невозможно почти год прокопаться в земле и сохранить такие руки — руки канцелярского служащего, не прикасавшегося к лопате.

Я вздохнул огорченно и раздраженно.

— Ну, хорошо, допустим, — сказал я. — Теперь расскажите что-нибудь об этой цветочной плантации. Какие цветы там выращивались?

— О розы и… красная гвоздика…

Он замолчал.

— Фуксии? — подсказал я,

— Нет, не фуксии.

— Может быть, герань?

— О да, конечно, герань.

— Итак, вы выращивали герань? На средиземноморском побережье! Милый мальчик, предполагается, что вы эксперт по цветам. Вы об этом помните? Вы же восемь месяцев проработали на плантации. Хоть что-нибудь вы знаете о цветах? Возвращайтесь

к своим инструкторам и скажите им, что я напрасно потратил время, а вы без надобности рискуете жизнью.

После этого я предложил инструкторам разведывательной школы разрабатывать для тайных агентов «легенду внутри легенды», или, как мы говорили, «рассказ внутри рассказа» (я уже упоминал об этом в приложении ко 2-й главе). Человеческая натура такова, что мы верим скорее дурным, чем благородным поступкам человека. И тем более гестаповцы, всегда склонные в любом видеть только худшее, скорее поверят человеку, признавшемуся в своей слабости. Человек с легендой о цветочной плантации должен иметь еще «легенду внутри легенды». Если первой легенде гестаповцы не поверят и подвергнут его пыткам, он должен в подходящий момент, пока еще не поздно, задыхаясь, произнести: «Во имя господа бога, остановитесь. Я скажу правду. Я больше не могу. Я не жил в Ницце восемь месяцев и никогда не видел никакой цветочной плантации. Я пробыл там всего несколько дней. Без единого су в кармане я начал побираться. Однажды мне попалась одна женщина, лет пятидесяти, страшная старая кляча с крашеными ярко-рыжими волосами. Я ей понравился, и она взяла меня к себе. Через два дня моему терпению пришел конец. У нее были добрые намерения, но за свои деньги она хотела получить слишком много. Вы — мужчины и должны понять меня. Голодный человек не слишком разборчив, но я не мог делить постель с этой отвратительной старухой. И вот через два дня я убежал, захватив на прощанье ее деньги и драгоценности. Несколько недель я прятался от полиции, а затем один человек за большие деньги тайно перебросил меня через границу в Бельгию».

Эта легенда более приемлема для гестапо, чем рассказ добродетельного рабочего. Теперь все тайные агенты, направлявшиеся на выполнение секретных заданий, запасались «легендой внутри легенды». Я уверен, что благодаря этому методу было спасено немало человеческих жизней.

Из всех агентов, которых мне пришлось экзаменовать перед отправкой на задание, только один легко и без единой ошибки выдержал все испытания. Он стал блестящим агентом. Несколько раз переправлялся он в Бельгию с важными заданиями, но ни разу не был обнаружен гестапо. Больше того, он не вызывал ни малейших подозрений.

Когда мне сказали, что пришел мосье Жан Дюфор, я приготовился увидеть интеллигентного пышущего здоровьем молодого человека. Но вот отворилась дверь, и я застыл с открытым ртом и расширившимися от изумления глазами: в кабинет вошел офицер в сопровождении — как бы поделикатнее

выразиться — пародии на человеческое существо. Это был типичный деревенский идиот. У него была уродливая фигура, а щеки и нижняя челюсть достигали невероятных размеров. Бледно-голубые глаза Дюфора казались совершенно пустыми, без малейшей искорки ума. Рот был полураскрыт и на подбородок стекала слюна. Он подмигнул мне, скорчил гримасу и вдруг разразился пронзительным хохотом.

— Что за чертовщина? — сердито спросил я. — Вы надо мной издеваетесь?

Офицер улыбнулся и ответил:

— Разрешите представить вам мосье Жана Дюфора. Если он выдержит ваш экзамен, он будет возить деньги нашим агентам во Франции и Бельгии.

— Судя по его внешности, ему надо проконсультироваться у психиатра, а не экзаменоваться в контрразведке, — заметил я. — Но если вы настаиваете, я — к вашим услугам. Начнем?

Я повернулся к жалкому дурачку. Он снова захихикал, затем своим грязным, похожим на обрубок пальцем осторожно дотронулся до чернильницы на моем столе, словно никогда не видел такого красивого и необычного предмета. Взглянув на меня, он опять подмигнул. В этот момент тонкий ум на мгновение загорелся в его глазах, осветил невыразительное, почти бессмысленное лицо и так же внезапно потух.

— Сколько вам лет, Дюфор? — спросил я по-фламандски.

— Сколько мне лет? — хихикнул он и погладил меня по плечу. — Сколько мне лет, старина? Откуда я знаю? — Он откинул назад голову и залился веселым смехом.

Я продолжал задавать вопросы. Где он родился, где живет. «Я? Я нигде не живу», — ответил он, пуская слюну и заразительно смеясь.

Я вышел из себя и сердито крикнул:

— Да отвечайте, не дурачьте меня! Ведь где-то же вы должны жить!

Но он продолжал хихикать, брызгая слюной.

— Я живу на дорогах Бельгии, на полях, в лесах, в стогах сена…

— Чем занимается ваш отец?

Он почесался и засмеялся еще громче. Брызги слюны упали на меня и стол.

— Э, старина, мой отец хороший человек. Он… он сумасшедший, лунатик…

Этот маньяк называет своего отца сумасшедшим! Да, видно, это настоящий идиот.

— Почему? — упорствовал я.

— Почему? Потому что старый дурак работает!

— А разве, по-вашему, человек не должен работать?

Он стукнул рукой по своей впалой груди.

— Я, работать? Зачем? Я сплю в поле, а обедаю не хуже, чем герцог. Где фермы, там коровы, и, когда поблизости нет фермера, я получаю бесплатное молоко. Да и куры от меня не убегают. Стоит слегка сдавить ей шею — все. Затем кладешь ее в горшок, и вот вам прекрасный ужин.

Он погладил живот, вспомнив о прекрасных бесплатных ужинах.

В его веселости было что-то заразительное. Уже улыбаясь, я спросил, ходил ли он когда-либо в школу. Нет, в школу он не ходил, но, гордо добавил он, подписываться умеет.

— Что ж, давайте посмотрим, как это у вас получается.

Он взял ручку, словно она кусалась, засучил рукава, приподнял руку, как будто собираясь исполнить скрипичный концерт Бетховена, высунул язык и склонился над бумагой.

Медленно водя пером по бумаге, он кое-как нацарапал неуклюжее «Х».

— Вот, — торжественно произнес он, — Жан Дюфор к вашим услугам.

Целый час убил я на него, но в конце концов признал себя побежденным. Мне не удалось выудить у него ни слова ценной информации.

— Уведите его, — сказал я его спутнику. — Вы можете посылать Дюфора в Бельгию. Гестапо не раскроет его. Он любого выведет из терпения. После того как бельгийская полиция несколько раз арестует его и отпустит, полицейские станут убегать от него. Дюфор будет проклятьем всей полиции. Он гений!

Офицер разведки улыбнулся.

Они вышли, но на прощание Дюфор дерзко и высокомерно ухмыльнулся. Я больше не видел его, но с интересом следил за его разведывательной работой. В первый раз Дюфора выбросили с парашютом в Бельгии. У него было четыреста фунтов стерлингов для одного из наших агентов в Брюсселе. Не прошло и двух суток, как поступило донесение, что задание выполнено. Снова и снова его выбрасывали в Бельгии, и каждый раз, выполнив поручение, он возвращался в Англию и готовился к новому заданию. Ни разу он не опоздал на условленную встречу, как бы близко ни была полиция или гестапо. Всего он доставил нашим агентам в Бельгии тысячи фунтов.

Этот безграмотный, дурашливый, жалкий «бродяга и воришка» был превосходным агентом. Он добивался успеха там,

где умные и сильные мужчины в конце концов проваливались. Это чучело в лохмотьях внесло бесценный вклад в работу английской секретной службы.

Я бы хотел встретиться с ним еще раз. Он получил бы самую вкусную жареную курицу во всем Лондоне. Но эту курицу ему не пришлось бы воровать — я с удовольствием заплатил бы за нее.

Глава 6.
ТЕРПЕНИЕ — ХОРОШЕЕ КАЧЕСТВО

I

Немцы совершали немало ошибок, но нельзя не отдать должного их скрупулезности и умению четко организовывать работу.

В первые, горькие месяцы после падения Франции и оккупации Бельгии и Голландии создалась такая путаница и неразбериха, что несколько тысяч людей сумели бежать в Англию. Одни прибывали в лодках, отправляясь в опасный путь ночью из тихих речушек, которых так много на всем изрезанном побережье от Норвегии до Бретани. Другие устремлялись по суше на юг, достигали Пиренеев, переходили границу, а из Испании, если им удавалось обмануть бдительность франкистских полицейских, перебирались в Португалию и в Лиссабоне ждали парохода или самолета. Постепенно гестапо и немецкая служба безопасности закрыли на замок береговую линию. Вдоль всего побережья стали действовать военные патрули, и в Англию прорывались только небольшие группы смельчаков. Впрочем, чтобы рискнуть пересечь в лодке Северное море или Ла-Манш, нужны были не только храбрость и прекрасное владение искусством мореплавания, но и просто «везение». Немецкая воздушная разведка над Ла-Маншем легко могла обнаружить лодку с беглецами, и тогда пулеметная очередь, выпущенная с бреющего полета, прекращала их долгие мытарства. Кроме того, у береговой охраны немцев было много моторных катеров. И если беглецы попадались, то это почти наверняка означало для них смерть в морской пучине или расстрел на берегу, а в лучшем случае — заключение в концентрационный лагерь. В течение 1941—1942 годов количество беженцев, достигавших Англии, из бурного потока в первые шесть месяцев после Дюнкерка превратилось в едва заметный ручеек.

Но вскоре немцы поняли, что, закрыв населению оккупированной Европы дорогу в Англию, они тем самым лишат себя возможности получать разведывательные сведения. Запершись в комнате, человек отгораживается от внешнего мира, но тогда и внешний мир становится ему недоступным. Между тем немцы остро нуждались в разведывательных сведениях об Англии: насколько она оправилась после Дюнкерка, эффективны

ли налеты немецкой авиации, где дислоцируются войска, существуют ли планы вторжения на континент. Воздушная разведка и фотографирование давали кое-какие сведения, но их точность нуждалась в проверке и в подтверждении тайными агентами, которые действовали бы на территории Англии.

И вот было найдено решение нелегкой задачи. Если нацисты каким-то образом узнавали о подготовке побега в Англию, они не всегда арестовывали заговорщиков. Заслав в группу беглецов своего шпиона, они давали им возможность привести в исполнение план побега.

Среди настоящих беглецов шпион не так бросается в глаза, как проникнув в Англию самостоятельно. Так как шпион будет вместе с другими готовить побег и подвергаться тем же опасностям, что и остальные, настоящие беглецы подтвердят его показания, и он может избежать подозрений.

Такое решение задачи имело, с точки зрения немцев, еще одно преимущество. Агент, проникающий в Англию через Лиссабон, прибывает на место через несколько месяцев после начала длинного, тяжелого путешествия. Лиссабона ему достигнуть нетрудно, но здесь он вынужден вставать в длинную очередь беженцев всех национальностей за визами и билетами на судно, которое берет на борт лишь небольшой процент людей, жаждущих попасть в Англию. Шпион не станет привлекать к себе внимание, стараясь вне очереди получить визу или билет. Ему приходится занимать очередь и терпеливо ждать. Все это, возможно, окончится тем, что, обманув контрразведку, он прибудет в Англию, но зато задание его в новой обстановке может безнадежно устареть. И если он не сумеет получить свежих инструкций, а это нелегко даже в спокойные времена, — окажется, что он напрасно рисковал своей головой. А на лодке переправа через Ла-Манш займет всего несколько дней, и немецкий агент, избежавший сетей контрразведки, может сразу приступить к выполнению своего задания.

По мнению немцев, это был недурной план, даже если он грозил некоторым увеличением потерь — на войне без жертв не обойдешься.

Англичане быстро сообразили, что самую свежую информацию о положении на континенте можно получать от беженцев, прибывающих на лодках. Предварительным допросом беженцев занимались офицеры разведки королевских военно-воздушных сил. Сведения оперативного значения немедленно передавались бомбардировочному и истребительному командованиям, которые немедленно принимали соответствующие меры. Сведения однодневной давности обычно

касались сосредоточения войск, или секретных военных предприятий, или даже сугубо секретного военного совещания с участием высших офицеров. Такие сведения должны были достигать авиационных штабов без всяких задержек.

В своей области офицеры разведки ВВС были первоклассными работниками, но в их задачу не входило ловить шпионов. Они получали от беженцев только сведения, представляющие интерес для авиации, а вопросами безопасности предоставляли заниматься офицерам контрразведки, которые «просеивали» беженцев после того, как они проходили через разведку ВВС.

Однажды утром ранней весной 1942 года в моем кабинете в Королевской викторианской патриотической школе зазвонил телефон. Говорил офицер разведки ВВС, мой старый знакомый. Голос его звучал далеко не весело. Он сказал, что сейчас закончил допрос трех голландцев, которые на небольшом суденышке высадились на юго-восточном побережье. Двоих он допросил без труда, но третий оказался помешанным или был просто вне себя от радости, что очутился наконец в полной безопасности. Во всяком случае, ничего вразумительного он сказать не мог. Он то проливает слезы умиления, то диким голосом выкрикивает гимны благодарности всевышнему. От него удалось добиться только того, что он голландец, а фамилия его Дронкерс. Не займусь ли им я?

Я согласился. Через несколько часов Дронкерса привели ко мне. Он был высок и очень худ. Кожа на его лице была так натянута, что, казалось, вот-вот разорвется. У него были белокурые волосы и умные карие глаза. Скромно одетый, он держался с большим достоинством и даже несколько самоуверенно, но в общем производил впечатление безупречно честного мелкого чиновника. Сейчас Дронкерс был вне себя. Он не вошел, а буквально ворвался в мой кабинет, размахивая руками, как дервиш, подпрыгивая и резким голосом выкрикивая старинную голландскую патриотическую песню. Он пылко обнял меня и долго, до боли сжимал мне руки. Кончив петь, он принялся лепетать благодарственный гимн богу, который спас его от верной гибели.

Мне удалось немного успокоить его, но стоило напомнить ему об удачном побеге, как он снова разразился. Очень неприятно видеть в истерике почтенного пожилого человека, и я решил резко оборвать его, зная, что иногда это помогает,

— Ну вот, а теперь говорить буду я. Вы рады, что спаслись, и мы рады, что вы благополучно добрались сюда. Но свою радость вы выражаете как-то слишком по-детски. Даже хуже, чем по-

детски, — эгоистично. Вы в долгу перед своими менее счастливыми соотечественниками, которые еще не избавились от фашистского ига. Успокойтесь и расскажите подробнее, как вам удалось бежать. Может быть, ваш метод можно использовать, чтобы помочь бежать многим другим голландцам. Итак, возьмите себя в руки. Вы меня поняли?

Он кивнул и безвольно опустился в кресло. После этой внезапной перемены, ничуть, впрочем, не удивительной для истеричных людей, он почти апатично рассказал мне о своем побеге.

По его словам, женат он уже больше двадцати пяти лет. Детей у него нет. Он с женой жил в маленькой квартирке в Гааге. Он был почтовым служащим и, занимая такое скромное положение, получал ничтожное жалованье. Всю жизнь они едва сводили концы с концами и не смели надеяться на лучшее. После оккупации Голландии в 1940 году жить стало еще труднее. Цены повышались, и доставать продовольствие и одежду стало почти невозможно. Жизнь стала настоящим кошмаром, и в отчаянии, ради своей жены — сказав это, Дронкерс покраснел — он стал торговать на черном рынке. Это было противозаконно, но у него не было выбора. Зато дела его стали быстро поправляться, деньги сами потекли в карман. Словом, из нищего он превращался в богача.

Все давалось ему слишком легко, и осторожность подсказывала, что это не может продолжаться бесконечно. Дронкерс допускал, что когда-нибудь с ним приключится беда, но дни за днями, недели за неделями проходили без всяких осложнений, деньги текли ручьем, и он перестал остерегаться. И вдруг, как гром среди ясного неба, разразилась беда. Однажды январским вечером друг предупредил Дронкерса, что на его след напало гестапо. Немцы решили ликвидировать черный рынок в Голландии, так как незаконная торговля угрожала их режиму. Дронкерса выследили или кто-то выдал его, во всяком случае им заинтересовалось гестапо.

Торговля на черном рынке каралась смертной казнью. Дронкерс и его жена знали об этом. Друг, который предупредил его, сказал, что у него только один выход: бежать в Англию. Если он останется в Голландии, гестапо все равно рано или поздно найдет его. Жена понимала, что он должен бежать, и не возражала. Гестапо едва ли могло причинить ей неприятности, так как его деятельность на черном рынке, к счастью, не была связана с его домом, да и нацисты тогда еще делали вид, что ведут себя «корректно». Они вряд ли возьмут его невиновную жену в качестве заложницы.

Тот же друг посоветовал Дронкерсу побывать в известном роттердамском кафе «Атланта» — там ему, может быть, посчастливится найти человека, который согласится организовать побег.

Я кивнул, потому что хорошо знал кафе «Атланта». Несмотря на бессвязность и непоследовательность рассказа Дронкерса, все, о чем он говорил, звучало довольно правдоподобно.

На следующий день он отправился в Роттердам и пошел в кафе. Дронкерсу повезло. Он разговорился с человеком, которого звали Ганс, и через несколько минут признался ему, что его разыскивает гестапо и что он приехал в Роттердам, надеясь где-нибудь найти лодку и бежать в Англию.

Ганс улыбнулся и согласился помочь. Он, Ганс, работал шкипером у одного роттердамского дельца, который поставлял топливо судам, заходившим в порт. У этого дельца было неплохое суденышко. Пожалев Дронкерса, Ганс решил помочь ему обмануть ненавистное гестапо и согласился продать это судно. Как истинные голландцы, они поспорили о цене и сошлись на сорока фунтах. Это была высшая сумма, которую мог дать Дронкерс.

Они разработали простой план. Ганс достанет столько горючего, сколько необходимо для перехода через Ла-Манш в Англию. Ему это было нетрудно, так как по характеру своей работы он мог, не вызывая подозрений, брать любое количество горючего. Дронкерс тайно проникнет на судно и спрячется в каюте. Затем Ганс проведет судно через шлюзы, мимо немецких часовых, которые привыкли к нему, так как часто видели его на этом суденышке. Кроме того, у него был специальный пропуск, разрешающий ему такие поездки. Когда судно не будет видно из гавани, Ганс причалит и сойдет на берег, и тогда Дронкерсу самому придется добираться до Англии. Если он будет держать курс строго на запад, то наверняка доберется до цели.

— Вот какой план наметили мы с Гансом, — сказал Дронкерс. — К счастью, все кончилось хорошо, но пришлось пережить столько, что я чуть не сошел с ума. Один молодой человек, мой друг, тоже мечтал бежать в Англию, и в конце концов я согласился взять его с собой. У него тоже был друг, который, как и мы, бредил Англией. Мне не хотелось, чтобы на моем маленьком суденышке оказалось три человека, но меня уговорили… И вот мы, скорчившись, лежим в крохотной каюте, где чем-то невыносимо пахнет. Казалось, прошла вечность, прежде чем мы отчалили, и затем целый век, пока мы медленно пробирались по шлюзам. Мы не дышали, когда Ганс смеялся и шутил с немецкими часовыми. Наконец мотор застучал сильнее,

и мы почувствовали, как наша посудин прибавила ходу. Мы вышли в открытое море… Когда мы приблизились к Хук Ван Холанду, Ганс пристал к берегу. Я отдал ему сорок фунтов и поблагодарил от всего сердца. В конце концов я обязан ему жизнью. Сорок фунтов — это не так уж много, если учесть, что я купил себе право на жизнь.

Я кивнул и закурил новую сигарету.

Дронкерс с трудом сдерживал волнение. В глазах у него стояли слезы.

— Мне больше нечего сказать, сэр, — продолжал он. — Добавлю только, что после того, как мы расстались с Гансом, не все шло гладко. Ни у меня, ни у моих товарищей не было никаких навигационных навыков. Во-первых, мы наскочили на мель. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось снова отправиться в путь. К тому же этот проклятый прожектор метался взад и вперед — он помахал рукой из стороны в сторону, — как раз по мели, где мы застряли. Только чудом нас не обнаружили, …

Он глубоко вздохнул, затем вдруг вскочил и в новом приступе радости задрыгал ногами и, вскинув руки, закричал:

— Но теперь все позади! Господи, неужели я здесь, в Англии, целый и невредимый? Неужели мои страдания закончились?

Я бросил сигарету в пепельницу и сказал:

— Мне кажется, Дронкерс, что ваши настоящие страдания начинаются только теперь.

II

Наступила тишина. Дронкерс сел и пристально посмотрел на меня. Я тоже внимательно наблюдал за ним.

— Извините меня, сэр, — сказал он, — по-видимому, я ослышался.

— Нет, Дронкерс, именно это я и хотел сказать. По-моему, ваши неприятности, или, как вы говорите, «страдания», вовсе не закончились. Вы рассказали мне очень интересную историю. Пожалуй, она напоминает сочинения знаменитого американского писателя Эдгара По. Если вы помните, у него есть один сборник рассказов под названием «Рассказы о таинствах и воображении». Так вот, ваш рассказ действительно таинственный и к тому же является плодом вашего воображения. Словом, я подозреваю, что вы все это придумали. Скажите-ка лучше всю правду.

Он вытаращил глаза и судорожно облизал сухие губы. И вдруг его неподдельное удивление перешло в гнев.

— Простите, сэр, но вы обвиняете меня во лжи? Это чудовищное обвинение. Вы оскорбляете меня.

Я наклонился вперед.

— Скажите, Дронкерс, почему вдруг вашему приятелю Гансу пришло в голову покончить жизнь самоубийством?

Он растерянно заморгал.

— Самоубийством? О чем вы говорите?

— Не думаете ли вы, что роттердамский делец уже разыскивает свое пропавшее судно? Немецкие часовые видели, как Ганс вывел его из бухты, но Ганс вернулся домой, а лодка исчезла. Разве это не покажется странным? Этот делец не примирится с потерей хорошего судна. Ведь в военное время трудно приобрести новое. Он наверняка сообщит в гестапо о поведении Ганса. А что тот скажет в свое оправдание? Гестаповцы могут быть очень грубыми, когда захотят.

Дронкерс опять широко открыл глаза.

— Задумывались ли когда-нибудь вы, — продолжал я, — или сам Ганс, что вы толкаете его в сущности на самоубийство, и всего за каких-нибудь сорок фунтов стерлингов?

Дронкерс отрицательно покачал головой. В глазах у него стояли слезы.

— О господи, — пробормотал он, — об этом мы не подумали…

— Дальше, — сказал я, — человек, который поехал в Роттердам, чтобы на лодке или как-нибудь иначе бежать в Англию, никогда не зашел бы в единственное роскошное кафе, не пострадавшее от бомбардировок. Скажите, зачем вы это сделали? Вы пошли в то единственное в Роттердаме место, где не могли встретить ни одного моряка. Почему вы не пошли в любой портовый кабачок? Ведь там всегда полно моряков.

Дронкерс со смиренным видом ответил:

— Как хотите, сэр, можете мне верить или не верить, но я сказал правду.

— Да? Правда часто кажется невероятной, но ваш рассказ… Как вы объясните, что в переполненном кафе вы сразу наткнулись на единственного, пожалуй, во всей Голландии человека, который согласился помочь вам? И разве вы не рисковали своей жизнью, рассказывая о себе незнакомому человеку? Ведь он мог быть агентом гестапо. Да и, кроме того, станет ли такой умный человек, как Ганс, рисковать собой из-за жалких сорока фунтов? Дайте мне убедительные ответы на эти вопросы, и тогда я поверю вам.

Дронкерс с тяжелым вздохом произнес:

— Я только могу повторить, что сказал правду, сэр.

Я покачал головой.

— Мне ясно, Дронкерс, кто вы такой. Вы лгун. Мне даже известно, кто вас послал сюда, — герр Штраух из немецкой разведки. Ну, что вы на это скажете? Даю вам двадцать четыре часа на размышления. Завтра в это время вы придете ко мне и скажете всю правду.

— Я уже сказал вам всю правду.

По моему звонку за Дронкерсом пришли конвойные. Когда он уходил, я посмотрел на него с невольным уважением. Заставить его признаться будет значительно труднее, чем мне казалось до сих пор. Он был настолько искренен в своей честности, что на какой-то миг я даже поверил ему, но затем быстро отбросил эту мысль. Он шпион и вынужден будет во всем признаться.

Прежде чем выйти из кабинета, он сказал, что мы пригрели нового Гиммлера, — он имел в виду меня. (Он писал об этом голландской королеве Вильгельмине, королю Англии и Уинстону Черчиллю, но его письма не были вручены высоким адресатам.)

Когда дверь за ним закрылась, я откинулся в кресле, закурил сигарету и вспомнил весь его рассказ. Как никогда, я был убежден, что он лгал, что он шпион. Заставить его признаться — вот моя задача. Мог ли я предполагать, что решение этой задачи будет стоить тринадцати дней и ночей упорного труда?

III

В предыдущих главах я подчеркивал важность тщательного осмотра личных вещей беженцев. Тиммерманса, например, не удалось бы разоблачить, если бы у него в саквояже не было обнаружено три изобличающих его предмета. Опыт убеждал меня, что у каждого шпиона с собой или в багаже есть какая-нибудь вещь, которая обязательно выдаст его. Этот предмет внешне может казаться совершенно невинным и обнаружить его под силу только очень опытному следователю, но он всегда есть, и его необходимо искать. Перед каждым шпионом стоят две основные задачи. Во-первых, он должен добыть нужные ему сведения, а во-вторых, переслать их туда, где они будут использованы. Для выполнения этих задач он нуждается в памятке, в которую заносятся либо добытые разведывательные данные, либо иностранный адрес, по которому их следует посылать, либо и то и другое. Кроме того, у шпиона может быть микрокамера.

Если шпион обладает решительным и твердым характером и если он хорошо подготовлен, сам по себе допрос, сколько бы он ни продолжался, не заставит его признаться. Только пытками

можно добиться этого, но, как уже говорилось, английская контрразведка не прибегает к ним.

Итак, Дронкерса я продолжал допрашивать по заведенному у нас порядку, каждый день заставляя его снова и снова повторять свой рассказ, указывая ему на те же несообразности и задавая те же прямые вопросы. И каждый день раздавался надоевший мне неизменный ответ: «Я сказал вам правду, сэр».

Днем у меня было слишком много дел, чтобы заняться тщательным осмотром его вещей. Поэтому каждый вечер я брал домой несколько предметов из багажа Дронкерса и после ужина, когда пронзительно выли сирены и где-то поблизости рвались бомбы, сидел над ними далеко за полночь. На непокрытом столе под сильным электрическим светом я раскладывал его вещи и по очереди исследовал каждую из них.

Вот серебряные часы на цепочке. Каждое звено цепочки пришлось изучить под микроскопом. На ней не оказалось ни одного подозрительного знака. Разобрав часы на отдельные части, я осмотрел корпус часов изнутри и снаружи, со всех сторон осмотрел каждую часть механизма, отделил главную пружину, все камни исследовал под микроскопом, но так ничего и не нашел.

Теперь настала очередь перочинного ножа. Лезвие и костяная ручка изучены миллиметр за миллиметром. Сняв костяное покрытие с ручки, я вытащил все приспособления ножа и опять ничего не обнаружил.

Следующей была пачка дешевых голландских сигарет под названием «Северный штат». Разорвав каждую сигарету, я проверил, нет ли на тонкой бумаге следов тайнописи, затем просеял грубый жесткий табак, изучил каждый сантиметр внешней и внутренней стороны помятой пачки. Пробило два часа. Зевая, я потер уставшие глаза и отложил осмотр. Надо хоть немного поспать. На следующий день после бесплодного допроса угрюмого, обиженного Дронкерса я решил испробовать другое средство. Как мы убедились, оба его компаньона действительно были беженцами. Один из них — почтовый служащий в Гааге, коллега Дронкерса — был очень худой, болезненный молодой человек небольшого роста. Он непрерывно сопел — признак хронического катара, а может быть, и туберкулеза. Но в его тщедушном теле билось горячее сердце — он мечтал вступить в свободную голландскую армию. Другой, сын голландца и малайки, был склонен к преувеличениям, подчас переходившим все границы, но оказался вполне безвредным.

Я послал за этим разговорчивым человеком и Дронкерсом, а когда они вошли в мой кабинет, извинился и под каким-то

предлогом вышел. В комнате рядом с моим кабинетом можно было слышать все, что там говорилось, — в одном из плафонов люстры находился микрофон Дронкерс отвечал на многословные речи своего компаньона по бегству односложно и ворчливо. В их разговоре не проскользнуло ни одного сколько-нибудь подозрительного слова. Целых десять минут вслушивался я в их беседу, но понял, что ничего интересного не услышу,, и вернулся к себе. Отпустив малайского голландца, я продолжал допрос Дронкерса, но опять безуспешно. На любой вопрос он отвечал по-прежнему: «Я сказал вам правду, сэр».

Итак, дневные допросы Дронкерса и ночные бдения над его вещами не дали пока никаких результатов. Очередь дошла до его газет и карт, и я долгие часы проводил у яркой настольной лампы, сосредоточенно изучая каждый квадратный сантиметр бумаги, терпеливо и старательно рассматривая обе стороны под микроскопом и подвергая их химической обработке. Бывали минуты, когда за очередной сигаретой и чашкой кофе мне начинало казаться, что время и энергию я трачу понапрасну. Может быть, чрезмерная бдительность сбила меня с толку? Ведь если Дронкерс невиновен, я ищу в стоге сена иголку, которой там нет. Может быть, я, всегда предупреждавший своих младших коллег против предвзятого мнения и слепого подчинения интуиции, сам совершил эту ошибку?

Утром Дронкерса опять привели ко мне, и он снова услышал, что он шпион и предатель, и в который раз прозвучал ответ, неизменно раздававшийся у меня в ушах, когда я вспоминал о Дронкерсе:

— Я сказал вам правду, сэр.

— Послушайте, Дронкерс, вы твердо стоите на своем, и ваше упорство делает вам честь. Но не считаете же вы, что ваше упрямство спасет вас? Разве вы не понимаете, что живым вы отсюда не выйдете. Вы шпион, мне это известно. И скорее вам надоест давать тот же ответ, чем мне — допрашивать вас. Рано или поздно вам придется сдаться. Так зачем же затягивать собственную агонию? Почему вы не сознаетесь, что вы шпион, и не положите конец допросам?

Я замолчал. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь чьими-то шагами в коридоре и отдаленным уличным гулом. Дронкерс медленно поднялся и пристально посмотрел на меня, затем поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем. Я почувствовал, что все во мне напряглось. Неужели наступил долгожданный миг признания?

— Сэр, — торжественно произнес Дронкерс, — клянусь господом богом, клянусь памятью покойного отца, вкушающего

ныне райское блаженство, что я верен своей стране и своей королеве. Я не шпион.

Я разочарованно откинулся на спинку кресла, но ничего не сказал. А Дронкерс сел и залился слезами. Пожалуй, целых четверть часа плечи у него вздрагивали от рыданий. Я сидел и смотрел на него, пока он не пришел в себя.

— Все равно, Дронкерс, вы шпион, и я докажу это.

IV

На двенадцатый вечер я занялся последней принадлежностью Дронкерса — объемистым голландско-английским словарем Крамера. Обложка и чистые листы в начале и конце книги были в пятнах от соленой морской воды. Где-то на этих смятых страницах прячется ключ от дела Дронкерса — или я почти две недели убил на то, чтобы опорочить невиновного человека. Он передо мной, этот словарь, а рядом большая пепельница, доверху наполненная окурками. Была страшная ночь. Ревели сирены, возвещая о воздушном налете, раздавался лай зенитных орудий, а потом свист и вой падающих бомб. Затягиваясь сигаретой и прихлебывая горький черный кофе, я отделил от книги обложку и внимательно осмотрел ее, но не нашел никаких улик. Осталось одно — изучать под микроскопом каждое слово набранного мелким шрифтом объемистого словаря.

Началась тяжелая работа. Несколько часов, не отрываясь, перелистывал я страницу за страницей. Наконец решил немного отдохнуть и, выключив свет, закрыл уставшие глаза. Затем встал и поднял тяжелые шторы. На небе пламенел отсвет пожаров и близкого рассвета. Тяжело ступая, прошел пожарник со шлемом в руке. Чувствовалось, что он смертельно устал. Его разгоряченное лицо было покрыто пеплом и пылью. Я залпом выпил стакан холодной воды и вернулся к словарю.

Страница следовала за страницей, но никаких улик не было. Я перелистал уже больше половины книги. С каждой просмотренной под микроскопом страницей уменьшались шансы доказать виновность Дронкерса.

Но вот пошла четыреста тридцать вторая страница. И тут я с облегчением вздохнул. Я нашел то, что искал, — еле заметный булавочный накол под заглавной буквой «F». Наконец-то раскрывается метод Дронкерса. Я не сомневался, что найду роковые булавочные наколы и под другими заглавными буквами на остальных страницах словаря. Так и есть! Каждую букву я записывал. К счастью, наколы располагались в правильной

последовательности, иначе пришлось бы потратить много времени, чтобы расположить буквы в нужном порядке. Наконец все наколотые буквы записаны на листке бумаги. Они составляли две фамилии и два адреса, по которым Дронкерс должен был посылать добытые им разведывательные данные. Первый был в Стокгольме: Froeken Annette Yschale, Grevmagnigatan, 13-V. Другой в Лиссабоне: Fernando Laurero, Rua Sousa Martin.

Тринадцатидневная работа завершена. Теперь можно и поспать. Утром я приехал в школу и немедленно послал за Дронкерсом. Когда он вошел в комнату, мне впервые бросилось в глаза, что он очень немолод и согнут под тяжестью лет. Дронкерс тяжело опустился в кресло и равнодушно посмотрел на меня. Видимо, он тоже устал от ежедневных допросов. Он еще не знал, что этот будет последним.

Я вынул из кармана лист бумаги, на котором были написаны фамилии и адреса двух иностранных конспиративных «почтовых ящиков» Дронкерса, расправил его и положил на стол.

— Дронкерс, — сказал я, — спрашиваю в сотый раз: вы признаете, что вы шпион?

Тотчас раздался знакомый ответ, словно я нажал нужную кнопку автомата:

— Я сказал вам правду, сэр.

Тогда я повернул лист бумаги и подвинул его к Дронкерсу. В тихой комнате мой голос упал до шепота:

— Дронкерс, вы родились голландцем, но будете повешены как предатель. Прочитайте эти две строки. Теперь вы признаетесь, что вы шпион?

Это был конец. Дронкерс понял, что игра проиграна. Сопротивляться больше не имело смысла. Он во всем признался. Да, он шпион, он действительно был послан сюда герром Штраухом — одной из зловещих фигур немецкой разведки, который часто посещал кафе «Атланта» в Роттердаме. Ганс, конечно, был связан с немцами. Другие пассажиры были невиновны — их взяли на борт судна, чтобы рассказ Дронкерса выглядел как можно правдивее.

Стенографистка записывала беспорядочный рассказ Дронкерса. После нескольких дополнительных вопросов выяснились все подробности. Вскоре признание Дронкерса было напечатано и подписано им. С профессиональной точки зрения я был удовлетворен, с чисто человеческой — мне было интересно, что же толкнуло к предательству этого мелкого чиновника, по взглядам своим заурядного мелкого буржуа.

— Скажите, Дронкерс, что заставило вас встать на этот путь? Что вынудило вас, честного человека, докатиться до такого

страшного преступления?

Вид у Дронкерса был жалкий. Куда только девалось его упорство! Медленно, невнятно рассказывал он о себе, и в душу мне невольно закрадывалась жалость. У этого изможденного человека, преждевременно постаревшего от суровой жизни, была одна цель, отнюдь не эгоистическая, скорее даже благородная. Он обожал свою жену и ради нее действительно занялся торговлей на черном рынке, но ему не везло. Сам он еще мог бы перенести бедность и голод, но он не мог видеть, как страдает жена. И вот, последний выход из положения он увидел в шпионаже и добровольно вызвался помогать немцам. Они обещали платить его жене что-то около пятнадцати фунтов стерлингов в месяц, а по возвращении обеспечить работой его самого.

Ему должны были платить двести фунтов в год — если он вернется. Из Англии он должен был возвращаться сам, не дожидаясь от немцев никакой помощи. Немцам эти условия были, разумеется, выгодны.

И вот он здесь, всего через две недели после отъезда из Голландии. Когда он, запинаясь, сказал мне, что рисковал только ради своей жены, я поверил ему впервые за тринадцать дней.

Глава 7.
НИКОГДА НЕ ВЕРЬ СЛУХАМ

I

После высадки в Нормандии я получил приказ возглавить голландскую контрразведывательную миссию, приданную штабу союзных экспедиционных сил, и отправиться на континент с группой из шести офицеров. Вместе с английской контрразведкой нам предстояло очистить тылы союзников от шпионов и саботажников и обеспечить безопасность линий коммуникаций их наступавших армий, которые уже освободили Нормандию и через Францию и Бельгию неудержимым потоком хлынули в Голландию.

Для пятидесятипятилетнего человека эта работа оказалась нелегкой. В полевых условиях ешь нерегулярно и всухомятку, спишь урывками, не раздеваясь, где придется, и непрерывно разъезжаешь по изрытым бомбами и снарядами дорогам — все это очень тяжело. Я, конечно, не собираюсь строить из себя героя или жаловаться на свою судьбу — опасности и лишения, которым ежеминутно подвергались фронтовики, не шли ни в какое сравнение с моими. Но я уже был немолод и, хотя еще мог идти в ногу с остальными, навсегда потерял бесценное качество юности — гибкость тела и духа, которая помогает после нескольких часов отдыха восстановить силы.

Каждый день на меня сваливалось столько работы, что ее немыслимо было бы сделать и за двое суток. Во всех освобожденных городах приходилось разбирать множество обвинений и контробвинений. Рассчитывая, видимо, свести старые счеты, многие присылали в контрразведку самые правдоподобные обвинения в адрес того или иного человека. Все эти обвинения нужно было изучать, проводить допросы. Правда или почти правда в конце концов всегда раскрывалась, но на это уходило много времени. А там накапливались другие неразобранные дела. Отступавшие немцы оставили позади себя много саботажников и шпионов, приказав им взрывать мосты, склады боеприпасов или просто сообщать о продвижении и численности наступающих войск. Этих агентов необходимо было разыскать и обезвредить.

Кроме своих обычных обязанностей мне пришлось заняться одним очень интересным делом, оказавшимся самым

значительным из всех, которые мне когда-либо попадались. Я расскажу о нем ниже.

Трудности мои все возрастали. Шестеро отобранных в мою группу офицеров контрразведывательной службы постепенно начали расползаться, как жуки. Американцы, остро нуждавшиеся в хорошо подготовленных офицерах-контрразведчиках, забрали двух человек. Расставаясь с ними, я должен был бы сказать им «прощайте» вместо «до свидания» — встретиться с ними мне больше не довелось. Затем мне приказали временно отдать двух офицеров англичанам. Они тоже не вернулись. Наконец, канадское командование забрало двух последних офицеров. Сколько я ни добивался возвращения своих подчиненных, все мои попытки оставались тщетными Итак, мне пришлось одному приняться за работу, для которой было мало и семи офицеров. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что, создав свою группу по расточительным штатам высших штабов, я загрузил бы работой по меньшей мере сто офицеров и солдат. Судите сами: за несколько недель мне предстояло без сколько-нибудь удовлетворительных транспортных средств и помощи высших властей очистить от саботажников и шпионов сотни квадратных километров в тылу широкого фронта союзных армий, которые быстро продвигались в Голландию.

Штаб союзных войск передислоцировался в Брюссель, а я достиг Эйндховена, что на юге Голландии. Тут я почувствовал себя на грани крайнего нервного истощения: потерял в весе почти двенадцать килограммов, днем страдал от непрерывной головной боли, а ночью — от бессонницы. Аппетит пропал так давно, что я уже не мог вспомнить, когда ел с удовольствием. Я был не в состоянии долго оставаться на одном месте и в то же время настолько утомился умственно и физически, что у меня не было сил двигаться. И вот 22 декабря 1944 года я свалился.

Один из друзей отвез меня в штаб контрразведки в Брюсселе, а оттуда меня направили в госпиталь для обследования. Военный врач, майор, внимательно осмотрел меня. Целых полтора часа он расспрашивал меня о болезнях в нашей семье, задавал вопросы о настоящем и прошлом образе жизни и о таких вещах, которые, казалось, не имели никакого отношения к болезни. Он простукал, прощупал и прослушал меня со всех сторон, обследовал сердце, легкие, желудок… Специалист в других видах обследований, я мысленно отдал врачу должное за его скрупулезность.

Пока я одевался, он написал диагноз на листе бумаги, подписался и, запечатав конверт, передал его мне. Затем он сказал, что мне придется немедленно возвратиться в Англию и там передать этот конверт моему врачу.

Слишком много людей прошло передо мной на допросах, чтобы я не почувствовал за внешне спокойным, даже равнодушным тоном врача что-то очень серьезное. Кроме того, когда речь идет о нашем здоровье, мы становимся крайне чувствительными к малейшим оттенкам речи и поведению врача.

— Доктор, я не ребенок и, смею надеяться, не трус. Скажите прямо, что со мной.

В ответ он что-то пробормотал о профессиональной этике.

— К черту этику! — воскликнул я. — Я же все равно узнаю, когда приеду в Лондон… Скажите лучше теперь: что со мной?

Он пожал плечами.

— Ну хорошо. По-моему, у вас рак брюшной полости и обоих легких. Я не хотел говорить, но вы меня вынудили.

Когда я услышал слово «рак», сердце у меня, кажется, остановилось. Дыханием смерти повеяло от этого слова.

— Операцию делать поздно? — спросил наконец я.

Врач посмотрел мне в глаза и кивнул:

— Боюсь, что да.

— Сколько же мне осталось?

— Трудно сказать. Одни живут долго, другие — нет.

— А я?

— Ну что ж, если вы настаиваете… Месяца два, может быть, три. Точно сказать невозможно. — Он криво улыбнулся, чувствовалось, что ему очень жалко меня. — Я очень сожалею, старина, чертовски тяжело говорить такие вещи. Но вы хотели знать правду. Прощайте.

Он пожал мне руку. Не помню, как я очутился на улице, на свежем воздухе. И вдруг ощутил ту особую остроту восприятия, которая появляется у обреченных людей. Вдыхать воздух было до боли приятно. Стоя на улице и жадно глотая воздух, я не отрывал глаз от остроконечных крыш домов, громыхающих военных грузовиков, цветастых шарфов и шалей женщин. Все это вырисовывалось с какой-то удивительной четкостью и ясностью.

Через два дня будет сочельник. Это будет мое последнее рождество! Кровь била в виски, и, казалось, жуткий барабанный бой провожал меня на пути, конец которого был уже близок.

Много часов, потрясенный, я бродил по холодным улицам Брюсселя. Утренний разговор казался мне кошмаром, от которого я проснусь крепким и здоровым, но острые углы конверта со «смертным приговором» напоминали о действительности каждый раз, когда рука опускалась в карман. Мне хотелось немедленно уехать отсюда — так животное в предчувствии смерти спешит в свое логово, — но из-за рождества все билеты на самолеты были проданы. Раньше двадцать седьмого декабря уехать было

невозможно. Я лишь пожал плечами при этом первом разочаровании. Что ж, во время праздников смерть должна уступить дорогу жизни. Да и какое значение имеет день для человека, который не может убежать от своей судьбы?

Я направился в столовую, куда был прикреплен. Срочный отъезд в Англию приходилось как-то объяснять, по крайней мере друзьям. У дурных новостей длинные ноги, и вскоре все офицеры в столовой знали о причине моего неожиданного отъезда. Смущенное, молчаливое и трогательное сострадание этих добрых англичан под силу описать только большому писателю. Я могу сказать только, что это рождество было самым грустным в моей жизни и печальным для большинства моих товарищей.

Двадцать седьмого декабря я вылетел в Лондон и чуть ли не с аэродрома пошел к своему врачу. Я передал ему диагноз военного врача, а затем он осмотрел меня и спросил:

— Надеюсь, что, прежде чем врач пришел к такому заключению, он направил вас на рентген?

— Нет, — ответил я.

— Что? Он обошелся без рентгеновского снимка? Как же так? Откровенно говоря, Пинто, осмотрев вас, я не нахожу никаких признаков рака. Но окончательные выводы я делать пока остерегусь. Необходимо провести тщательные исследования, в том числе и рентгеноскопию. Во всяком случае, я, гражданский медик, придерживаюсь такой точки зрения. Может быть, в армии считают иначе, — Он иронически улыбнулся.

В глубине души у меня вспыхнула искра надежды, и лед, сковывавший все мое существо, начал таять.

— Что же теперь делать? — спросил я.

— Я поведу вас на консультацию к одному видному специалисту, — сказал он. — И чем скорее, тем лучше. Например, завтра вы свободны?

Я молча кивнул — у меня не было сил вымолвить хоть слово.

Встреча со специалистом по раковым болезням состоялась. В его клинике мне сделали тщательную рентгеноскопию. Через два дня я пошел к своему врачу. Больной от ожидания, все еще не зная, какой будет окончательный ответ, я вошел в приемную врача. Я чувствовал себя, как осужденный на смерть перед казнью, когда он надеется, что в последнюю минуту может прийти помилование.

Врач встретил меня сердечно и приветливо, с довольной улыбкой потирая руки.

— Ну что ж, Пинто, — сказал он, — очень рад сообщить вам приятную новость. Врачи не любят публично опровергать своих ученых коллег, но должен сказать, что на этот раз ваш армейский

специалист попал впросак. У вас нет ни малейшего признака рака. Вы страдаете от крайнего нервного истощения — это ясно даже профану. Все остальное у вас в полном порядке. Два месяца спокойного отдыха — вы выздоровеете и будете прыгать, как воробей. Ну, что же вы молчите? Скажите что-нибудь. Иначе можно подумать, что вы предпочли бы умереть.

Но я ничего не мог сказать — я понял, что значит помилование перед казнью.

II

Три месяца наслаждался я отдыхом. Наступление немцев в Арденнах провалилось, стало очевидно, что война в Европе подходит к концу. Меня ждало много работы, но все это я отодвинул на задний план. «Пусть подождут», — думал я — ведь это был первый мой отдых почти за пять с половиной лет.

К концу марта 1945 года я выздоровел и приступил к своей работе на континенте. Не прошло и шести недель, как наступил долгожданный день победы и окончательное освобождение северных провинций Голландии, где немцы долго продолжали оказывать яростное сопротивление. В начале июня я по делам службы приехал в Гаагу. Мне предстояло допрашивать одного эсэсовца, который был не немцем, а голландским коллаборационистом.

Он сидел в тюрьме для политических заключенных, прозванной «Апельсиновой гостиницей», в курортном городке Схевенинген, близ Гааги. Тюрьма находилась в ведении канадских военных властей. Одно ее крыло было отведено для политических заключенных, а также для подозреваемых шпионов и коллаборационистов.

Этот эсэсовец-голландец был схвачен одним из отрядов голландского Движения сопротивления. Он попал в плен в черной эсэсовской форме. Судя по красно-белой ленте на мундире, он был кавалером «Железного креста». Круглая голова с низким лбом, коротко подстриженные волосы, маленькие, заплывшие жиром свиные глазки, надменность и высокомерие, свойственные эсэсовцам, — все это говорило само за себя. На мой взгляд, дело его не вызывало сомнений, и я рассчитывал покончить с ним за каких-нибудь пять — десять минут. Человеку, пойманному на месте преступления в форме противника, трудно оправдаться. Но я ошибся. Допрос я начал с самого главного.

— Итак, вы коллаборационист, — сказал я. — Иначе трудно объяснить, почему на вас эта щеголеватая форма, не так ли?

Он вспыхнул:

— Как вы смеете? Обвинять меня в сотрудничестве с немцами?! Я патриот и много сделал для своей страны.

Я пристально посмотрел на него.

— Вы патриот? Если следовать вашим взглядам, то Геринг — самый безгрешный человек на земле, а Гиммлер — богобоязненный учитель воскресной школы. Если вы патриот, то почему вы оказались в этой форме? Разве немцы наградили вас «Железным крестом» за вашу любовь к Голландии? В наш век чего только не случается, но этому, извините, я никак не могу поверить.

— Вы не знаете всех обстоятельств, — ответил он. — Разумеется, непривычно видеть голландца в этой отвратительной форме, но я могу все объяснить.

Он старательно разыгрывал возмущение.

— Это вопиющая несправедливость! Человек неоднократно рисковал жизнью во имя своей родины, а его бросили в эту тюрьму, тогда как настоящие коллаборационисты на свободе и даже слывут героями. Теперь, когда немцев прогнали, они вылезли из своих нор, захватывают теплые местечки, прикарманивают все, что плохо лежит, а вы и не вспоминаете о том, что они якшались с немцами. А меня, честного человека, который так много сделал для своей страны, хотят сгноить в этой тюрьме. Разве это справедливо?

Я не прерывал его.

— Ну хорошо, Иоанн-мученик, — вставил наконец я, — расскажите о себе что-нибудь еще. Все это очень интересно, даже интригующе.

— О, я вижу, вы мне не верите, сэр, но это чистая правда, клянусь вам. Я стал эсэсовцем, потому что мне приказал один старший офицер из нашей секретной службы. Он подробно проинструктировал меня, как войти в доверие к немцам, как отвечать на их вопросы и т. д. А когда мне удалось поступить на службу к немцам, он говорил, какие сведения необходимо узнавать. Раз в месяц я должен был передавать добытые мною данные его офицеру связи, встречаясь с ним на набережной в Роттердаме.

Я ни одной секунды не верил этому эсэсовцу — слишком много подобных россказней пришлось мне выслушать за долгие годы службы в контрразведке. Но если не удастся доказать его виновность, он будет оправдан военным трибуналом за отсутствием прямых улик. В самом деле, к противнику засылалось много наших агентов. Во время войны эти люди ежедневно рисковали своей жизнью, а в конце войны с ними

могли расправиться как с коллаборационистами. Следовательно, в «Апельсиновую гостиницу» мог попасть и наш агент, но я не верил, что им оказался этот эсэсовец. Нужно было принять какое-то решение, и я продолжал перекрестный допрос.

— Ну ладно, — сказал я. — Допустим, вы должны были раз в месяц в Роттердаме встречаться с офицером связи и передавать ему разведывательные сведения. Как его фамилия, чтобы я мог проверить это по архивам?

Заключенный высокомерно улыбнулся.

— У разведчиков, сэр, не спрашивают имени и адреса. Чем меньше вы знаете о своем коллеге, тем меньше вы можете сказать о нем. Я никогда не спрашивал его фамилии и никогда не называл своей. Нас занимали более важные дела, чем обмен визитными карточками.

— О да, я вижу. Благодарю за урок о разведывательной работе — он еще может мне пригодиться. Раз вы не знаете фамилии этого английского офицера связи, может быть, вы расскажете о нем что-нибудь еще?

Он немного подумал.

— Я уже говорил вам, сэр, что я встречался с ним по указаниям одного старшего офицера секретной службы.

— Да, да, вы о нем говорили. Этого старшего офицера вы должны знать лучше, например его фамилию и т. д. Стоит вам назвать его фамилию, как я свяжусь с ним и он подтвердит ваши показания. После этого вы выскочите отсюда как пробка.

Заключенный печально покачал головой и произнес:

— В том-то и дело… Если бы мой друг был здесь, я бы не гнил заживо в этой камере. Он сразу вытащил бы меня отсюда. Но дело в том, что он… он умер.

— Умер! Его схватило гестапо?

— О нет, сэр! Гестапо не могло напасть даже на его след — он был неуловим. Нет, мой бедный друг умер своей смертью.

— Что же с ним случилось?

— Я слышал, у него был рак, сэр, рак желудка.

Я почувствовал, что желудок у меня судорожно сжался, но спокойно продолжал допрос:

— Очень жаль, но в данном случае это не имеет значения. Даже если он умер, он может помочь вам. Разумеется, если вы назовете его фамилию. Я сделаю запросы. Может быть, в его секретных документах найдутся упоминания о вас или кто-нибудь из его помощников знает о вашем деле. Скажите мне его фамилию.

Эсэсовец без колебаний произнес:

— Пинто, сэр. Подполковник Пинто.

Я с трудом удержался от восклицания и долго сморкался, чтобы прийти в себя.

— Да, по-моему, я слышал о нем… — сказал я. — Но разве он умер? Впрочем, когда много ездишь, за всеми новостями не уследишь. Но продолжайте. Именно подполковник Пинто и дал вам детальные инструкции о поступлении на службу в гестапо?

— Да, сэр, именно он.

— Вы давно его знали?

— Да, сэр. Я много лет выполнял его поручения.

— Значит, подполковник Пинто вам доверял?

— О, конечно, сэр. Он знал, что я выполню все его приказания, не щадя своей жизни. И он сделал бы для меня все, сэр. Если бы он был жив, он давно вытащил бы меня отсюда.

— По-моему, вам не следует беспокоиться, даже если он умер. Я сделаю запрос, и где-нибудь в штабе подполковника Пинто мы найдем человека или документы, которые оправдают вас. Я много слышал о подполковнике Пинто, но ни разу не встречался с ним. Не можете ли вы описать его?

Заключенный глубоко задумался.

— Я не умею описывать внешность людей, да и, кроме того, в его наружности не было ничего примечательного.

Вдохновленный моим молчанием, эсэсовец продолжал:

— По-моему, это приносило ему успех, сэр. Он был хорошим разведчиком, потому что не выделялся из толпы. У него была заурядная внешность. Помнится, он был среднего роста, но никаких особых примет я не могу назвать.

— Понятно. Как вы думаете, он не был похож на меня?

Заключенный взглянул на меня и засмеялся.

— Конечно, нет! Он был совсем не похож на вас.

— Ну что ж, может быть, — сказал я. — Ваше дело представляется мне достаточно ясным, и я доволен, что поговорил с вами. Как только ваши показания будут проверены по архивным материалам, отпадет нужда задерживать вас здесь. Когда мне станет ясно, что вы сделали для своей страны, я постараюсь сделать все, чтобы вам воздали по заслугам.

— О, спасибо вам, сэр. Я не могу выразить, как я признателен вам за любезность.

— Да полно, полно, не стоит благодарить меня. Ровно столько же я сделал бы для любого человека в вашем положении. Между прочим, не могли бы вы оказать мне одну любезность.

— Все, что вам угодно, сэр!

Судя по его лицу, он был счастлив услужить мне.

— Когда мы расстанемся, вы, вероятно, припомните

различные детали вашей разведывательной работы. Они могут быть очень полезными, да и просто интересно узнать поподробнее о вашей опасной деятельности. На досуге запишите, пожалуйста, все, что вам удастся вспомнить о вашей работе в эти несколько лет. Я попросил бы вас не опускать ничего, какими бы незначительными ни были, на ваш взгляд, некоторые детали. Я скажу надзирателю, чтобы он дал вам все необходимое для письма. Закончив заметки, передайте их надзирателю, скажите мое имя, и они попадут прямо ко мне.

— Хорошо, сэр, я сделаю все, что могу.

Немного подумав, он спросил:

— Да, но кому мне адресовать свою докладную? Я не знаю вашей фамилии.

Я молчал и только пристально смотрел на него.

— Моя фамилия? Моя фамилия Пинто, подполковник Пинто!

Глава 8.
И ВСЕ-ТАКИ ОН ЗАГОВОРИЛ

В приложении к первой главе я говорил, что офицер контрразведки никогда не должен доверяться своим впечатлениям о подозреваемом. Хороший шпион достаточно натренирован, чтобы создать о себе благоприятное впечатление. У него может быть открытое, честное выражение лица. Используя все свои актерские способности, он постарается доказать, что он настоящий честный гражданин. Наоборот, действительно честный человек обычно не готов к этому, если только он не продавец и не коммивояжер, ибо сама профессия учит их завоевывать симпатии людей. Более того, невиновному человеку незачем усиленно подчеркивать свою честность при перекрестном допросе. Он знает, что он ни в чем не виновен, и надеется, что допрашивающие поймут это без его помощи.

Поэтому, работая в контрразведке, не умно делать окончательные выводы с первого взгляда.

Правда, человек с большим опытом иногда сразу делает правильные выводы. Может показаться, что он руководствуется интуицией, но это не так. Его выводы основываются на определенных признаках, которые он замечает сразу, тогда как неопытный человек может их и не увидеть. Так архитектор с первого взгляда оценивает несколько планов, или просто у него складывается определенное впечатление о них, редактор дает заключение о статье после беглого ознакомления с ней, а хорошо подготовленный следователь после первого же разговора с подозреваемым составляет о нем правильное представление. Нельзя слепо доверяться предчувствиям, но те же предчувствия часто помогают раскрыть истину.

Я не могу теперь вспомнить, что заставило меня заподозрить, что Эмиль Буланже может оказаться немецким шпионом… Прорвав оборону немцев, передовые части союзников вступили в Бельгию. Танки и моторизованная пехота стремительно продвигались вперед, воздух сотрясали оглушительные раскаты орудийных выстрелов. В дзоте на перекрестке дорог временно расположился наш разведывательный отряд. Крестьянские дома и постройки поблизости от нас были заняты штабом дивизии. Поскольку штабу этой дивизии мы не подчинялись, нам приходилось устраиваться самим. Приданные высшему штабу, мы пользовались некоторыми преимуществами. Так, мы могли перемещаться, куда нам было угодно, не спрашивая разрешения.

Но это было сопряжено и с рядом неудобств. Например, о размещении нашего отряда никто не заботился, и мы должны были устраиваться сами.

Однако вернемся к Эмилю Буланже. Его привели ко мне из штаба дивизии два армейских офицера контрразведки. Его нашли, когда он потерянно бродил вокруг эвакуированной бельгийской деревни, которую противник только что подверг сильному артиллерийскому обстрелу. Я молча, внимательно посмотрел на Буланже. По одежде это типичный фермер, а говорил он на франко-бельгийском наречии с заметным валлонским акцентом. Но что-то в его манере держаться, в ярком блеске его голубых глаз вызвало у меня подозрение. Мускулистая, собранная фигура Эмиля Буланже, его мощная бычья шея как-то не вязались с обликом крестьян этой части страны, обычно неуклюжих и худых.

— Вы фермер? — спросил я.

— Я был фермером, — ответил он, слабо жестикулируя. — Теперь у меня ничего нет. Боши забрали весь скот, забрали даже утят. На полях — сплошные воронки от снарядов и бомб, а дом разнесло в щепки. Моя жена осталась там, под обломками дома. Все остальные куда-то исчезли…

И вдруг он протянул ко мне руки, согнув пальцы, похожие на когти. Пальцы были исцарапаны, ногти сломаны, и под ними запеклась кровь, перемешанная с грязью.

— Я хотел откопать ее, свою жену, — прошептал он. — Она осталась под обломками, в темноте, а ведь она так боялась темноты… Я скреб, как краб, но она уже умерла. — Он печально задумался.

— Вы умеете считать? — спросил я, прерывая его молчание.

— Считать? — недоуменно повторил он.

Под рукой у меня оказалась тарелка сухой фасоли, «освобожденная» нашими войсками. Я подвинул эту тарелку к нему.

— Считайте фасоль, — приказал я, — считайте вслух.

Он не торопясь брал по одной фасолине и удивленно считал по-французски: «Un, deux, trois…» Когда он добрался до семидесяти двух, я остановил его. Первый экзамен он выдержал успешно. Если бы он был знающим французский язык немцем, выступающим в роли валлонского бельгийца, он произнес бы «семьдесят два» по-французски «soixante-douze», а не так, как говорят валлонские крестьяне, — «septante-deux». Пока все шло гладко. Но я еще не был уверен, что Буланже действительно тот, за кого он себя выдает, — честный бельгийский фермер, ошеломленный потерей жены и дома. К счастью, в то время я был

не очень занят и мог уделить ему достаточно внимания. Если он окажется невиновным, никто ничего не потеряет. А если будет доказана его виновность, мы вовремя обезвредим шпиона в тылу наших наступающих войск.

Я приказал увести его в сарай — бывший коровник. Снаружи дверь заперли на засов. Между двумя балками было отверстие, через которое за Буланже незаметно для него непрерывно наблюдали. В эту ночь перед сном Буланже опустился на колени и произнес молитву. Он не мог знать, что за каждым его движением пристально следили, и все же молился на франко-бельгийском наречии, простыми, безыскусными фразами, которые он привык с детства повторять за деревенским священником. По голому полу пробежала крыса. Он испуганно вскрикнул: «Dieu!» — типично валлонское восклицание. Затем Буланже растянулся на матраце и, видимо, заснул. Тогда я приказал положить соломы у его двери и поджечь ее. Когда едкий дым проник в коровник через отверстия под дверью, несколько солдат забегали по коридору, выкрикивая по-немецки: «Feuer! Feuer!»[6] Буланже проснулся, приподнялся и снова лег. Снова по коридору забегали солдаты с криком «Au feu, au feu!», что по-французски значит «пожар». Буланже тотчас вскочил и, завопив не своим голосом, стал стучать в закрытую дверь. Когда я открыл засов, он, всхлипывая, произносил молитвы на франко-бельгийском наречии.

Итак, Буланже выдержал еще одно испытание, но я не успокоился. Кто он — бельгийский крестьянин или немецкий шпион с крепкими нервами и незаурядным актерским талантом? Трудно было дать определенный ответ, хотя, казалось, у меня оставалось все меньше оснований не верить Буланже.

На следующее утро я решил испробовать другой метод. Приказав привести Буланже к себе в штаб, я до его прихода рассказал о своем плане одному младшему офицеру, который должен был присутствовать при допросе. Мы договорились, что, задав Буланже несколько вопросов, я затем проговорю по-немецки: «Armer Kerl»[7]. Офицер должен будет спросить «Warum?»[8] — и я продолжу разговор по-немецки.

И вот Буланже ввели. Передо мной на походном раскладном столе были разложены его вещи, изъятые у него во время ареста, — огрызок карандаша, кусок веревки, комок изжеванного табака, неуклюжий, самодельный крест и несколько франков. Ничего подозрительного, а тем более зловещего в этих вещах не было.

Буланже угрюмо стоял передо мной и терпеливо ждал, как корова в своем стойле. Я повертел его вещи и, подняв его

карандаш, по-французски спросил:

— Зачем он вам понадобился?

— Это же просто карандаш, — ответил он, пожимая сильными, широкими плечами.

— Он был нужен вам, чтобы писать донесения противнику?

Буланже досадливо улыбнулся и посмотрел на меня почти с презрением, — видимо, он хотел показать, что на такой глупый вопрос нечего и отвечать.

Я повернулся к своему подчиненному и, как мы условились, сказал по-немецки: «Бедный парень!» Офицер немедленно спросил, тоже по-немецки: «Почему?»

Я ответил на том же языке:

— Ведь он не знает, что через час будет повешен. После одиннадцати, — я посмотрел на часы. — Да и что может ждать шпиона?

Во время разговора я пристально наблюдал за Буланже, особенно за его глазами и кадыком. Самый смелый и выдержанный человек не в состоянии контролировать так называемые вазомоторные нервы, которые реагируют независимо от сознания и воли человека. Когда какой-нибудь предмет внезапно появляется перед глазами у человека, он невольно моргает, а услышав о близкой смерти, бледнеет или непроизвольно моргает, или машинально глотает слюну, потому что от страха в горле у него пересыхает. Но с Буланже ничего этого не случилось. Зная, что его подозревают в шпионаже, он не шелохнулся, не выказал ни единого признака тревоги. Все это значило, что он не понимал немецкого языка и не мог быть шпионом.

Теперь приходилось соглашаться, что мои подозрения, основанные на неосязаемых и недоказуемых данных, оказались ошибочными. Но я упорствовал, не желая признаться в ошибке даже самому себе. Видимо, меня подогревало оскорбленное самолюбие. Как бы то ни было, я решил продолжить испытания Буланже,

Теперь в ход пошли вопросы о сельском хозяйстве в этой части Бельгии. Я плохо разбирался в земледелии, но видел, что Буланже не допустил ни одной ошибки, рассказывая о сроках посевов, о местных условиях и обычаях. Местные жители потом подтвердили, что Буланже говорил, как знаток местных условий.

Опять приходилось признаваться в несостоятельности подозрений. Каждая новая неудача подтверждала, что я совершил ошибку, заподозрив Буланже в шпионаже. Я советовал своим начинающим коллегам не поддаваться первым впечатлениям, и я же, как самый заурядный любитель, неуклюже угодил в ловушку,

от которой предостерегал других. Ночью я долго лежал без сна и анализировал чувства, которые с первого взгляда заставили меня заподозрить Буланже. Затем я восстановил в уме все его действия и слова, пытаясь найти хоть один признак, подтверждающий первое впечатление. И я решил подвергнуть Буланже последнему испытанию. Если и на этот раз оно не даст результата, мне придется признаться в ошибке и немедленно освободить Буланже. Я даже приготовился извиниться перед ним за оскорбительные для него подозрения.

И вот он снова стоит передо мной, такой же бесстрастный и терпеливый. Склонившись над напечатанным документом, я прочитал его до конца, взял ручку и подписал, затем посмотрел на Буланже и быстро произнес:

— So jetzt bin ich zufrieden. Sie können gehen. Sie sind frei[9].

Буланже глубоко, с облегчением вздохнул, встряхнул плечами, словно сбросив с них тяжелый груз, и радостно улыбнулся. Но тут раздался мой саркастический смех. Вздрогнув, Буланже попытался снова сделать бесстрастное лицо. Слишком поздно! По моему сигналу часовые схватили его за руки.

— Mein lieber Freund…[10] — начал я вставая.

С этого момента до самой казни Буланже, состоявшейся через несколько дней, мы говорили только на его родном — немецком — языке!

Глава 9.
АРНЕМСКИЙ ПРЕДАТЕЛЬ

I

Случай, о котором я хочу рассказать, является самым интересным в, моей практике и, пожалуй, самым выдающимся во всей истории шпионажа. Это, конечно, очень смелое заявление, но я постараюсь доказать его правильность. Я сделал такое заявление не потому, что принимал участие в разоблачении человека, который причинил союзникам колоссальный вред. Давайте рассмотрим факты. Если бы смелая попытка фельдмаршала Монтгомери нанести удар в районе Маас — Недер — Рейн имела успех и если бы наши главные силы соединились с доблестными парашютистами у Арнема, танковый клин союзников врезался бы в самое сердце Германии. Успешное развитие этого удара, по всей вероятности, привело бы к окончанию войны в Европе до рождества 1944 года, то есть на шесть месяцев раньше. По-видимому, найдется немного стратегов, которые станут отрицать это.

Сколько человеческих жизней удалось бы спасти за шесть месяцев! Можно было бы избежать разрушений стоимостью в несколько сот миллионов фунтов стерлингов. Только английское правительство в последние месяцы войны ежедневно расходовало на военные нужды 16 миллионов фунтов стерлингов. Если бы войну в Европе удалось сократить на шесть месяцев, была бы спасена колоссальная сумма — около двух миллиардов девятисот миллионов фунтов стерлингов. А какие астрономические суммы расходовали на продолжение войны другие государства! Какую пользу народам этих стран принесли бы эти деньги, если бы они были использованы в мирных целях! Но гораздо важнее то, что, если бы западные союзники проникли тогда в глубь Германии и оккупировали весь Берлин и всю Западную Германию, прежде чем русские пришли с востока, нынешняя печальная картина союзнических отношений выглядела бы иначе и политика «с позиции силы», применяемая западными союзниками, оказалась бы более эффективной.

Однако существуют границы, в пределах которых разумно строить предположения.

Но все же имеются довольно веские основания заявлять, что выброска парашютистов в районе Арнема, столь смело

запланированная и дерзко проведенная, могла бы явиться поворотным пунктом в европейской войне, если бы она имела успех. Но эта воздушнодесантная операция, как известно всему миру, провалилась, но не из-за недостатка военного опыта или храбрости. И тем не менее Арнем — красноречивое свидетельство способности англичан вести борьбу с превосходящими силами противника до конца. В провале Арнемской операции виновен только один человек. Его имя Христиан Линдеманс. Он голландец. Именно он продолжил на шесть месяцев войну в Европе со всеми ее трагедиями. Наши доблестные воздушнодесантные войска по его вине попали в ловушку, где находились в течение десяти дней. В результате этого погибло семь тысяч человек. Немногие шпионы, оказавшиеся предателями, могут похвалиться такими успехами.

II

Как уже упоминалось в предыдущей главе, я как начальник голландской контрразведывательной миссии при штабе верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников нес ответственность за обеспечение безопасности в отведенном мне районе в тылу армий, наступавших через Фландрию в Голландию. Эта группа армий состояла из английской 2-й армии, американских 1-й и 3-й армий и канадской 1-й армии. Танки, самоходные орудия и пехота неудержимо катились вперед, оставляя следы разрушений. Местные жители, дома которых оказались на пути продвигавшихся армий, нередко лишались крова в результате артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха, особенно в районах, где отступающие немецкие войска вели упорные арьергардные бои. Органы местного самоуправления бездействовали, так как многие полицейские чиновники, которые во время оккупации сотрудничали с немцами, либо дискредитировали себя, либо попрятались. Грабежи, голод и беспорядки были постоянными спутниками войны. Немцы воспользовались всеми этими обстоятельствами и оставили в тылу союзных войск шпионов и саботажников. Всюду царил беспорядок. Многие граждане максимально использовали предоставившуюся им возможность удовлетворить свои прихоти, не боясь полиции.

Необходимо было немедленно восстановить порядок. Немцы делали все возможное, чтобы союзники снимали свои части с передовых позиций для восстановления порядка в тылу. Поэтому

методы, которые мы применяли, были грубыми, но эффективными. На открытой местности возникали лагеря, огороженные колючей проволокой. Вокруг них устанавливались пулеметы, которые могли вести огонь во всех направлениях, и расхаживали патрули, а у ворот днем и ночью стояли часовые. Бездомные, беженцы, подозреваемые коллаборационисты и шпионы помещались в эти лагеря и проходили сортировку. Постепенно, благодаря такому просеиванию, в лагерях оставались только подонки общества. Их допрашивали, судили и наказывали по заслугам. Этот метод нередко приводил к тому, что невиновные лишались свободы на несколько дней. Но в войне, к несчастью, честным людям часто приходится страдать ради торжества великого дела. Однако мы не могли допускать таких ошибок — они серьезно сказывались на наступлении союзных армий.

После освобождения Антверпена я добился разрешения создать такие лагеря безопасности в его окрестностях. В одном из лагерей произошел интересный случай. Однажды, проходя мимо главного входа, я услышал дикие крики. То, что я увидел, поразило меня. Рядом с часовым стоял человек гигантского роста — около ста девяноста сантиметров. Он был непропорционально толст. Массивные плечи этого великана, казалось, вот-вот разорвут его рубаху цвета хаки. А бицепсы, которым были тесны рукава куртки, напоминали бедра хорошего спортсмена. Он весил, видимо, около ста пятнадцати килограммов, но был плотным и мускулистым. Настоящая бронзовая статуя! На этом гиганте висело столько оружия, словно он был ходячим арсеналом. К поясу были привязаны два длинных ножа из темной стали, а на правом боку болтался длинноствольный пистолет системы Люгера, стрелявший на тысячу метров. На его богатырской груди висел пистолет-пулемет системы Шмайсера, который выглядел почти таким же безобидным, как водяной пистолет. Карманы великана сильно оттопыривались: в них, очевидно, были гранаты.

На руках гиганта висели две хохочущие девушки. Эту живописную группу окружала толпа восхищенных голландских юношей. В их глазах великан был каким-то мифическим героем. Озабоченный часовой не проявлял должной решимости и никак не мог протиснуться сквозь толпу. Из ее глубины слышался рокочущий голос гиганта:

— Эти девушки — голландские патриотки. Скажите своему полковнику, что великий Кинг Конг ручается за них. Я требую, чтобы их немедленно освободили! Тогда мы здорово повеселимся!

Я, конечно, слышал о Кинг Конге — смелом командире голландского Движения сопротивления, которому дали такую кличку по вполне понятным причинам. В оккупированной Европе восхищались его грубой силой и бесстрашием.

Но какое право имел он врываться в мой лагерь и поднимать такой шум! Пусть он остается героем где-нибудь в другом месте, но здесь он вмешивался в чужие дела.

— Эй вы, идите сюда! — крикнул я ему.

Он повернулся и, вытаращив глаза, одним движением сбросил с себя девушек. Затем он дотронулся до своей могучей груди указательным пальцем, который был с мой кулак.

— Вы говорите со мной?

— Да, с вами. Идите сюда!

На какое-то мгновение Кинг Конг заколебался, но затем с важным видом подошел ко мне. «Ну и рост, — подумал я. — Экая каланча!» Дотронувшись до трех золотых звезд на его рукаве, я спросил:

— По какому праву вы их носите? Разве вы капитан? И если да, то какой армии?

— Посмотрите на него! По какому праву ношу я звезды?! Это право дало мне командование голландских внутренних сил… подпольных… поняли? — зарычал он.

— Неужели? Кто же вы такой? — ехидно спросил я его.

— Я? — такой вопрос страшно удивил его.

Он повернулся к своим почитателям и пожал плечами, словно хотел сказать, что здесь они видят восьмое чудо мира — человека, который не узнал великого Кинг Конга.

— Кто я? Удивляюсь, полковник, каждый знает, кто я, — зарычал он. — Я живу в Виттукском замке, в штабе голландского Движения сопротивления.

Он глубоко вздохнул. При этом его широкая грудь поднялась так высоко, что пуговицы, казалось, должны были вот-вот слететь с его рубахи.

— Я… Я — Кинг Конг!

— Я знал только одного Кинг Конга, — мягко ответил я. — Это была большая матерчатая обезьяна. Ее, как вы знаете, показывали в кино.

В толпе захихикали. Кинг Конг стиснул зубы и сжал кулаки. В этот момент он действительно был очень похож на своего тезку. Моя рука машинально потянулась к вальтеру, который я всегда носил с собой в кобуре. Если бы этот человек схватил меня своими ручищами, он разорвал бы меня напополам с такой же легкостью, с какой он мог переломить палку. Но он лишь недовольно посмотрел на меня.

Я продолжал наступать.

— Вы не капитан голландской армии и не имеете права носить эти знаки различия, — сказал я.

Приблизившись к Кинг Конгу, я сорвал с его рукава матерчатую повязку с тремя золотыми звездами.

Его неандертальская челюсть опустилась вниз, а лицо заметно побледнело. Теперь моя рука лежала на рукоятке пистолета: в приступе бешенства Кинг Конг мог броситься на меня. Но он отступил назад. И какую-то минуту великий Кинг Конг выглядел провинившимся школьником. Но вдруг, словно очнувшись, он закричал:

— Вы не имеете права так обращаться со мной! Я буду жаловаться! Я напишу в Виттукский замок!

Он ушел, оставив девиц и толпу обожателей, пораженных его внезапным уходом.

III

Такой была моя первая встреча с Кинг Конгом. В обычной обстановке я был бы рад приветствовать его как одного из легендарных руководителей голландского Движения сопротивления. Этот человек вырвал из рук гестапо десятки беженцев и союзных летчиков, сбитых над оккупированной Голландией, тайно переправив их в Англию. Он причинил большой ущерб нацистским охранным отрядам, отличавшимся своей жестокостью, и не раз обводил вокруг пальца немцев, пытавшихся заманить его в ловушку. Если бы Кинг Конг вежливо попросил меня пропустить его в лагерь, я с удовольствием принял бы его и даже распил бы с ним бутылочку старого доброго вина. Но, будучи начальником лагеря, я не хотел давать заключенным и охране плохой пример. Я не мог позволить гражданским лицам, как бы знамениты они ни были, нарушать воинские инструкции и уставы.

Позже мне показалось, что я был слишком груб с Кинг Конгом. Такое публичное унижение известного всем человека могло навлечь на меня разные неприятности. Может быть, Кинг Конг просто не знал принятых в армии порядков? Не вел ли я себя еще хуже, чем он?

Вдруг интересная мысль пришла мне в голову. Почему он так быстро стушевался? Прославленный герой, окруженный толпой почитателей, даже если он чувствовал свою неправоту, должен был защищаться. Кинг Конг же, которого публично осмеяли, не смог сказать ничего вразумительного. Он лишь угрожал

пожаловаться при первой же возможности. Его поведение было по меньшей мере странным для человека с такой репутацией. Может быть, этим человеком следовало заняться?

Возвратившись в штаб, я послал, за помощником. Это был замечательный парень. Он служил во французском иностранном легионе и как шпион был заслан в Танжер. Он обладал удивительной памятью: не забывал мельчайших подробностей, касающихся Движения сопротивления во всех странах Европы и шпионов, которые работали по обе стороны линии фронта.

— Вильгельм, — обратился я к нему, — ты что-нибудь знаешь о Кинг Конге — одном из руководителей Движения сопротивления?

Его лицо стало сосредоточенным. Через минуту он рассказал мне следующее.

— Его настоящее имя Христиан Линдеманс. Он родился в Роттердаме. Сын владельца гаража, бывший боксер и борец. Ходили слухи, что он убил несколько человек. У него десятки любовниц. — Он хитро улыбнулся. — Хотите, я назову их имена?

Я покачал головой.

— Что-нибудь еще?

— Да, сэр. Он старший из четырех братьев, и все они участники Движения сопротивления.

— И все они живы? — спросил я.

Но здесь память изменила Вильгельму. Он пошел в комнату, где хранились архивные материалы, просмотрел несколько дел и наконец нашел нужное. Вернувшись, он сообщил:

— Все они живы. Самый младший вместе с танцовщицей кабаре Вероникой, которая здесь числится как любовница Линдеманса, попал в руки гестапо. Они работали на одном маршруте побега.

Он пробежал глазами одну из страниц дела.

— Затем и он и она были освобождены.

— Что?

Он пожал плечами.

— Здесь написано, что они были освобождены. Конечно, довольно странно, что немецкая разведка выпустила их на свободу, не так ли?

— А что еще там написано? — спросил я.

Мое нетерпение возрастало. Я стал подозревать что-то недоброе.

— Сам Линдеманс был арестован немцами во время облавы несколько недель спустя… Ему прострелили легкое. Но позже товарищи освободили его из тюремного госпиталя во время ночного налета.

— И много было убитых?

— Один эсэсовец был убит и двое ранено. Этот отряд понес очень большие потери. Линдеманс и двое его друзей бежали. Остальные сорок семь человек были убиты. Немцы напали на них, когда Линдеманс со своими бойцами покидал госпиталь.

— У меня создается впечатление, что немцы знали о готовящемся налете, — сказал я, медленно произнося слова.

Вильгельм внимательно посмотрел на меня. Глаза его сузились. Он догадался, на что я намекал. Он молча кивнул.

— Я возьму у тебя это дело на два-три дня, — сказал я, беря в руки лежавшую на столе папку. — И если мне повезет, я добавлю к нему пару страниц. Утром я уеду в Брюссель…

IV

В Брюсселе я без особого труда разыскал мужчин и женщин, хорошо знавших Линдеманса. Мне даже пришлось отделываться от десятков людей, которые, как они заявляли, были с ним близко знакомы. Национальный герой Голландии, Линдеманс был широко известен в Бельгии, и многие тщеславные люди называли себя его друзьями. Но меня не интересовали люди, которые всего один-два раза встречались с Кинг Конгом, но считали себя его друзьями. Я хотел встретить людей, которые хорошо знали Линдеманса по работе.

После долгих поисков я напал на след такого человека. Мы встретились с ним в кафе «Ведетт». После непродолжительного, но приятного разговора я понял, что он действительно хорошо знал Линдеманса и сталкивался с ним по работе.

— Вы один из тех счастливчиков, которые остались в живых после налета на госпиталь? — спросил я его.

— Нет, к сожалению, я не был в том отряде… А этот сувенир получил месяц спустя.

Он снял свой довольно грязный черный берет и не без гордости показал мне шрам на голове.

— Вам повезло, — заметил я.

— Да, сэр, была бы мне крышка, если бы пуля прошла на два-три сантиметра ниже, — сказал он, ухмыльнувшись.

— Как все это произошло?

— Мы готовили мост к взрыву. Только было я наклонился, чтобы вставить взрыватель в заряд под опорой моста, как вдруг, — он быстро защелкал пальцами, — пули засвистели вокруг. Фашисты каким-то образом узнали о нашем плане и устроили нам засаду. Внезапный резкий толчок сбил меня с ног, и

я полетел в реку. Некоторое время я плыл под водой, пока течение — а в этом месте оно было очень быстрым — не отнесло меня далеко от этого проклятого места. Кинг Конг молодец! Он был все время у них на виду, а потом вдруг исчез… Но другие… — Он пожал плечами.

— Из чего они стреляли? — спросил я. — Из пулеметов?

— Как ни странно, но не из пулеметов. Казалось бы, для такого дела они должны были взять пулеметы, но ничего подобного, немцы стреляли из снайперских винтовок. Они подстреливали нас, как куропаток. Всех восьмерых, кроме Кинг Конга. Они никак не могли попасть в него. Этот человек, видно, родился под счастливой звездой!

— Странно, — прошептал я. — Самая большая цель, и они не могли попасть в него.

— Да, конечно, самая большая цель. Но он очень ловок, наш великий Кинг Конг.

Картина стала проясняться. С одной стороны, Кинг Конг прославленный руководитель Движения сопротивления, человек, чья гигантская сила и подвиги вызывали всеобщее восхищение. Он причинил нацистам колоссальный вред, много раз рисковал жизнью во имя своей родины. С другой… четыре довольно странных факта, которые пока ни о чем не говорили. Уже при первой нашей встрече поведение Кинг Конга показалось мне странным… Немцы освободили его брата вместе с любовницей. Было непонятно, почему они не воспользовались возможностью отомстить, хотя бы косвенно, одному из своих самых ненавистных противников. Дважды кто-то предавал партизан, заблаговременно предупреждая немцев о готовившихся операциях, что давало им возможность устраивать засады. И дважды Кинг Конг оказывался единственным человеком, который оставался невредимым. Это было мало похоже на простое совпадение.

Я налил стакан красного вина и предложил его своему собеседнику — маленькому щуплому человечку.

— Говорят, Кинг Конг имеет успех у женщин, — небрежно заметил я.

— О да, сэр, это правда! Кинг Конг весьма галантный кавалер. Одна богатая наследница, которая живет в замке на горе за Ласкеном, отказалась от всех своих бриллиантов в пользу Движения сопротивления. — Он лукаво улыбнулся. — Говорят еще, что он ухаживал за другими девушками здесь, в Брюсселе… Ведь о великих людях всегда рассказывают всякие небылицы.

Вскоре разговор закончился. Я тотчас же отправился в замок неподалеку от Ласкена. Хозяйка оказалась дома. Обменявшись любезностями, мы стали говорить о Линдемансе. Графиня

действительно отдала ему фамильные драгоценности, но она сделала это только из патриотических соображений. Он, конечно, был великий человек, но и он имел свои слабости. Она подозревала, что Кинг Конг присвоил себе эти бриллианты и вовсе не использовал их для Движения сопротивления.

— Почему вы так думаете, графиня? — спросил я.

— Мне не хотелось бы говорить об этом. Он такой смелый человек и столько сделал для Бельгии… Но однажды в городе на одной девушке я увидела мой бриллиантовый кулон. Вы, конечно, понимаете, что это была за девушка? Кулон принадлежал моей матери, и мне было неприятно, что его носила такая женщина. Я думала, что, может быть, люди из Движения сопротивления продали кулон для своих нужд, поэтому спросила ее, не продаст ли она мне его. Но она ответила, что кулон подарил ей Кинг Конг и что он грозился задушить ее, если она продаст его.

— Вы знаете ее фамилию?

Графиня вздохнула.

— К сожалению, их было две: Мия Зейст и… подождите… да, вспомнила, Маргарита Дельден. Обе они пользуются дурной славой.

К счастью, графиня не смотрела на меня, когда говорила, иначе она заметила бы мой странный взгляд. В моей картотеке Мия Зейст и Маргарита Дельден значились как платные и очень ценные агенты немецкой разведки.

Кончив этот разговор, я на бешеной скорости помчался в Брюссель и оттуда позвонил в Антверпен, в штаб разведки. Через несколько минут к телефону подошел Вильгельм. Я спросил его, знает ли он адреса Мии Зейст и Маргариты Дельден? Он знал адреса этих девушек и через минуту дал мне их. Я взял с собой двух человек из голландской разведки в Брюсселе, и мы отправились по первому адресу.

Но мы опоздали… Квартира была пуста. Мия Зейст, как мы узнали позже, бежала в Вену.

Мы помчались к Маргарите Дельден. Дверь была заперта. Мы не захватили с собой ордер на обыск, но нам некогда было соблюдать тонкости этикета. Мы взломали дверь и ворвались в комнату. Маргарита Дельден лежала на кровати. Она, видимо, была красивой женщиной, но яд сделал свое дело. Лицо Маргариты было покрыто пятнами, мертвенно бледные губы были сложены в грустную улыбку. В тот же вечер она умерла в госпитале, не проронив ни единого слова.

Итак, мы потеряли двух важных свидетелей. Одна вовремя сбежала. Другая покончила жизнь самоубийством, причем она до конца была верна Линдемансу. Мы нашли бриллиантовый кулон

графини, но это было для нас плохим утешением.

Весь следующий день и всю ночь я провел в Брюсселе, ходя по узким грязным переулкам, жалким кафе и прокуренным барам, чтобы собрать побольше сведений о Кинг Конге.

«Дело Линдеманса», как я теперь про себя называл его, стало проясняться. Несколько лиц, не знавших друг друга, сообщили мне, что Линдеманс был в большом долгу, когда его младший брат попал в абвер[11]. Несмотря на его известность, торговцы и граждане, которым он был должен значительные суммы, требовали, чтобы он немедленно вернул деньги, и даже угрожали ему. Я также узнал, что танцовщица кабаре, Вероника, была давнишней любовницей Кинг Конга. Нацисты наверняка знали об этом, и все же они освободили ее и младшего брата Линдеманса, не причинив им никакого вреда. Такое милосердие было не в духе нацистов.

Как мне стало известно, после освобождения Вероники и брата Линдеманс внезапно разбогател. Он расплатился с долгами, пустился в разгульную жизнь и стал швырять деньгами направо и налево. Во время боев партизан с нацистами он стал вести себя еще безрассуднее. Налеты партизан становились все более дерзкими, и вовремя каждого из них партизаны неизменно несли большие потери. Прославленный командир еле спасался. Он грозился отомстить иудам, которые предавали участников налета, но, как ни странно, предателей так и не обнаружили. Вся трагедия была в том, что Кинг Конг никогда не испытывал недостатка в добровольцах, готовых идти вместе с ним на выполнение любого задания. Считалось даже почетным рисковать жизнью, находясь рядом с грозным Кинг Конгом.

Мне казалось странным, что Кинг Конг никогда не навлекал на себя подозрений со стороны товарищей по оружию. Все оставшиеся в живых, с кем мне пришлось разговаривать, хвалили его за смелость и изобретательность. Но ведь рано или поздно кто-нибудь должен был заметить, что Кинг Конгу всегда удавалось спастись? Очевидно, слава этого человека была надежным щитом для прикрытия его предательской деятельности. Маленьким, неизвестным людям Кинг Конг с его храбростью и расточительностью казался истинным героем, сверхчеловеком, бессмертным существом. Они преклонялись перед ним и ради его улыбки шли на смерть. Сам он был ранен в легкое и однажды попал в руки гестаповцев.

Этот факт заставил меня задуматься. Может быть, Кинг Конг, несмотря на все улики, был честным человеком? Вряд ли толстый герр Штраух из немецкой разведки в Голландии стал бы рисковать жизнью такого ценного агента ради того, чтобы он

приобрел еще большую популярность.

Я курил сигарету за сигаретой несколько часов и все время думал о Кинг Конге. Один-единственный факт сбивал меня с толку. Он фактически отрицал его виновность. Все же остальные говорили, что Линдеманс — предатель. И вдруг я нашел объяснение этому факту. Мысленно исследуя все звенья в цепи улик, я дошел до места, где графиня рассказывала о Мии Зейст и Маргарите Дельден. Чтобы узнать их адреса, мне пришлось звонить в Антверпен, хотя сам я находился в Брюсселе — городе, где жили эти девушки. Их адресов не знала ни местная полиция, ни штаб голландской контрразведки. Только разведка союзников смогла дать мне их адреса. Все мы были на одной стороне, воевали за общее дело, но разведывательными сведениями не делились. Это объяснялось завистью, соперничеством и желанием удержать наиболее ценные сведения в своем штабе, что, конечно, отрицательно сказывалось на работе в целом.

Но люди везде одинаковы, и можно предположить, что такое же соперничество существовало и между тремя различными органами немецкой разведки — гестапо (государственная тайная полиция), абвером (военная разведка и контрразведка) и СД (зихерхейтсдинст — служба безопасности). Я подозревал, что Линдеманс состоял на службе в абвере, ведь обе его приятельницы были агентами именно этой службы, но гестапо и СД могли не знать об этом. Кинг Конг был ранен совершенно случайно. И лишь через некоторое время после этого гестаповцы узнали, что выдающийся руководитель Движения сопротивления работал на них.

И благодаря такой счастливой случайности этот человек еще увереннее шел по проторенной дорожке, предавая товарищей, и никто не знал, сколько английских и бельгийских агентов выдал он нацистам.

Косвенных улик против Линдеманса было более чем достаточно, и я, пожалуй, имел все основания устроить ему перекрестный допрос. Я послал письмо в штаб голландской разведки, который располагался в замке Виттук, куда Линдеманс обещал пожаловаться на мое бесцеремонное поведение. Но он, конечно, не выполнил своей угрозы. В письме я упомянул, что хотел бы встретиться с Линдемансом. Но среди друзей этого прославленного руководителя Движения сопротивления было много высокопоставленных лиц, поэтому я скрыл, какую цель преследовал, желая встретиться с ним. Я просил его в одиннадцать часов следующего утра приехать в Брюссель в отель «Палас», где размещались офицеры штаба верховного главнокомандующего, в том числе и я. В это чудесное теплое утро

воздух был напоен свежестью и ароматом, и под теплыми лучами солнца, казалось, может царить только мир и спокойствие. Но война была всего в нескольких километрах, и везде, даже в гостиных этого роскошного отеля, она оставила свои следы. В отеле теперь жили военные. Походные складные столы и грубые деревянные стулья заменили красивые и удобные кресла, сидя в которых высокопоставленные лица высшего общества Брюсселя когда-то сплетничали за чашкой кофе.

Часы мягко пробили одиннадцать часов, но Линдеманса еще не было. Я, однако, не волновался. Очевидно, он считал ниже своего достоинства прийти точно в назначенное время.

Я обдумывал вопросы, которые собирался задать Линдемансу. Непроизвольно моя правая рука потянулась к рукоятке вальтера, который находился в отстегнутой кобуре. Курок взведен. Легкое нажатие — и раздастся выстрел. Линдеманс, конечно, еще не знал, что для него эта встреча — вопрос жизни или смерти. По сравнению с этим гигантом я казался карликом и в невооруженной борьбе не продержался бы и минуты, если бы Линдеманс схватил меня своими волосатыми ручищами. Но не случайно нью-йоркский писака Дамон Раньон назвал автоматический пистолет испытанным «уравнителем силы». Вальтер уравнивал наши силы. К тому же природные способности и долгие часы тренировки сделали меня блестящим стрелком. И если Кинг Конг станет слишком бурно возражать мне, я вряд ли промахнусь, стреляя в такую огромную цель.

Минуты шли, но Кинг Конга все еще не было. Я ждал, что прославленный герой опоздает минут на десять — пятнадцать, даже на полчаса, если уж он так хотел отомстить мне за унижение, которое он вынес в Антверпене. Но пробило двенадцать, а Линдеманса все еще не было. В голову стали лезть всякие мысли. Может быть, я недооценил его самолюбие. А вдруг Линдеманс, пользуясь своим положением и дружбой с людьми, имеющими политический вес, решил умышленно не подчиниться мне?

Так я ждал почти два часа. Вдруг в вестибюль отеля, весело болтая, вошли два молоденьких голландских капитана. Они были одеты с иголочки, а их яркие нарукавные повязки говорили о том, что они из голландского генерального штаба. Они подошли ко мне и отдали честь.

— Сэр, вы ждете Линдеманса? — спросил меня один из них.

— Да, вот уже почти два часа.

— Мы очень сожалеем, сэр, что вы зря теряете время… Дело в том, что Линдеманс не мог явиться к вам. Он получил боевое задание.

— Боевое задание? Чье же? — Я старался скрыть волнение.

Лощеные молодые люди вытянулись, а в голос говорившего вкрался тон благоговения.

— Линдеманс отправился на выполнение задания сегодня утром.

У меня перехватило дыхание, я не мог говорить. Я надеялся, что наша встреча положит конец предательской деятельности Линдеманса, даже если мне сразу не удастся доказать его виновность. Но на этот раз он ускользнул от меня, и вполне вероятно, что в этот самый момент Линдеманс вел смелых людей Движения сопротивления в хитро устроенную ловушку.

— Он ушел с партизанами? — спросил я.

Оба капитана сначала замялись, а затем приняли важный вид, какой бывает почти у всех людей, когда они знают большой секрет, о котором их собеседник не имеет ни малейшего представления.

— Нет, сэр. Он был направлен в распоряжение канадцев для выполнения специального разведывательного задания, но мы не имеем права рассказывать, сэр, что это за задание.

(Позже я узнал, что случилось. Канадцам действительно понадобился человек, на которого можно было положиться и который мог бы тайно проникнуть в Эйндховен, все еще находившийся в руках немцев, и установить связь с руководителем Движения сопротивления данного района. В его задачу входило информировать этого руководителя о том, что крупные воздушнодесантные силы высаживаются к северу от Эйндховена в следующее воскресенье, семнадцатого сентября, утром, и руководство Движением сопротивления должно было подготовиться к этому, чтобы оказать помощь парашютистам и воспользоваться паникой, которая неизбежно поднимется среди немцев в самом начале выброски десанта. Канадцы обратились в голландский генеральный штаб, где сразу же вспомнили о Линдемансе, как о человеке, который как нельзя лучше подходил для выполнения такого задания, но в штабе не знали, что Линдеманс был предателем и что я уже занимался им. Я до сих пор не могу понять, как могло случиться, что они не подозревали его в измене. Ведь многочисленные факты — безрассудная расточительность Кинг Конга и то, что он неизменно оставался жив при налетах, хотя все его товарищи погибали, — о которых знали в штабе, говорили сами за себя, и мне понадобилось всего несколько дней, чтобы собрать их воедино. Послать Линдеманса с таким заданием было все равно, что объявить по Би-би-си в сводке новостей о предстоящей воздушнодесантной операции.)

Но тогда я ничего не знал об этой операции, и только

надеялся, что задание, данное Линдемансу, не обойдется нам слишком дорого. Все, что я мог сделать при тех обстоятельствах, так это написать официальный рапорт и послать его в штаб верховного главнокомандующего.

V

Что произошло тремя днями позже, хорошо известно всему миру, поэтому я расскажу об этом лишь в нескольких словах. Ранним утром семнадцатого сентября был выброшен самый крупный в истории воздушный десант. Десять тысяч парашютистов 1-й английской воздушнодесантной дивизии выбросились у Арнема, а двадцать тысяч американских парашютистов и три тысячи польских — у Граве и Неймегена. Их задача состояла в том, чтобы захватить и удерживать плацдармы на Маасском канале, на реках Ваал и Реп, в то время как бронетанковые соединения главных сил ринутся вперед, чтобы соединиться с воздушным десантом и форсировать водные рубежи с ходу. Это был смелый план. Все зависело от того, насколько внезапной окажется для немцев выброска парашютистов за линией их фронта. Подсчитано, что если бы немцы были застигнуты врасплох, им потребовалось бы несколько дней, прежде чем они смогли бы перегруппировать свои силы, чтобы предпринять какие-либо серьезные действия против воздушнодесантных войск, захвативших намеченные плацдармы. За это время главные силы продвинулись бы на значительное расстояние, и если бы парашютисты, которым с воздуха сбросили бы продовольствие и боеприпасы, продержались, была бы достигнута блестящая победа.

Вначале все, казалось, шло согласно намеченному плану. Воздушная разведка, проведенная утром шестнадцатого сентября, показала, что в районе Арнема немцы вели себя как обычно. Но с наступлением темноты немецкие танковые части заняли отведенные им позиции вокруг основного района выброски, замаскировав танки за канавами, рвами и изгородями. На заре парашютисты выбросились с самолетов, но они не заметили каких-либо признаков замешательства и паники у противника. Было ясно, что все обернулось не так, как планировалось. Но в то время несведущие думали, что немцы по счастливой случайности сосредоточили свои танки и пехоту как раз в том месте, где должен был выброситься воздушный десант.

Затем последовали девять дней ожесточенных боев с противником, который окружил доблестных парашютистов

плотным кольцом. Продовольствие и боеприпасы были у них на исходе, когда район обороны уменьшился настолько, что сбрасываемые с воздуха предметы снабжения чаще падали в расположение немцев, чем к парашютистам. Две тысячи четыреста «красных дьяволов Арнема» с кровопролитными боями пробились через кольцо окружения, оставив позади себя семь тысяч убитых и раненых. Смелая операция провалилась. Это было единственное крупное поражение Монтгомери в этой войне. В результате война затянулась еще на шесть месяцев, принося новые жертвы и новые разрушения. В эту «черную зиму» в связи с разрушением дамб и затоплением посевов почти двести тысяч голландских женщин и мужчин погибли от наводнения или умерли от голода. Но никто, кроме меня, не знал действительной причины, приведшей операцию к провалу. Говорили разное, что поражение «на войне обычная вещь», что «немцам повезло, а нам нет» и тому подобное. Мне же было ясно одно: Линдеманс предатель.

VI

У меня была масса других дел, но я не отложил в сторону дело Линдеманса. Рапорт, который я написал в штаб верховного главнокомандующего, без сомнения, подшили к делу. Этот вопрос был одним из многих, которые должен был решить разведывательный отдел штаба. Многие старшие офицеры, которые должны были строить свои доклады на материалах рапортов, могли тем не менее признать мои подозрения фантастическими и сумасбродными. Обвинить прославленного руководителя Движения сопротивления одной из союзных нам стран в предательстве — это факт не только абсурдный, но и рискованный. Такое обвинение могло легко привести к серьезным политическим и дипломатическим осложнениям. Вряд ли найдется человек, который захочет впутывать себя в политику или дипломатию в разгар величайшей войны, которую когда-либо вело человечество. Наоборот, он всеми силами постарается избавиться от такого опасного дела. Поэтому вопрос о Линдемансе оставался нерешенным. И всякий раз, когда я встречал своего коллегу из английской контрразведки, приданной штабу верховного главнокомандующего, этого умнейшего человека, который впоследствии занимал ряд исключительно важных должностей, работая по политической линии, я забрасывал его вопросами о Линдемансе. Он всегда был любезен со мной, но я замечал, что мои умозаключения не

производили на него должного впечатления. И если такой умный человек, с большим опытом работы в контрразведке не верил в мои доказательства, то уж тем более было маловероятно, что «кабинетные» офицеры штаба верховного главнокомандующего, занимающиеся вопросами, которые требовали немедленного разрешения, станут прислушиваться к моим предположениям.

Прошло шесть недель, но Линдеманс, несмотря на все мои усилия, арестован не был. По-прежнему не было прямых улик, свидетельствующих о виновности Линдеманса. Но однажды вечером я нашел такую улику… Наступление союзников продолжалось. Со времени трагического провала воздушнодесантной операции у Арнема наши армии вели упорные бои за каждую пядь земли. Я был в Эйндховене, который теперь находился в наших руках. Как известно, к этому времени у меня забрали и моих помощников и легковую машину. Я работал один и выполнял обязанности следователя, судьи и тюремщика.

…Допрос, который продолжался вот уже три часа, близился к концу. Передо мной сидел молодой голландец — Корнелис Верлуп. Мне стоило больших трудов заставить его признаться, что он шпион. Верлуп был. сильно напуган. Я встал и, потягиваясь, стал стряхивать с брюк пепел от сигареты. Верлуп внимательно следил за мной.

— Меня расстреляют? — прошептал он. От волнения у него пересохло в горле, и ему трудно было говорить.

Я пожал плечами, ничего не сказав в ответ. Верлупа, конечно, должны были расстрелять. Ведь он шпион.

— У меня молодая жена в Амстердаме, хорошая голландская девушка. Клянусь, она ни в чем не виновата.

— Но мы и не собираемся расстреливать твою жену. Мы не похожи на твоих немецких хозяев.

Верлуп быстро переключил разговор на другую тему.

— Я сообщу вам ценные сведения, сэр, — в обмен на мою жизнь.

— Дурак ты, — сказал я. — До того как тебя расстреляют, мы выжмем из тебя все, что ты знаешь. Это не так уж трудно.

На бледном лице Верлупа появилась лукавая улыбка.

— Все это так, но вы даже не подозреваете, что́ я знаю.

— Что же ты знаешь, мой юный философ? Мне кажется, что зря ты тянешь время, — с презрением сказал я.

Верлуп резко наклонился вперед и, сжимая кулаки, словно силясь вспомнить что-то, назвал имена всех моих коллег и описал их. Далеко не все офицеры нашего штаба знали личные качества офицеров, фамилии которых выпалил Верлуп.

— Кроме того, ваш резидент в Брюсселе Лювен, человек по фамилии Дампрени в Амстердаме и…

Сидя передо мной, он бойко перечислял фамилии агентов нашей контрразведывательной сети в Бельгии и Голландии.

Я забеспокоился о судьбе агентов, все еще находившихся по ту сторону линии фронта. Если этот предатель знал так много, то его хозяева наверняка знали еще больше. Стараясь скрыть волнение, безразличным тоном, каким только мог, я спросил его:

— Кто тебе сказал все это?

Верлуп насторожился. Надежда засветилась в его глазах.

— Полковник Кизеветтер из абвера… в штабе абвера в Дрибергене. Но кто сказал полковнику Кизеветтеру — это мой секрет. Давайте заключим сделку, сэр!

Я смертельно устал и чувствовал тошноту. Трудно было поверить, что человек мог так низко пасть. Я видел, как многие мужчины и женщины боролись за жизнь, словно загнанные в угол крысы. Ради спасения своей шкуры они готовы были продать родину, друзей, но мне подобные сделки с совестью были отвратительны. Не имея помощников и машины, я должен был лично препроводить Верлупа в военную тюрьму, которая находилась в противоположном конце города. Ночь была темная, хоть глаз выколи, и я боялся, как бы Верлуп не сбежал. Поэтому, вынув пистолет и устремив на него испытующий взгляд, я сказал:

— Пойдем, Верлуп. Я сыт по горло твоей болтовней. Мне ясно, что ты предатель, и торговлей со мной ты ничего не добьешься. На подобные сделки обычно идут нацисты — твои друзья. Я же никогда… Ну, так кто же рассказал обо всем этом полковнику Кизеветтеру?

Искра надежды погасла в его глазах.

— В обмен на мою жизнь, сэр…

Он сделал жест отчаяния.

Я резко толкнул его в спину пистолетом.

— Пойдем, — почти закричал я, решив, что за ночь он, наверно, одумается.

Но Верлуп, этот хитрый шпион, по-своему истолковал мой жест. Он решил, что я хочу его застрелить.

— Подождите, — задыхаясь произнес он, — я все расскажу. Не стреляйте. Это был Линдеманс — Кинг Конг. Он рассказал обо всем этом полковнику Кизеветтеру.

VII

Так неожиданно нашел я последнее звено в цепи*)* улик

против Линдеманса. Наклонившись, я толкнул Верлупа дулом пистолета. Покачиваясь, бледный как смерть, он направился к выходу.

— Кинг Конг сообщил нацистам о выброске парашютистов у Арнема? — спросил я.

Верлуп остановился и молча кивнул… Он не мог говорить — губы его пересохли. Но он облизал их — и слова полетели одно за другим.

— Да, он сообщил об этом полковнику Кизеветтеру пятнадцатого сентября, когда был в штабе абвера. Он сказал, что будут выброшены английские и американские парашютисты.

— И он указал, где именно?

— Да, он заявил, что английская воздушнодесантная дивизия должна быть выброшена утром в воскресенье в районе Эйндховена.

Я опустил пистолет и испытующе посмотрел на Верлупа. Этот жалкий трус, сам того не подозревая, ответил на мучивший меня вопрос. Он по-своему понял эту паузу в разговоре и, упав на колени, прошептал:

— Вы не станете стрелять в меня сейчас… а? Я сказал все, что знал.

— Лично я стрелять в тебя не собираюсь, но я ничего не могу сказать за армию. Твою судьбу решит военный трибунал. Теперь вставай и пойдем.

Большой опыт работы в контрразведке научил меня не давать отдушины личным чувствам — это непозволительная роскошь. Но на сей раз я не владел собой. Доведенный до белого каления, я в течение какого-то момента не мог вымолвить ни единого слова. Несмотря на мои неоднократные предупреждения, Кинг Конгу разрешили отправиться на выполнение секретного задания по ту сторону линии фронта, где он мог причинить огромный вред делу союзников. Если раньше я только догадывался об этом, то теперь благодаря низкому предательству Верлупа знал все. Надо было как можно скорее положить конец предательской деятельности Линдеманса.

Препроводив Верлупа в тюрьму, я бросился в штаб голландской разведки. Вид моих соотечественников, которые развалясь сидели в мягких креслах офицерской столовой с бокалами вина в руках и слушали легкую музыку, лившуюся из радиоприемников, привел меня в бешенство. В приступе ярости я не мог говорить.

Один из моих знакомых оглянулся и спросил меня:

— Что с тобой, Пинто? Ты так бледен.

Спокойный тон его голоса окончательно вывел меня из себя.

— Выключи это проклятое радио! — закричал я и ударил кулаком по столу. Когда радио замолчало, все с удивлением посмотрели на меня. В эту минуту я ненавидел этих людей с открытыми ртами и круглыми, как луна, лицами.

— Черт бы вас побрал! — кричал я. — Пора вам понять — когда я говорю, что человек находится на подозрении, я имею на то основания. А что делаете вы? Вы посылаете его к немцам с важнейшим донесением!

— Что ты имеешь в виду? — спросил кто-то.

— Линдеманс — Кинг Конг. Двое из вас немедленно отправятся на машине в Виттукский замок и арестуют его.

— Арестовать Линдеманса! Да ты с ума сошел!

— Он расправится с нами как с цыплятами. К тому же он всегда вооружен до зубов. Это же самое настоящее самоубийство!

Один из старших офицеров спросил меня:

— Пинто, какие основания вы имеете для ареста Линдеманса? Вы понимаете, какой может получиться скандал?

Я вкратце рассказал ему о случившемся. Что-то в моем поведении заставило всех поверить мне. Теперь надо было решить, как арестовать Линдеманса, не рискуя людьми. Но ответ, как это часто бывает, когда человек сильно взволнован, пришел молниеносно.

— Я знаю, как это сделать, — закричал я. — Два человека — вы… и вы — пойдете в Виттукский замок и проинтервьюируете Линдеманса. Скажите ему, что он будет награжден за доблестную службу. Это польстит его самолюбию. Уговорите его снять оружие. Пусть он наденет чистую рубаху и причешется. Затем отведите его в другую комнату. Тем временем я свяжусь по телетайпу со штабом верховного главнокомандующего и попрошу прислать в замок десяток солдат военной полиции. Когда Линдеманс войдет в комнату, они накинутся на него и арестуют. Поняли?

Офицеры, которых я выбрал, улыбнувшись поднялись с кресел.

— Прекрасная идея, — сказал один из них, пристегивая ремень с пистолетом. — Я думаю, десятерых будет достаточно. Попросите коменданта штаба выбрать самых крепких солдат.

План оказался как нельзя более удачным. Как я и подозревал, Кинг Конг оказался непомерно тщеславным. Услышав, что его будут «награждать», он, как теленок, позволил содрать с себя все оружие. Затем Кинг Конга, причесанного и побритого, препроводили в комнату, специально подготовленную для этого случая.

Важной походкой прошествовал Кинг Конг в сопровождении

«почетного караула» в злополучную комнату, чтобы получить награду. Она была преподнесена ему в виде десяти дюжих солдат военной полиции, которые, едва он открыл дверь, набросились на него, повалили на пол и после нескольких минут борьбы связали. Во всей Голландии не нашлось подходящих наручников для огромных запястий Кинг Конга, поэтому его руки пришлось связать стальной веревкой. Когда его привезли на аэродром в Антверпене, я приказал связать и его ноги, боясь, что своими ножищами он пробьет дыру в полу самолета и бросится вниз навстречу своей смерти, что явилось бы последним эффектным жестом тщеславного Кинг Конга.

Когда самолет приземлился в Англии, Линдеманса тотчас же отправили в один из уединенных домов в окрестностях Лондона. Этот дом находился в ведении английской контрразведки. В течение двух недель Линдеманс подвергался перекрестному допросу. Затем его на самолете отправили в Голландию, но на этот раз специально для него в Скотланд Ярде сделали зубчатые наручники. Там его поместили в тюрьму в Бреда. Я сопровождал Кинг Конга до самой камеры, внимательно наблюдая за ним. Глаза его были опущены и куда только девались его чванливость и напыщенность. Следователи добились от него полного признания, которое заняло двадцать четыре машинописные страницы.

Этот документ был интереснее любого самого захватывающего романа. Я испытывал большое наслаждение, находя подтверждение своим многочисленным догадкам. Линдеманс начал предательскую деятельность в 1943 году, когда он как руководитель голландского Движения сопротивления находился на высоте своей славы. Израсходовав все деньги на дорогие подарки для своих многочисленных любовниц, Кинг Конг, отличавшийся необыкновенной расточительностью, изобрел остроумный способ добывания денег. Он убеждал богатых женщин, а некоторых принуждал силой, распроститься со своими бриллиантами в пользу фонда для финансирования подпольных побегов из Бельгии и Голландии в оккупированную Францию и оттуда — в Португалию. Многие из этих женщин, чьи близкие и друзья томились в нацистских концентрационных лагерях и чьи роскошные дома занимали теперь немецкие офицеры, горели желанием помочь романтическому герою Движения сопротивления.

Линдеманс продавал собранные таким путем бриллианты, но эти торговые операции не пополнили казны Движения сопротивления. Он растрачивал деньги в барах и ночных клубах. Бриллианты, которые Линдеманс не продавал, он дарил своим

любовницам, выдавая их за трофеи, захваченные у нацистов.

Пока что Линдеманс опустился только до растрачивания награбленных денег, но что касалось верности родине, то он оставался честным человеком. И все же, сам того не сознавая, Линдеманс катился по наклонной плоскости. Рано или поздно он должен был ответить за растрату денег, полученных от продажи бриллиантов, если, конечно, к этому времени он не нашел бы другого способа пополнить казну Движения сопротивления. У одного или двух руководителей Движения сопротивления стало расти подозрение в отношении расточительства Кинг Конга. В оккупированной Европе было нелегко честным путем быстро достать крупную сумму денег, и Линдеманс, не желая расставаться с веселой жизнью, стал подумывать о новых путях добывания денег.

В феврале 1944 года произошел случай, которому суждено было приблизить наступление кризиса. Младший брат Линдеманса и французская танцовщица кабаре — Вероника — попали в руки гестаповцев во время их налета на дом, который являлся конспиративной квартирой на секретном маршруте побега.

Самое неприятное для человека — знать, что его близкие и друзья находятся в лапах таких извергов, как нацисты, и еще неприятнее, если он ничего не может сделать для их спасения. Но такие известия товарищи Кинг Конга по оружию получали каждый день. Эти честные хладнокровные люди набирались терпения и ждали возможности отомстить. Они были неспособны предпринять шаги, которые могли бы поставить перед лицом опасности их товарищей.

Но Линдеманс оказался слабее своих менее известных коллег. Переживая за Веронику, которую он безумно любил, и брата и чувствуя косые взгляды своих коллег, беспокоящихся о бриллиантах и доверенных ему деньгах, Линдеманс решил заключить с противником сделку. Он был знаком с двумя голландцами, проживавшими в Брюсселе, которые являлись платными агентами нацистов. Один из них — Антоний Дамен, а другой — Корнелис Верлуп, мой «знакомый» по Эйндховену. Линдеманс тайно встретился с ними в кафе гостиницы «Гран Бульвар» на площади Рожье в Брюсселе и там за чашкой кофе предложил нацистам свои услуги при двух условиях: первое — немедленное освобождение Вероники и брата и второе — крупное денежное вознаграждение. Верлуп немедленно отправился к полковнику Гискесу, возглавлявшему в то время немецкий абвер в Бельгии, и рассказал ему о предложении Линдеманса. Гискес, видимо, понял, что ему представился счастливый случай

обменять двух мелких рыбешек на кита. Через два дня он тайно встретился с Кинг Конгом в одном доме в окрестностях Брюсселя, где они беседовали в течение продолжительного времени.

Сделка была заключена, и на следующий же день немцы выполнили первое условие Кинг Конга. Вероника и брат Линдеманса покинули темное и сырое подземелье. Их заставили подписать документ, в котором говорилось, что с ними хорошо обращались, и выпустили на свободу наслаждаться весенним солнцем, заливавшим улицы Роттердама. Их радость неожиданного освобождения не была омрачена сознанием того, что это был первый шаг в цепи событий, которые через несколько месяцев завершились гибелью от болезней и голода двадцати пяти тысяч граждан Роттердама во время ужасной голландской «черной зимы».

Встав на путь предательства, Кинг Конг наслаждался первыми удачами. На радостях он снова ударился в разгульную жизнь.

Абвер, как я и подозревал, то ли из чувства соперничества, то ли из желания не распространять такую важную новость, не оповестил другие органы разведки — гестапо и службу безопасности — о том, что Линдеманс является теперь их агентом. Однажды гестаповцы совершили налет на штаб роттердамского Движения сопротивления. Они ворвались в подвал с пистолетами в руках. Линдеманс был среди бойцов Движения сопротивления. Для него это был решающий момент. Он должен был либо предать своих товарищей, либо погибнуть от руки какого-нибудь гестаповца. В течение секунды Кинг Конг колебался, но затем сделал выбор труса. Он поднял руку и сделал условный жест, чтобы полицейские поняли, что он их человек. Но не успел командир отряда полицейских дать команду опустить винтовки, как один из гестаповцев, неправильно истолковавший жест Кинг Конга, выстрелил в него. Ему показалось, что этот великан хотел схватить свой револьвер. Пуля попала Линдемансу в грудь, пробив одно легкое.

Линдеманса немедленно отправили в гестаповский госпиталь, так как командир понял, что это был не обычный боец Движения сопротивления. Для большинства людей такая рана оказалась бы смертельной, но Кинг Конг с его могучим здоровьем выздоровел через три недели. Когда Линдеманс лежал в госпитале, его посетил полковник абвера. Он хотел, чтобы Линдеманс оставался агентом абвера, а для этого надо было разработать план правдоподобного побега. Но Линдеманс сам предложил такой остроумный и вместе с тем чудовищный план, который изумил даже жестокого полковника. Товарищи Линдеманса по оружию помогут ему совершить «побег», им,

устроят засаду, и все они погибнут. Сам же он беспрепятственно «убежит» из госпиталя. К сожалению, план удался и сорок семь доблестных солдат отдали свою жизнь, чтобы спасти вероломного командира.

В первые же месяцы Линдеманс оплатил немцам денежные подачки, предав несколько групп агентов. Одна такая группа, состоявшая из нескольких англичан — женщин и мужчин, работала на территории оккупированной Бельгии. Все агенты были арестованы и заключены в Схевенингенскую тюрьму. Там они подвергались зверским пыткам, пока смерть не сжалилась над ними. В Схевенингенской тюрьме, находившейся неподалеку от Гааги, для пыток имелись инструменты новейших конструкций, по сравнению с которыми средневековые орудия пыток, стискивавшие большой палец, и дыба казались детскими игрушками. Там были, например, стальные шлемы, которые надевались на голову по самые глаза. Через них пропускали электрический ток таким образом, чтобы он парализовал нервные центры головы. Тюрьма эвакуировалась так поспешно, что немцы не успели даже захватить с собой эти красноречивые доказательства своей безумной изобретательности. Когда я впервые увидел эти инструменты, кровь застыла в моих жилах. А Линдеманс, не задумываясь, предавал за деньги целые группы агентов. Многих из этих людей я знал, некоторые были моими друзьями, и я поклялся, что не успокоюсь, пока Линдеманс не получит по заслугам.

Арнемская трагедия была наивысшей точкой предательства Кинг Конга. Задание предупредить отряды Движения сопротивления в районе Эйндховена о готовящейся высадке десанта, чтобы они могли оказать помощь парашютистам, Линдеманс воспринял как счастливую возможность совершить новое предательство. Он выполнил свое задание, но не без труда: действия Кинг Конга показались местному руководителю Движения сопротивления подозрительными, и он арестовал его. Но странная случайность — канадцы послали в район Эйндховена офицера разведки, который должен был выручить Кинг Конга и убедить бойцов Сопротивления в том, что его действительно послало к ним союзное командование со специальным заданием. Пятнадцатого сентября, за два дня до выброски воздушного десанта, Кинг Конг в Дрибергене встретился с полковником Кизеветтером из абвера и сообщил ему все секретные сведения, которые доверило ему командование союзников. Правда, Линдеманс не упомянул слова «Арнем». В дальнейшем известная часть голландской прессы пыталась сыграть на этом, заявляя, что Линдеманс не мог предать воздушнодесантные войска у Арнема,

так как он якобы не знал точного района их выброски.

Но этот довод — пустая болтовня. Линдеманс мог не упомянуть слова «Арнем», но он сказал полковнику Кизеветтеру, что выброска десанта произойдет севернее Эйндховена. Об этом он рассказал мне на допросе. В настоящее время каждая крупная воздушнодесантная операция, как известно, проводится с целью захватить определенный район и удерживать его в течение определенного периода времени. Парашютные войска — цвет армии — слишком дороги, чтобы попусту разбрасывать их небольшими группами. Немецкому командованию было достаточно один раз взглянуть на карту, чтобы понять, где именно «севернее Эйндховена» будут выброшены воздушнодесантные войска. Нетрудно догадаться, что никаких ценных объектов в открытом поле быть не может! Самыми подходящими объектами для воздушнодесантных войск были мосты в Граве, Неймегене и Арнеме. Если бы парашютисты захватили эти мосты и удержали их до подхода главных сил, то союзники овладели бы важным плацдармом, с которого можно было бы нанести решающий удар в самое сердце Германии.

Поэтому предательству Линдеманса нет оправданий. Он раскрыл полковнику Кизеветтеру совершенно секретный план выброски воздушнодесантных войск «севернее Эйндховена» за два дня до ее начала и тем самым обрек Арнемекую операцию на полный провал.

VIII

Одно дело — поклясться привлечь Линдеманса к ответственности, а другое — осуществить это. Как я уже упоминал в предыдущей главе, у меня было много других дел, и мне приходилось работать одному, не имея даже необходимых транспортных средств. Многие высокопоставленные лица голландского Движения сопротивления высказывались против публичного суда над Линдемансом. Некоторые из них, кто был дружески расположен к нему и оказывал ему всяческую помощь, не хотели, чтобы народу стало известно об отсутствии у контрразведки союзников элементарной проницательности. Другие искренне считали, что если такого популярного человека показать как предателя, то престиж голландцев в глазах союзников сильно пострадает. Создалась сложная политическая и дипломатическая обстановка. Бюрократия, которая так часто впутывается в колеса правосудия, может иногда остановить даже медленный ход непопулярного судебного дела. Так оно и

случилось. Мне, правда, повезло: штаб верховного главнокомандующего поздравил меня с поимкой крупной «дичи». Но это не помогло мне посадить Линдеманса на скамью подсудимых.

В рождество 1944 года, как упоминалось в 7-й главе, я заболел. Получив трехмесячный отпуск по болезни, я возвратился в Лондон. К этому времени английские газеты пронюхали о «секретном» заключенном. Линдеманс все время находился в том крыле тюрьмы в Бреда, которым занимался я, но каким-то образом стало известно об его отправке в Англию Ходили слухи, что какой-то голландский офицер тайно содержался в лондонском Тауэре. Жадная до новостей пресса живо откликнулась на эти слухи. Газеты запестрели сенсационными заголовками. По моему предложению представители голландского правительства в Лондоне обратились в английскую цензуру с просьбой не разрешать опубликования каких-либо материалов о причинах ареста Линдеманса, поскольку дело этого человека находилось в стадии расследования. Главный цензор согласился с ними. С этого времени газеты со свойственным им благоразумием перестали печатать подобные материалы.

Даже дело Линдеманса не смогло прервать моего отпуска. Он в целости и сохранности находился в моем личном крыле тюрьмы в Бреда. Было маловероятно, что в мое отсутствие кто-нибудь подумает о том, чтобы судить его, и хотя я нервничал при мысли, что предателю удастся уйти от заслуженной кары, мне было приятно сознавать, что он не сможет больше вредить союзникам. К тому же для этого неуклюжего, но энергичного гиганта, лишенного восторгов и преклонения со стороны обожателей и в течение нескольких недель размышлявшего над своей судьбой, полное бездействие было, пожалуй, самым жестоким наказанием, которое только можно было придумать. В июне 1945 года я вернулся к делу Линдеманса, и первое, что я сделал, так это приказал перевести его из тюрьмы в Бреда в мрачное подземелье, прозванное «Апельсиновой гостиницей», которое составляло часть Схевенингенской тюрьмы. Там, в камере, в которой, может быть, раньше находились его товарищи, которых он так подло предал, Линдеманс будет знать, что он на один шаг приблизился к своему роковому концу.

Одиночество и отсутствие обожателей, питавших непомерное тщеславие Линдеманса, лишили его аппетита. Он страшно исхудал. Его огромные мышцы без физических упражнений стали дряблыми. Одежда висела на нем как на вешалке. Волосы Линдеманса поседели, а глаза стали тусклыми. Всякий раз, когда я приходил к нему, он в припадке, с пеной на губах, ползал по

полу камеры, прося пощады. Но какой пощады может ждать человек, который предал своих товарищей по оружию, погубил семь тысяч человеческих жизней в Арнеме. К этому человеку я не чувствовал ничего, кроме отвращения, и делал все возможное, чтобы он предстал перед судом.

С такими мыслями шел я в свой кабинет, находившийся теперь в здании, которое занимала голландская контрразведка. Мне надо было взять некоторые документы из дела Линдеманса, чтобы приложить их к рапорту о привлечении его к суду. Архивные комнаты в штабе разведки охранялись как нельзя лучше. В них разрешалось входить только старшим офицерам, причем в исключительных случаях. За взятые документы приходилось расписываться. Во избежание обмана и подделок росписи на реестрах и удостоверениях личности сверялись. Здание охранял усиленный караул. В прошлом мне неоднократно приходилось видеть, какие меры предосторожности принимались нашими органами безопасности, и я с полной ответственностью могу заявить, что лучшую охрану секретности, чем в этом штабе, трудно представить.

Но когда я пошел в архив, чтобы взять дело Линдеманса, я не нашел его на месте. Я искал его на соседних полках, в других комнатах, надеясь, что его случайно положили в другое место. Но все было бесполезно. Я проверил систему учета документов, чтобы убедиться, что она не изменилась за время моего отсутствия. В книге входящих документов не значилось, что здесь хранились какие-либо документы по делу Линдеманса. Более того, в книге учета документов сама фамилия «Линдеманс» была зачеркнута!

Начались розыски пропавшего дела. Случайно я узнал, что один старший офицер взял его несколько дней назад. Когда я набросился на него, он сказал, что некоторое время держал его у себя, а затем передал другому старшему офицеру. Я обратился ко второму офицеру. Оказалось, он никогда не видел дела Линдеманса. Первый офицер страшно удивился. Он заявил, что может под присягой сказать, что второй старший офицер взял дело такого-то числа. На этом все кончилось. С того дня я так и не видел дела Линдеманса. Все мои попытки найти его оказались тщетными.

IX

Я, как видно, страшно надоел старшим начальникам со своими требованиями привлечь Линдеманса к суду, и в октябре

1945 года меня неожиданно повысили в должности и перевели на работу в Германию. Предчувствуя такое перемещение, я давно шутил с товарищами по этому Поводу. Старинная голландская поговорка гласит: «Тот, кто хочет ударить собаку, всегда найдет палку». Я давно понимал, что после ареста Кинг Конга такую палку найдут и для меня.

Но я не жалел о том, что сделал. Я только чувствовал угрызения совести, что не достиг большего. Я всегда страстно любил Голландию — свою родину — и считал, что народ должен знать правду, даже если она горькая. Однако лишь незначительная часть голландского народа знает причины арнемской катастрофы. Людям вдалбливали, что в поражении повинна погода или безрассудство фельдмаршала Монтгомери, который якобы не имел в своем распоряжении достаточных сил и средств, или же объясняли его просто игрой случая. Казалось, никто не знал, что Линдеманс предал союзников еще до выброски воздушного десанта и что до тех пор, пока его будут тайно держать в тюрьме, — а это могло длиться долго, — народ не узнает действительной причины арнемской катастрофы.

Шли месяцы. Дело Линдеманса немного прояснилось. В мае 1946 года, когда я уже был в отставке, произошло удивительное событие. Война в Европе кончилась год назад, и на английскую прессу теперь не распространялись цензурные ограничения военного времени. Печать, которая часто выступала в защиту отдельных лиц, боролась с бюрократизмом и оказывала давление на различные организации, стремясь положить конец несправедливости, теперь требовала сообщить, что случилось с «тайным заключенным лондонского Тауэра».

Эта кампания длилась несколько дней. Газеты Англии и европейского континента, придерживавшиеся различных политических взглядов, горели одним желанием — знать факты. «Голландский офицер» был арестован более чем восемнадцать месяцев назад. Если бы его судили, каковы были бы результаты судебного процесса? По каким причинам он еще не предстал перед судом? Такие вопросы задавали все. Перед лицом таких требований голландское правительство могло принять только одно решение. Было объявлено, что в июне 1946 года будет заседать специальный трибунал, на котором будет слушаться дело Христиана Линдеманса, обвиняемого в предательстве.

(Здесь я хочу заметить, что все мои сведения о дальнейшей судьбе Линдеманса, поскольку я уже не имел к нему никакого отношения, основаны на слухах и сообщениях официальных голландских органов. Уехав из Голландии, я, естественно, потерял доступ к соответствующим материалам. Правда может

содержать элементы неизвестности, но ни в коем случае не выдумки, и если это так, то мы не в праве не верить официальной версии. К тому же теперь неоткуда было получить данные, подтверждающие или отвергающие официальное сообщение, и ничего не оставалось, как считать его единственно правильным. Но дело Линдеманса, как всякое нашумевшее дело, имело целый ряд пробелов, и понятно, что многие хотели получить исчерпывающие и убедительные объяснения.)

Схевенингенская тюрьма, — пожалуй, самая большая в Голландии. В ней нацисты содержали политических заключенных и сгноили многих выдающихся голландских патриотов. После изгнания фашистов из Голландии в главном здании тюрьмы создали специальный госпиталь для лечения оставшихся в живых заключенных, которые настолько ослабли, что не могли двигаться. Постепенно тюрьма превратилась в настоящий госпиталь. Только одно крыло использовалось не по назначению. В нем содержались коллаборационисты, шпионы и важные уголовные преступники, среди них находился и Христиан Линдеманс. Он слабел с каждым днем и так исхудал, что кожа, казалось, висела складками на его гигантском скелете. Кроме всего прочего, он был парализован. Тюремные врачи, зная, что у Линдеманса было пробито одно легкое, стали подозревать у него туберкулез и поэтому из сырой каменной камеры перевели его в тюремный госпиталь для исследований и лечения.

В голландских тюремных госпиталях обычно не встретишь женщин-сестер, но поскольку Схевенингенская тюрьма стала скорее госпиталем, чем тюрьмой, этого правила больше не придерживались. Линдеманс уже не был атлетом, который мог вскружить голову любой девушке, но тем не менее одна из сестер влюбилась в него, если только верить официальной версии.

Может быть, они знали друг друга раньше, когда Линдеманс мог одной рукой подбросить в воздух взрослого человека и выпить вина больше, чем трое мужчин. Вполне вероятно, что ее привлекла слава Линдеманса и что она не считала его виновным. Что бы там ни было, но мы никогда не узнаем, что заставило эту сестру помочь Линдемансу избежать последствий надвигавшегося суда.

Линдеманс находился один в палате тюремного госпиталя. Снаружи дверь закрывалась на засов. Единственное оконце было заделано железной решеткой. Палата находилась на четвертом этаже. Обстановка явно не способствовала побегу. К тому же следует учитывать тот факт, что Линдеманс был частично парализован и вообще очень слаб. Однако, согласно официальной версии, смелый план побега почти удался. Сестре удалось

пронести стальную пилу в палату Линдеманса. Этой пилой она собиралась перепилить толстые железные прутья решетки, причем так, чтобы внешне они казались целыми, но их можно было бы снять одним усилием. Эта сестра имела помощника по прозвищу Поющая Крыса, который отбывал короткий срок заключения. По ее просьбе ему позволили ухаживать за больными.

Человек, который пытался перепилить прутья железной решетки стальной пилой, знает, какая это нелегкая работа, особенно если нельзя создавать шума. Сестры госпиталей обычно перегружены работой и не имеют ни минуты свободного времени. К тому же они всегда работают под наблюдением врачей. Однако в данном случае сестра имела столько свободного времени, что часами пилила решетку в палате Линдеманса, не вызывая подозрений со стороны врачей. Конечно, сестра могла меняться с Поющей Крысой, но и тогда она должна была стоять около палаты на случай, если кто-нибудь войдет в палату неожиданно. Столько работы, и никто ничего не заметил! Для тюремного госпиталя это было более чем странно.

Вторую часть плана осуществить было значительно труднее. Заговорщики должны были решить, как Линдеманс, после того как он пролезет через окно, спустится на землю. Ведь его палата, как я уже говорил, находилась на четвертом этаже.

В этой части стены не было ни водосточной трубы, по которой Линдеманс мог бы спуститься вниз, ни выступов. Поэтому договорились так: в ночь побега Поющая Крыса из окна кладовки, которое находилось рядом с окном палаты Линдеманса, выбросит резиновый шланг. По нему-то Линдеманс и спустится вниз.

Раньше для Линдеманса это не составило бы большого труда. Его сила позволила бы ему спуститься по шлангу с любой высоты, лишь бы шланг выдержал его огромную тяжесть. Теперь Линдеманс был крайне слаб и к тому же парализован. Правда, вес его намного уменьшился, что было значительным облегчением для рук, но это не решало дела. Когда я видел Линдеманса в последний раз несколько месяцев назад, он едва ли смог бы сделать на веревке узел. Теперь же, еще больше ослабев, — Линдеманс долго болел и потерял аппетит — он должен был решиться на подвиг, совершить который смог бы далеко не каждый опытный и бесстрашный вор-взломщик.

Однако, как ни странно, согласно официальной версии, Линдемансу удалось спуститься по резиновому шлангу. Но он наделал слишком много шума, и часовые, почувствовав что-то неладное, схватили его. Через несколько минут Линдеманс снова

очутился за решеткой.

Казалось, теперь власти должны были приложить все силы к тому, чтобы арестовать помощников Линдеманса, благодаря которым он чуть было не совершил побег за несколько дней до суда. Не надо было долго думать, чтобы заподозрить сестру, которая столько часов посвятила заключенному. Если сразу трудно было доказать ее соучастие в преступлении, следовало хотя бы заменить ее другой сестрой. Но по совершенно необъяснимым причинам ее не арестовали и даже не сняли с работы.

День суда приближался. Вскоре весь мир должен был узнать о предательстве Линдеманса. Наконец-то фальшивый кумир окажется низвергнутым! Но судьба сыграла еще одну злую шутку… Линдеманс лежал в кровати, когда за два дня до суда во время обычного утреннего обхода врачи вошли в его палату. Он был мертв. Рядом с ним неподвижно лежала сестра. Она еще дышала. Ее тотчас же отправили в госпиталь, где ей дали сильное рвотное средство и сделали все возможное, чтобы привести ее в чувство. Через некоторое время она пришла в себя и призналась, что дала Линдемансу восемьдесят таблеток аспирина и столько же проглотила сама. Она рассказала, что они договорились покончить жизнь самоубийством.

Так предатель обманул правосудие. Теперь он находился вне досягаемости закона, но какова дальнейшая судьба сестры, которая помогла Линдемансу избежать суда? Ее, несомненно, должны были привлечь к ответственности: во-первых, она принимала участие в устройстве побега заключенного и, во-вторых, и это самое важное, совершила убийство. Однако сестра, которая была бы рада отделаться многолетним тюремным заключением, так и не предстала перед судом. Впоследствии она занимала ответственные должности в голландских государственных учреждениях. Все это кажется мне очень странным.

Корнелис Верлуп, к моему удивлению, также избежал суда. Я слышал из различных источников, что впоследствии, находясь на службе в одном голландском учреждении, он занимал официальный пост в Германии. Весьма любопытное вознаграждение для человека, предавшего родину. Даже не хочется этому верить.

Специальный трибунал, который должен был судить Линдеманса, распустили, и он не провел ни одного заседания. В голландских газетах появились заметки о смерти Линдеманса. Дело было официально прекращено.

Итак, Линдемансу, этому распутному, тщеславному,

жестокому и трусливому человеку, повезло с женщинами и в конце его жизни.

Ведь если бы Линдеманс не появился тогда в антверпенском концентрационном лагере, чтобы освободить двух девушек, я никогда не заподозрил бы его в предательстве.

Линдеманс был самым опасным шпионом из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться на своем веку: я имею в виду не только его методы, но и вред, причиненный им союзникам. Некоторые могут не согласиться с заявлением, что именно преступные действия Линдеманса продлили войну на шесть месяцев. Но семь тысяч убитых и раненых доблестных «красных дьяволов Арнема», гибель многих людей — участников Движения сопротивления и преданных Линдеманом секретных агентов, замученных в застенках гестапо, — дело его рук, и этого нельзя отрицать. Смерть Линдеманса, последовавшая за несколько дней до суда, помешала людям узнать всю правду. Этим не замедлили воспользоваться. Отдельные лица стали предпринимать попытки обелить Линдеманса. Английская пресса собиралась рассказать читателям о его деятельности и смерти. В связи с этим представитель голландского правительства в Лондоне предложил мне опровергнуть тот факт, что Кинг Конг — виновник провала Арнемской операции. Но для меня Линдеманс был не мальчиком, который по неопытности наделал много глупостей, а подлым предателем, за деньги продававшим врагу важнейшие секретные сведения.

Глава 10.
ДЕВУШКА В ГОЛУБОЙ БЛУЗКЕ

Одним из главных качеств контрразведчика должна быть способность к самоотречению. Пожалуй, на этом нужно было бы остановиться в одной из первых глав, когда я рассматривал основные качества охотника за шпионами, но читатель, видимо, замечал необходимость этого качества и в тех случаях, которые я уже описал. Охотник за шпионами должен быть не менее хладнокровным и объективным, чем ученый, наблюдающий через микроскоп за жизнью бактерий. Дав простор своим чувствам, он неизбежно начнет делать ошибку за ошибкой и постепенно может растерять все качества и способности контрразведчика.

Разведчиками люди становятся по самым различным причинам, Одних прельщают необычайные, захватывающие приключения, других — надежда разбогатеть, третьих — таких, как старый голландский почтовый чиновник Дронкерс, — толкают на шпионаж родственники. Наконец, некоторые мужчины и женщины идут на эту опасную работу потому, что они горячие патриоты и страстно хотят помочь своей родине. Иногда человека толкают на шпионаж сразу несколько мотивов. Но каковы бы они ни были — если шпиона задержат, он всеми средствами, до конца будет бороться за свою жизнь, яростно, как загнанная в угол крыса.

Допрашивая припертого к стене шпиона, контрразведчик не имеет права поддаваться сентиментам. Он не должен думать, что подозреваемый — это человек, жизнь которого зависит от результатов работы следователя. Он не имеет права выходить из терпения, если подозреваемый упрям или раздражителен, высокомерен или насмешлив. Во время перекрестного допроса следователь должен быть воплощением холодного, невозмутимого разума. После успешного завершения дела он может дать волю своим чувствам — восхищаться находчивостью и упорством шпиона или презирать мотивы его действий, если они этого заслуживают. Но чувства эти, вполне уместные после окончания следствия, недопустимы, когда дело только распутывается, — они затуманивают рассудок, как дыхание — зеркало.

Так должно быть. Но у каждого опытного контрразведчика, если он человек с душой и нервами, среди множества дел были и такие, которые затронули его чувства. Как бы мы ни закаляли себя, в конце концов мы только люди и никогда не можем

гарантировать, что какое-нибудь непредвиденное сплетение обстоятельств не выявит в нас той или иной слабости.

Случай, о котором я собираюсь сейчас рассказать, касается не меня, но в его достоверности можно не сомневаться — его главным действующим лицом был мой товарищ, агент французского Второго бюро[12]. Он рассказал мне об этом случае не для того, чтобы похвастаться своими способностями — это не в его стиле, да и я достаточно много слышал о его заслугах. Более двадцати пяти лет я держал в тайне его рассказ, но теперь он умер, и я могу сообщить вам об этом случае, являющемся для меня блестящим примером (о котором Ги де Мопассан, этот мастер иронии, рассказал бы не задумываясь) той ситуации, при которой невозможно избежать проявления личных чувств.

Через несколько лет после окончания первой мировой войны я по одному делу приехал в Париж. Второе бюро, которое было тесно связано с нашей разведкой, предложило мне услуги одного из своих лучших агентов. Я назову его здесь Анри Дюпоном. (Многие его родственники, в том числе жена, еще живы, и мне бы не хотелось раскрывать его настоящую фамилию.) Мы знали друг друга по работе в первую мировую войну, так как время от времени меня прикомандировывали ко Второму бюро, а теперь стали добрыми друзьями. Мы решили отпраздновать успешное окончание одного трудного дела, заказав самый лучший обед, который можно было получить в Париже, славившемся великолепной кухней.

Да, это был замечательный обед. И вот мы с сигарами в зубах откидываемся на стульях и оценивающе покатываем в бокалах последние капли великолепного бренди. Оба мы в том удивительно приятном настроении, которое способны создать только изысканная пища и тонкие вина. Мы не пьяны, о нет, до этого далеко! Но жизнь кажется легкой, прекрасной, люди — добрыми и хорошими, и хочется говорить, говорить…

Мы окунулись в воспоминания, обсуждая случаи, свидетелями или участниками которых были когда-то оба или каждый в отдельности. Под покровом времени исчезли все неудачи и страдания, и теперь все прошлые дела казались нам чрезвычайно успешными, даже блестящими. Разговор перешел к неудачам, и мы, не жалея себя, рассказывали о своих слабостях. Затем мы заговорили о нелегких решениях, о случаях, когда приходилось блуждать в потемках и в конце концов оказываться в тупике. Я рассказал Анри, как однажды не смог найти доказательств виновности подозреваемого и вынужден был отпустить его на свободу, хотя не сомневался, что он был шпионом.

Когда я замолчал, наступила тишина. Анри задумчиво, невидящим взглядом смотрел в свой бокал. Я попросил официанта наполнить наши бокалы и легонько толкнул друга.

— Скажи, Анри, а тебе приходилось принимать трудные решения? Неужели в твоей работе не было неудач и ты всегда легко раскрывал шпионов?

Анри поднял на меня глаза, печально улыбнулся и так крепко сжал рюмку, что суставы его пальцев побелели. У меня мелькнула мысль, что мой вопрос оказался, видимо, бестактным. Анри тяжело вздохнул.

— Да, друг мой, ты коснулся самого больного места. Был у меня один случай, которым я не могу гордиться. Ночами я часто думаю о нем. Ты, наверное, знаешь: иногда за день так устаешь, что ночью уже не в состоянии контролировать свои мысли. Правда, я все-таки выполнил свой долг. Но почему это должно было случиться со мной? Неужели я никогда не забуду ее лица?

Он замолчал и сосредоточенно занялся сигарой.

— Расскажи, — неуверенно попросил я.

Он поднял голову и улыбнулся доброй грустной улыбкой.

— Пожалуй, я расскажу. Об этом не знает никто. Может быть, если я поделюсь с тобой, эта тайна перестанет тяготить меня,

Он замолчал, повертел в руках бокал с бренди, затем поднял его и неторопливо, смакуя, отпил глоток вина.

— Слушай, — начал Анри. — Это могло случиться с любым, в там числе и с тобой, но случилось со мной. Второе бюро послало меня по делам контрразведки в город N, и я пробыл там больше года. Ты помнишь этот лагерь? Работы там хватило бы для сотни офицеров, а нас было всего трое. Каждый день к нам поступали новые люди, и приходилось работать с раннего утра и до полуночи. А поток подозреваемых не иссякал, и мы не успевали допрашивать всю эту массу людей. Наша работа казалась бесконечной. С таким же успехом можно было бы решетом вычерпывать воду из прохудившейся лодки.

Через шесть месяцев после прибытия в N я имел право идти в отпуск, но совесть не позволяла мне оставить изнемогающих от работы товарищей. Я привык работать добросовестно, — а ты понимаешь, что это значит, — да и работа мне нравилась. Неделя шла за неделей, а я все откладывал отпуск, пока не прошел целый год работы в лагере. Пошел второй год, и тут я понял, что нервы у меня никуда не годятся. Я угрюмо и раздражительно разговаривал с товарищами, а что еще хуже — начал допускать ошибки на службе, с криком и бранью обрушиваясь иногда на людей, которых мне приходилось допрашивать. Я стал забывчив, действовал подчас нерешительно и поступал нелогично. Меня

мучила бессонница, нервы были постоянно взвинчены. Но я продолжал работать, упрямо отказываясь поддаваться усталости. И вот однажды комендант отозвал меня в сторону и приказал немедленно ехать в отпуск. Неохотно, но в глубине души с благодарностью, я подчинился.

Я так устал, что не хотел ехать в слишком шумный и веселый Париж, а решил отдохнуть в Л. — небольшом городишке, почти деревне, километрах в тридцати от лагеря. Это было тихое, спокойное местечко, казалось, совсем нетронутое войной. В ту же ночь слуга упаковал мои вещи, и утром, после завтрака, я уехал.

В Л. настроение у меня сразу поднялось. Улицы здесь неровные, узкие, а дома старинные, необычной архитектуры, но очень милые. Небольшая речушка петлей огибала город, который уютным гнездышком расположился в ее излучине. Ярко светило солнце, пели птицы. Пожалуй, уже больше года я не чувствовал себя так по-мальчишески легко и свободно. Комнату я снял в недорогой гостинице, надеясь, что там ничто не будет напоминать мне о войне и работе. На две недели необходимо забыть обо всем и только отдыхать.

В гостинице было очень чисто, а слуги оказались на редкость приятными и внимательными. Перед обедом я сидел на террасе и не торопясь потягивал слабенькое местное вино. Ярко светило солнце, сверкая в реке, которая мирно текла сразу же за садом. Потому ли, что я наконец был в отпуске, но жизнь казалась мне прекрасной и с каждым днем — все лучше и лучше. Настало время обеда, я направился в ресторан.

Там было немного народу. Непобедимая профессиональная привычка помимо воли заставила меня определить их занятие. В одном углу сидели два фермера, горячо обсуждая перспективы урожая. Пожилой человек, который, судя по его черному костюму и рассчитанным движениям, служил нотариусом, сидел один, сосредоточив внимание на еде. Были тут еще одна-две пары, о которых нельзя было сказать ничего определенного, но вскоре я забыл о них, заглядевшись на девушку в голубой блузке, что сидела напротив меня. Она была молода и очень красива. Хотя девушка смотрела только к себе в тарелку, что-то подсказывало мне, что она смущена, как и я.

Ты, конечно, понимаешь, что целый год я не встречался с женщинами, и ни одна из подозреваемых, к счастью, не была так прекрасна, как эта девушка. Я был еще довольно молод, не женат, а настроение у меня было праздничное, светлое.

Словом, во время обеда я то и дело украдкой посматривал на свою прекрасную соседку. Поймав, наконец, ее взгляд, я поднял стакан, как бы произнося в ее честь тост, и она ответила

застенчивой улыбкой, а лицо ее залилось ярким румянцем. В конце обеда я подозвал к себе пожилого официанта и послал его передать очаровательной девушке мое восхищение ею и просьбу, не позволит ли она мне пересесть за ее стол, Я с волнением наблюдал за ним, ожидая презрительного отказа и в то же время надеясь, что его не будет. Мои робкие надежды оправдались. Зардевшись, девушка кивнула официанту и улыбнулась. Я вскочил со стула и подошел к ней.

Вначале разговор не клеился. Но вскоре лед был сломан, и мы принялись весело болтать на разные темы. Ее звали Мари, она работала секретаршей в одной из парижских фирм, а сюда приехала в отпуск. Я спросил, почему она, такая очаровательная девушка, решила отдыхать в уединенном Л., где нет почти никаких развлечений. Она слегка пожала точеными плечами и улыбнулась. Париж, конечно, прекрасный город, но там очень шумно, беспокойно, слишком много веселящихся солдат и офицеров. Родители Мари жили в прифронтовой деревушке, так что отдыхать у них было невозможно. Поэтому она решила провести отпуск с подругой в Л., который им рекомендовали как чудесное место для тихого, спокойного отдыха. В последний момент ее подруга по семейным обстоятельствам не смогла поехать. И вот она отправилась в путь одна и прибыла сюда сегодня утром.

Ее объяснение, — продолжал Анри, — заставило меня сказать что-нибудь о себе. Я сказал ей, что работаю в крупном французском телеграфном агентстве. Это было действительно так, потому что, как ты помнишь, во время войны многие наши контрразведчики при выполнении секретных заданий официально числились на службе в телеграфных агентствах. Мне тоже надоела столичная суета, и я решил провести отпуск в спокойной обстановке. Теперь, с улыбкой добавил я, мой отпуск будет, пожалуй, не таким спокойным, как я думал. Румянец еще ярче запылал на ее щеках, а глаза кокетливо сверкнули.

— Я решил перейти в атаку, — продолжал Анри. — Стоял прекрасный солнечный день. Она о чем-то задумалась. Я спросил, что она собирается делать до ужина. Оказывается, ей очень хотелось бы покататься на лодке, но она, к сожалению, не умеет грести. Какое странное совпадение! — воскликнул я. — Мне тоже хотелось покататься. К счастью, я гребу, пожалуй, лучше всех во Франции. Ведь из моей семьи вышли чемпионы по гребле! Разумеется, я пригласил ее покататься на лодке. Она снова покраснела, но согласилась.

И вот мы отправились на пристань и взяли лодку. Она устроилась на подушках на корме, а я сел лицом к ней и стал

медленно грести против течения. Ты сам понимаешь, что мне было далеко до чемпионов по гребле, но вести лодку прямо не так уж трудно. Война и работа, казалось, давно канули в прошлое. Берега реки утопали в сказочно яркой, свежей зелени, где-то рядом на все голоса щебетали невидимые птицы, а высоко в небе пылало летнее солнце.

Дневная жара, казалось, помогла созреть нашей дружбе, — продолжал Анри. — Вскоре я чувствовал себя так, словно мы знали друг друга много месяцев и даже лет, а не считанные минуты и часы. Нам уже не нужно было непрерывно говорить, лихорадочно подыскивая новые темы. Солнечные лучи прорывались сквозь ветви деревьев, дружно обступивших тихую речку, и бросали пестрые тени на спокойную воду. Время от времени мы замолкали, чтобы затем снова начать непринужденный разговор. Я взял из гостиницы корзину со всякими яствами и вином; и вот после часа гребли мы решили пристать к берегу. Подплыв к живописной поляне, я вытащил лодку на берег и помог выйти своей прелестной спутнице. Мы распили бутылку хорошего легкого вина, закусили и улеглись на теплую траву, слушая жужжание пчел и щебетанье птиц на деревьях, склонивших над поляной свои тяжелые ветви. Я привстал, чтобы достать пачку сигарет, и повернулся на локте. Мари лежала рядом; ее красивое лицо разрумянилось на солнце, грудь мерно поднималась под голубой блузкой. Она улыбнулась мне. Неожиданно для самого себя я наклонился и поцеловал ее в теплые губы.

Отдохнув, мы сели в лодку, я сложил весла, и лодка сама пошла вниз по течению, а я сел рядом с Мари, обняв ее за тонкую талию. Мы почти не разговаривали, а только изредка целовали друг друга.

— Ты, конечно, понимаешь, — сказал Анри, — что на этой стадии нашего знакомства не могло быть и речи о любви. Оба мы отдыхали здесь от ужасов этой жестокой войны. Мы не знали, что нас ждет завтра, а сегодня хотели наслаждаться.

После ужина мы снова пошли гулять вдоль берега реки. Л. — такой тихий городишко, что там нет почти никаких развлечений. Да мы и не искали их. Мы были молоды, и нас вполне удовлетворяло самое старое развлечение в мире. Мы не рассуждали о том, куда нас поведут наши чувства. Но, войдя в гостиницу, все обитатели которой уже спали, мы молча направились ко мне. Окна были широко раскрыты, шторы сдвинуты в стороны, и лунный свет мягко освещал комнату… Я прижал к себе Мари, ее руки обвили мою шею… Она шептала мне в ухо отрывистые, почти бессмысленные нежные фразы. Я стал

покрывать поцелуями ее лицо, шею, плечи, грудь. Она не сопротивлялась… И вдруг я услышал: «Ich liebe dich!»[13]

Руки у меня ослабли и похолодели. Пыл мой куда-то исчез, словно я обнаружил, что держу в руках труп. Инстинкт контрразведчика заставил меня насторожиться. Может быть, я ослышался? Нет, я не мог так обмануться! Мари, желанная, прекрасная Мари, которая говорила, что работает в Париже, а сюда приехала в отпуск, теперь забыла обо всем и в порыве страсти прошептала мне слова любви по-немецки!

Я освободился из ее объятий. Мари удивленно и с тревогой смотрела на меня.

— Что случилось, милый?

Я сказал первое, что пришло мне в голову:

— Мне нужно купить сигарет — в пачке осталось всего несколько штук.

Она рассмеялась.

— Сигарет? Где ты купишь их сейчас, ночью? Кроме того, — она указала на только начатую пачку сигарет, которая лежала на столике возле кровати, — даже если ты захочешь курить непрерывно всю ночь, у тебя еще останется несколько штук на утро. Да и зачем тебе сигареты? Разве ты даже сейчас не можешь забыть о них? Или ты просто не любишь меня? Скажи правду, милый!

Улыбаясь, она протягивала ко мне руки.

— Извини меня, Мари, — ответил я, — но сейчас мне не до любви. Не заставляй меня говорить прямо — я и так уже нарушил свой долг. Слушай меня: я ухожу, ну, допустим, купить сигареты и вернусь ровно через полчаса. Если, вернувшись, я еще застану тебя здесь, мне останется только арестовать тебя и передать в ближайший военный штаб.

— Арестовать, меня? Милый, тебе, видно, нездоровится. Или ты шутишь?

— Нет, я не шучу, дорогая. Если бы это была только шутка!… Ради бога, не заставляй меня говорить прямее. Ну хорошо, слушай: я прикомандирован к агентству Гавас, но на самом деле работаю во Втором бюро. Теперь тебе все понятно?

— Но что я сделала?

— Не будем терять время. Ты не сделала мне ничего дурного, и я благодарен тебе больше, чем могу выразить. Но теперь прощай. Мы должны расстаться навсегда. Один раз я уже нарушил свой долг. Второй раз этого не случится.

Я хлопнул дверью и быстро пошел к реке, где несколько часов назад был так счастлив, — продолжал свой рассказ Анри. — Я ходил взад и вперед, закуривая одну сигарету за другой и

судорожно перебирая в уме события последних часов. Мари — немецкая шпионка, это несомненно. Маленькие неточности в ее рассказе о себе, на которые прежде я не обратил внимания, послужили новой уликой, подтверждая, что я не ослышался: несколько минут назад она действительно произнесла три роковых немецких слова. Я никогда не забуду этого чудесного дня! Мари искренне полюбила меня. Ее любовь не была «любовью» шпионки, пытающейся выведать тайны. Она видела меня только в гражданской одежде и не знала, что я связан с армией. Я не сказал ничего, что могло бы побудить ее сблизиться со мной ради получения каких-то секретных сведений.

Вероятно, она тоже была в отпуске и забыла о своих обязанностях. Но одно несомненно — она шпионка. Как контрразведчик, я обязан был немедленно арестовать ее. Но я же мужчина, человек! Существуют же границы, за которыми патриотизм уступает место голосу плоти.

Я ходил взад и вперед, страстно желая надеяться, что мои умозаключения ошибочны, и что через полчаса я увижу Мари в гостинице. Пусть она смеется надо мной или сердится, лишь бы она была невиновна, лишь бы мое предупреждение оказалось ненужным. Полчаса истекли, и, возвращаясь в гостиницу, я почти был уверен, что увижу ее опять. Но нет! Моя комната была пуста; я осторожно приоткрыл дверь комнаты Мари — там было темно. Я тщательно обыскал ее комнату, но не нашел никаких признаков ни Мари, ни ее вещей. Мари последовала моему совету и исчезла. Значит, она действительно немецкая шпионка!

Анри замолчал и погасил сигару, словно подчеркивая, что рассказ окончен.

— Да, случай печальный, — произнес я.

— Подожди, — прервал Анри, — это еще не конец. Финал этой драмы был еще печальнее.

— Так рассказывай, что же случилось дальше, — заторопил я.

— Я еще день или два пробыл в Л., — продолжал Анри, — но вся прелесть моего отпуска пропала. Где бы я ни был, река, гостиница напоминали мне о Мари, о девушке в голубой блузке. Люди раздражали меня, и я был груб и нетерпелив. Долгие прогулки не избавляли меня от мыслей о Мари. После ужина я сразу шел спать, чтобы хоть во сне найти забвение и утешение. Но мысли о Мари, о том, куда она могла исчезнуть, не давали мне уснуть. Я уже начинал проклинать себя за чрезмерную честность, готов был считать свою добросовестность предрассудком. Какой был бы вред, спрашивал я себя, если бы я продолжал любить Мари до конца своего отпуска? Она все время проводила бы со мной и не смогла бы заниматься шпионажем,

даже если бы хотела. А затем я бы предупредил ее, что мне все известно, и мог отговорить от работы на немецкую разведку. А теперь она ушла навсегда, и я уже никогда не буду счастлив с девушкой, которая всего день назад заставила меня испытать такое хорошее, глубокое чувство.

Устав от всех этих переживаний, я решил прервать отпуск и вернуться на службу. Коллеги удивились моему неожиданному возвращению, но были довольны, что часть их работы я теперь возьму на себя. Они, конечно, интересовались причиной моего скорого возвращения, и многие их шутливые замечания, надо сказать, попадали в цель. Но я только молча пожимал плечами, а они продолжали шутить. Я с головой погрузился в работу, пытаясь развеять свою тоску в бесчисленных перекрестных допросах задержанных лиц.

Через два дня после возвращения в лагерь я услышал за окном своего дома какой-то шум. В комнату без стука ворвался сержант и, запыхавшись, сказал:

— Извините, мосье, сейчас двое солдат поймали в деревне шпионку. Она здесь. Задержана на месте преступления, когда она пыталась выудить секретные сведения у нашего офицера. Конвой на дворе. Вы не могли бы заняться ею?

— Я схватил фуражку, — сказал Анри, — застегнул ремень и выскочил за дверь. Мне надоело просматривать бумаги, и я был доволен неожиданной переменой работы. Но вдруг я застыл на пороге, словно мне в самое сердце попала пуля из крупнокалиберного пистолета. Между двумя солдатами стояла Мари. Взгляд ее выражал веселое пренебрежение ко всему происходящему, но вот она узнала меня и мгновенно побледнела. В груди у меня громко стучало сердце, я не хотел верить своим глазам.

— Ч-что это з-значит? — заикаясь, проговорил наконец я.

Один из солдат вытянулся по стойке «смирно», продолжая держать Мари за руку, и заговорил тем бесцветным голосом, которым рядовые и сержанты обычно докладывают офицерам.

— Мосье, час назад Дюпуи и я находились у кафе «Лё лапэн руж». Эта девушка находилась в отдельном кабинете с одним гусарским офицером. Офицер подозревал ее и притворился пьяным. Она стала выспрашивать у него, где его полк и в какую дивизию он входит. Офицер остался с нею, а своего товарища послал за нами. Мы арестовали ее и обыскали. У нее в сумке оказалась вот эта записная книжка. Мы решили привести ее сюда, в лагерь.

Он протянул мне маленькую записную книжечку в кожаном переплете. Я перелистал ее, волосы у меня встали дыбом. На

двух — трех страничках были записаны фамилии офицеров и номера частей, а на одной из страниц я увидел грубо вычерченную карту. Штабы частей были обозначены стрелками. Нетрудно было определить, что пометки на карте сделаны по немецкому образцу, на последней странице книжки я увидел два берлинских адреса.

У меня больше не было сил прямо смотреть на Мари, но я заставил себя пристально посмотреть ей в глаза.

— Что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил я ее как можно более официальным тоном.

Она слегка улыбнулась и, пожав плечами, ответила: «C'est la guerre»[14].

Но вдруг она не выдержала. Вырвавшись из рук солдат, Мари упала передо мной на землю и стала целовать мои грязные сапоги. Ты помнишь, наверное, какие тогда были лагеря, — грязь по колено. Она лежала в этой грязи, судорожно цепляясь за мои ноги, и просила пощады, а солдаты пытались заставить ее встать. Я смотрел вниз на ее прекрасную белокурую голову, которую так недавно покрывал страстными поцелуями, и сердце у меня разрывалось от горя. Я не мог вымолвить ни олова.

— Спаси меня, ради бога, спаси меня! — рыдая, повторяла она. — Отпусти меня, умоляю! Умирать такой молодой…

Даже на пороге смерти она заботилась обо мне — говорила по-немецки, чтобы солдаты ничего не могли понять.

Я не мог говорить, но второй раз нельзя было изменить своему долгу.

— Отведите её в камеру, — сказал наконец я солдатам. — Завтра состоится суд.

Пришло утро, судьба сыграла со мной еще одну злую шутку. По графику председателем суда должен был быть я, и оказалось, что заменить меня некому. Я выслушал улики, опровергнуть которые было невозможно, и как шпионку приговорил Мари к расстрелу на рассвете следующего дня. По традиции я предложил Мари высказать последнее желание. Она уже успела прийти в себя и теперь с улыбкой посмотрела на меня долгим взглядом.

— Мне бы хотелось получить пачку сигарет, — спокойно сказала она и назвала мои любимые сигареты, — в память о счастливом, но, увы, коротком отпуске и о друге, который спас меня один раз, но не мог это сделать во второй раз.

Ее расстреляли на рассвете следующего дня. Мне говорили, что смерть она встретила бесстрашно, с высоко поднятой головой. И вот до сих пор, когда я просыпаюсь ночью, перед глазами у меня появляется Мари, девушка в голубой блузке, и сердце сжимается от боли. Но разве я мог поступить иначе?

Я посмотрел на Анри и слегка пожал плечами.

— Ты прав, друг мой, что тебе оставалось делать? Ce n’est pas drôle mais c’est la guerre[15].

notes

1

Центральная английская уголовная полиция. — *Прим. ред.*

2

Район на южной окраине Лондона. — *Прим. ред.*

3

Площадь в Лондоне. — *Прим. ред.*

4

Полуостров на западном побережье Франции. — *Прим. ред.*

Аристократический район Лондона. — *Прим. ред.*

6

Пожар *(нем.)*

7

Бедняга *(нем.)*

8

Почему? *(нем.)*

9

Ну, теперь я удовлетворен. Можете идти. Вы свободны *(нем.)*

10

Мой дорогой друг *(нем.)*

11

Военная разведка и контрразведка фашистской Германии. — *Прим. ред.*

12

Второе бюро — французская контрразведка. — *Прим. ред.*

13

Я люблю тебя *(нем.)*

14

Война есть война *(франц.)*

15

Война — это не забава *(франц.)*